

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА № 10 (67)

CHITA STATE UNIVERSITY JOURNAL

Чита 2010

Основан
в 1995 г.

Учредитель:
Читинский государственный университет

Журнал зарегистрирован как СМИ
29.11.2005, регистрационный номер
ПИ № ФС 13 – 2010

Журнал участвует в Российском индексе
научного цитирования (РИНЦ)

Периодичность издания: 12 номеров в год

Научные направления журнала, рекомендо-
ванные ВАК РФ для публикации результатов
исследований на соискание ученой степени
кандидата и доктора наук:

- 08.00.00 – Экономические науки;
- 09.00.00 – Философские науки;
- 10.00.00 – Филологические науки;
- 12.00.00 – Юридические науки;
- 13.00.00 – Педагогические науки;
- 17.00.00 – Искусствоведение;
- 19.00.00 – Психологические науки;
- 23.00.00 – Политология;
- 24.00.00 – Культурология;
- 25.00.00 – Науки о Земле

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ»
можно оформить в любом почтовом отде-
лении. Подписной индекс по федеральному
почтовому Объединенному каталогу Пресса
России и интернет-каталогу «Российская
периодика»

www.agrk.org: 82102.

Подписка осуществляется и через редак-
цию. Также журнал можно
приобрести в розницу. Цена 250 руб.

Тел.: +7 (3022) 41-67-18
E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
Web: www.journal.chitgu.ru

Все материалы, опубликованные в научном
журнале «Вестник ЧитГУ», являются авто-
рскими и защищены авторскими правами.
Перевод материалов и их переиздание в
любой форме, включая электронную, воз-
можны только с письменного разрешения
Редакционной коллегии.

Вопросы, касающиеся использования
материалов журнала, направляйте главному
редактору по электронной почте либо по
почтовому адресу: 672039, г. Чита, ул. Алек-
сандро-Заводская, 30, редакция журнала
«Вестник ЧитГУ»

Мнение редакции не всегда совпадает с
мнением авторов.
Качество иллюстраций соответствует качес-
тву представленных оригиналов

ISSN 1999-9976
ISSN (on-line) 2071-7938

Вестник ЧитГУ теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

- Резник Ю.Н.** – гл. редактор, д-р техн. наук, профессор, ректор ЧитГУ;
- Малышев Е.А.** – зам. гл. редактора, канд. техн. наук, доцент, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
- Романова Н.П.** – научный редактор, д-р социол. наук, доцент;
- Шалавина А.А.** – литературный редактор;
- Витовская М.А.** – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. наук, профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. наук, профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. наук, профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. наук, профессор (Чита), С.А. Иванов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Н.Б. Иметин, канд. техн. наук, профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. наук, профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Курск), В.И. Летунов, канд. техн. наук, профессор (Чита), Л.М. Любимова, канд. филол. наук, доцент (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. наук, доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. наук, профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. наук, профессор (Улан-Удэ), Ю.В. Павленко, д-р геол.-минер. наук, профессор (Чита), А.Б. Птицын, д-р техн. наук, профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. наук, профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. наук, доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. наук, профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. наук, профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. наук, профессор (Чита), И.И. Швецова, канд. физ.-мат. наук, доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. наук, профессор (Чита).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. наук, доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

Вестник Читинского государственного университета
(Вестник ЧитГУ) № 10 (67). – Чита: ЧитГУ, 2010. – 124 с.
Chita State University Journal. № 10 (67). – Chita St. Univ. Pr. 2010.

Экономические науки

УДК 338.2

Дмитриев Валерий Юрьевич
Valery Dmitriev

Харабет Виктор Викторович
Victor Kharabet

ОРГАНИЗАЦИОННО- ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СИСТЕМ

ORGANIZATIONAL-FUNCTIONAL FEATURES OF EDUCATIONAL AND INDUSTRIAL SYSTEMS' INTERRELATION

Рассматриваются принципы системы менеджмента высшего учебного заведения, основанной на взаимосвязи образовательной и производственной систем

In the present work principles of system of management of a higher educational institution based on interrelation of educational and industrial systems are considered

Ключевые слова: *высшее учебное заведение, управление, качество образования*

Key words: *higher educational institution, management, quality of education*

Подписание Украиной Болонской декларации и присоединение к процессу создания общеевропейского пространства высшего образования поставили перед Украиной проблему согласования системы высшего образования и приведение ее к единому общеевропейскому стандарту.

Внедрение в экономику Украины международных стандартов, в том числе стандартов качества (ISO серии 9000), привело к возрастанию требований к подготовке специалистов с высшим образованием, что должно повлечь за собой сертификацию качества деятельности высших учебных заведений на соответствие требованиям этих стандартов [1].

Качество подготовки специалистов — это проблема мирового масштаба. Об этом свидетельствует «Всемирная декларация о

высшем образовании для XXI в.: подходы и практические меры». В разделе: «От традиционных подходов к практическим мероприятиям» излагается ряд положений, в числе которых и оценка качества высшего образования [2].

Проблема качества подготовки специалистов в современных социально-экономических условиях обусловлена рядом объективных причин, в том числе конкурентоспособностью специалистов на рынке труда Украины, а вследствие интеграции Украины в европейское образовательное пространство, и конкурентоспособностью на европейских рынках труда [3].

Качество, как «объективная и всеобщая характеристика объектов», является философской категорией, отражающей результаты деятельности человека. Если в

сфере производства продукцией являются материальные результаты труда, то в сфере образования — это квалифицированные специалисты.

Качество продукции материального производства и образования находятся в прямой и обратной взаимосвязи: обеспечение качества выпускной продукции выступает фактором востребованности высокого качества подготовки соответствующих специалистов, а качество подготовки специалистов позволяет производству обеспечить качество выпускаемой продукции.

Поиск решения проблем обеспечения качества подготовки специалистов в вузах ведется в направлении разработки концепции, модели и критериев эффективности внутривузовской системы управления.

В мире существует множество школ в сфере управления [4, 5, 6, 7]. Среди моделей систем менеджмента, адаптированных для использования в высших учебных заведениях, можно привести десяток систем качества [8, 9, 10].

Несмотря на обилие международных моделей, до настоящего времени нет единого общепризнанного подхода в построении систем менеджмента высших учебных заведений. Существующие системы управления вузов не создаются в гармонии и взаимодействии с системами управления промышленных предприятий, которые являются основными заказчиками высшей школы и заинтересованы в высоком качестве подготовки ее выпускников.

Одним из главных принципов системы менеджмента качества (построенной на базе международного стандарта ISO 9001:2004) является принцип ориентации на потребителя — «Высшее руководство должно обеспечивать определение и выполнение требований потребителей для повышения их удовлетворенности» [8].

В практической деятельности вузы, изучив ситуацию на региональном рынке труда, руководствуясь этим принципом, инициативно создают собственные системы менеджмента, добиваясь максимального удовлетворения требований заказчиков-работодателей. Жесткая конкуренция застав-

ляет вузы переориентировать свою систему менеджмента на требования рынка труда так, чтобы выпускники имели гарантированное трудоустройство, а работодатели были готовы оплачивать подготовку специалистов в данном вузе.

Ориентация на требования потребителей образовательных услуг — крупных предприятий, которые, в основном, экспортируют свою продукцию, привела к модернизации образовательных программ и систем управления университета по требованиям, актуальным для основных работодателей и удовлетворяющим международным стандартам.

Важное значение имеет готовность предприятий региона совершенствовать свою кадровую политику.

Кадровая работа предполагает подбор, переподготовку, повышение квалификации, аттестацию и оценку деятельности работников, т.е. постоянное совершенствование профессионально-квалификационной структуры коллектива.

Аппарат управления предприятием и специалисты, участвующие в управлении, должны обладать высоким уровнем компетентности, творческой инициативой, современным экономическим мышлением, навыками работы в условиях полного хозрасчета и самофинансирования. Высоко ценятся в современном специалисте и организаторские навыки, умение работать в команде на конечный результат, умение брать ответственность на себя. Эти навыки качества воспитываются в специалисте путем «естественного отбора» в процессе работы на предприятии. Вузовское образование остается пока в стороне от целевых потребностей предприятия и продолжает готовить специалистов «широкого профиля», обладающих теоретическими знаниями и только некоторыми навыками в выбранной специальности.

Чтобы решить эту проблему, необходимо изменить систему подготовки кадров управленческого персонала, введя в практику вузовского образования совместные с предприятиями учебно-производственные комплексы. Изменение системы вузовского об-

разования может выражаться в специально ориентированной теоретической подготовке студентов в сочетании с практической на конкретном производстве (предприятии, организации).

В ситуации жесткого рынка предприятия-заказчики могут проводить собственную политику подготовки кадров, заказывая высшим учебным заведениям обучение по специально составленным программам.

Такая система вузовской подготовки даст возможность решать не только задачу предприятий — подготовка, переподготовка и повышение квалификации управленческих кадров, но и составит основу для достижения главной задачи высшего образования — обеспечение высокого научно-технического потенциала государства.

Образование как система, стремящаяся к адаптации в постоянно изменяющихся социально-экономических условиях, должна, с одной стороны, стремиться к самосовершенствованию, а с другой — отвечать современным требованиям социальной системы. Реализация указанных требований осуществляется инновационными процессами в образовательных системах, которые не могут быть обособленными от общества и действующих социально-экономических условий, и, прежде всего, от отраслевых

производственных систем, выступающих заказчиками на подготовку квалифицированных специалистов.

Практическое решение указанных задач связано с установлением взаимосвязи образовательной и производственной системы в региональных социально-экономических условиях. Уровень их решения в значительной мере зависит от найденного оптимального варианта и приближения успешности теоретико-практической подготовки студентов к реальным производственным условиям регионального рынка труда.

Модель внутривузовской системы обеспечения качества подготовки специалистов строится на комплексной взаимоувязке компонентов образовательной и производственной систем относительно специальностей, дисциплин, акцентов теоретической и практической подготовки специалистов.

Связь между компонентами образовательной и производственной системы носит стойкий региональный характер, обеспечивая целостность систем и стабильность их функционирования в реальных условиях внешней среды.

Обозначим компоненты образовательной и производственной систем и их соответствие, табл. 1.

Таблица 1

Компоненты образовательных и производственных систем

Компоненты обеспечения систем	Компоненты образовательных систем	Компоненты производственных систем
Миссия и политика	Цели и задачи высшего учебного заведения	Цели и задачи предприятия
Кадровое обеспечение	Студенты, научно-педагогический состав вуза, административно-управленческий и обслуживающий персонал	Рабочие, ИТР предприятия, административно-управленческий и обслуживающий персонал
Методическое и информационное обеспечение	Учебная и методическая литература	Конструкторская и нормативно-техническая документация
Организационное обеспечение	Содержание работ и программ подготовки специалистов	Содержание работ и технологических процессов
Техническое обеспечение	Учебная материально-техническая база	Материально-техническая база производства
Юридическое обеспечение	Стандарты качества подготовки специалистов	Стандарты качества выпускаемой продукции
Практическое обеспечение	Учебно-воспитательный процесс	Производственный процесс

Взаимосвязь образовательной и производственной систем осуществляется через взаимосвязь их соответствующих компонентов. Каждый из указанных компонентов систем находится во взаимосвязи друг с другом, а также с адекватными компонентами другой системы.

Рассмотрим целевые функции производственной и образовательной систем в их взаимосвязи. Цели и задачи производственной системы — это, прежде всего, выпуск качественной продукции, а целью образовательной системы — подготовка квалифицированных специалистов, способных обеспечить достижение целей производственной системы. Таким образом, целевые функции двух систем находятся во взаимосвязи и в свою очередь оказывают влияние как на взаимосвязь двух систем, так и на взаимосвязь их компонентов.

Следует отметить, что на целевые функции производственной и образовательной систем существенное влияние оказывают региональные социально-экономические условия.

Основой целевой подготовки специалистов является содержание подготовки специалистов, которое определяется образовательно-квалифицированными характеристиками (ОКХ) и образовательно-профессиональными программами (ОПП) на подготовку определенного квалификационного уровня специалистов (бакалавр, магистр). Их целесодержательная направленность представляет Стандарт на подготовку специалистов для определенной отрасли экономики.

Однако целевая подготовка специалистов для определенного производства требует их совершенствования в направлении специфики технологических процессов производства. Решение данной проблемы решается через разработку рабочих учебных программ дисциплин, определяемых учебным планом в цикле дисциплин, выбираемых вузом.

Таким образом, данные компоненты образовательной системы (содержание подготовки специалистов) и производственной системы (состав работ и технологических

процессов) вступают во взаимосвязь на основе нормативных документов, определяющих деятельность вуза и производства, что достаточно эффективно обеспечивает целевую подготовку специалистов.

Учебно-воспитательный и производственный процессы как целостные системы состоят из взаимосвязанных компонентов, вступающих во взаимодействие в процессе достижения конечной цели.

Производственные процессы отраслей экономики состоят из ряда технологических процессов, кадровое обеспечение которых непосредственно выходит на цели учебно-воспитательного процесса подготовки специалистов. Особенностью технологических процессов является тот факт, что их невозможно видоизменить или приспособить к целям обучения в той мере, которой определяется содержание учебной программы. Поэтому решение проблемы взаимосвязи двух процессов осуществляется путем совершенствования учебно-воспитательного процесса в направлении развития производственного процесса исходя из отраслевой его направленности и конкретного заказчика на подготовку специалистов.

Производственные процессы как системы являются динамическими процессами, непрерывное развитие которых связано с научно-техническими достижениями, изменяющимися условиями их развития и социально-экономическими требованиями к их конечному результату, т.е. выпускаемой продукции.

Учебно-воспитательный процесс основывается на учебной материально-технической базе соответствующей специальности. Материально-техническая база производства направлена на обеспечение выпуска продукции. Основой развития учебной материально-технической базы по специальности является максимальное приближение ее к материально-технической базе производства.

В своей целевой направленности учебная материально-техническая база должна быть направлена на обеспечение овладения студентами навыками, связанными с производством продукции, а следовательно,

она должна приближаться к реальным производственным условиям. Если в условиях вуза практические и лабораторные работы приближают деятельность студентов к реальным производственным условиям, то при прохождении различных видов практик на производстве студенты непосредственно участвуют в технологических процессах.

Таким образом, взаимосвязь учебной материально-технической базы учебного процесса и материально-технической базы технологического процесса является объективной реальностью и необходимостью решения их взаимосвязи на необходимом уровне, для обеспечения высокого уровня подготовки специалистов к реальным производственным условиям.

Критерием результатов деятельности вуза является качество подготовки специалистов, уровень которых определяется системой менеджмента качества, принятой в вузе.

Система менеджмента качества (СМК) вуза — это результат системного подхода к решению ряда проблем, связанных с взаимосвязью образовательной и производственных систем. Обоснованность их взаимосвязи обусловлена следующими факторами: производственная система выступает заказчиком и потребителем продукции образовательных систем (специалистов), а образовательные системы — исполнителями данных заказов.

Основополагающими факторами системы менеджмента качества выступают Стандарты качества выпускаемой продукции и Стандарты качества подготовки специалистов. Взаимосвязь этих документов также очевидна, их соответствие гарантирует достижение целей и задач предпри-

ятия, а значит, и целей высшего учебного заведения.

Теоретико-практический анализ особенностей взаимосвязи образовательной и производственной систем позволяет выделить ряд принципов, оказывающих влияние на систему качества:

— принцип системности взаимосвязи образовательной и производственной систем, предусматривающий установление структурно-функциональных связей между адекватными компонентами с учетом особенностей технологического и учебно-воспитательного процесса и социально-экономических условий региона;

— принцип комплексного решения проблем взаимосвязи образовательной и производственной систем, построенный не на решении отдельных вопросов, а на всестороннем анализе и поиске решения структурно-функциональных проблем в комплексе их взаимосвязи;

— принцип системообразующей роли технологических процессов производства в решении проблемных ситуаций взаимосвязи образовательной и производственной систем;

— принцип теоретико-практической целесообразности взаимосвязи образовательной и производственной систем, основанный на стандартах качества подготовки специалистов как части теоретического обучения и Стандартах отраслевых, построенный на качестве выпускаемой продукции;

— принцип непрерывности совершенствования взаимосвязи образовательной и производственной систем, как следствие непрерывности научно-технического процесса и модернизации производства.

Литература

1. Николаенко С. Якість вищої освіти в Україні: погляд у майбутнє // Вища школа. Наук. практ., вид. № 2. — 2006. — С. 3-23.
2. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и перспективные меры // Вестник высшей школы. Alma mater. — 1999. — № 3. — С. 29-35.
3. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. — М.: Логос, 2001. — 254 с.
4. Ватанобе И. Современные концепции управления: испытанные временем методы дости-

жения успеха в конкурентной борьбе: пер. с англ. – М.: Гросс-Медиа, 2005.

5. Траут Дж. Сила простоты. Руководство по успешным бизнес-стратегиям. – СПб.: Питер 2001.

6. Джордж М. Бережливое производство + шесть сигм. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

7. Лайкер Дж. Дао Toyota. 14 принципов менеджмента ведущей компании мира: пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2005.

8. ДСТУ ISO 9001-2009 (ISO 9001:2008) Системы управления качеством. Требования.

9. Соболев В.С., Степанов С.А. Концепция, модель и критерии эффективности внутривузовской системы управления качеством высшего профессионального образования // Университетское управление: практика и анализ. – 2004. – № 2 (31). – С. 102-110.

10. Національний стандарт України. Системи управління якістю. Настанови щодо застосування ISO 0001:2000 у сфері освіти (IWA 2:2003, IDT) ДСТУ-П IWA 2:2007. – Київ: Держспоживстандарт України, 2008.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Дмитриев В.Ю., проректор по экономике и перспективному развитию, Приазовский государственный технический университет (ПГТУ)
socsrsbornik@mail.ru

V. Dmitriev, prorector on economy and perspective development of the Priazovskogo state technical university

Научные интересы: экономика, менеджмент высшего учебного заведения

Scientific interests: economy, management of higher educational institution

Харабет В.В., канд. пед. наук, доцент, зав. каф. социологии и социальной работы, Приазовский государственный технический университет (ПГТУ)
socsrsbornik@mail.ru

V. Kharabet, Candidate of Pedagogical Science, assistant professor, head of sociology and social work department of the Priazovskogo state technical university

Научные интересы: профессиональная педагогика, проблемы национального образования

Scientific interests: professional pedagogics, problems of national community

УДК 301.085.5

Сокол-Номоконов Эдуард Николаевич
Eduard Sokol-Nomokonov

Сокол-Номоконов Владимир Эдуардович
Vladimir Sokol-Nomokonov

РОЛЬ ВРЕМЕННОГО ФАКТОРА В ПРОЦЕССАХ РЕАЛИЗАЦИИ ДОКУМЕНТОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

THE ROLE OF TEMPORARY FACTOR IN PROCESSES OF REALIZATION OF DOCUMENTS OF TERRITORIAL PLANNING

В статье исследуется роль временного фактора в процессах реализации документов территориального планирования муниципальных образований

Ключевые слова: временной фактор, процесс, управление, документы территориального планирования

The role of temporary factor in processes of realization of documents of territorial planning is investigated

Key words: temporary factor, process of management, documents of territorial planning

Обращение к теме настоящего исследования вызвано следующими обстоятельствами:

– во-первых, объективный процесс развития любой системы (к которым относятся и территория) метризуем как во времени, так и в пространстве. Временными параметрами являются не только длительность (или продолжительность) изменений, но и темп их изменений. Таким образом, процесс реализации решений, зафиксированных в документах территориального планирования, характеризуется длительностью и определенными темпами их осуществления;

– во-вторых, длительность и темпы процесса развития в значительной степени определяются механизмом управления этим процессом, который подчиняется некоторым общим закономерностям и может быть оптимизирован. Документы, именуемые планами реализации документов тер-

риториального планирования, должны содержать организационную составляющую, которая определяет длительности и темпы процесса развития;

– в-третьих, весьма вероятно, что существует обратная связь, при которой организованный процесс развития влияет на принятые ранее плановые решения и требует их коррекции. Таким образом, выявленное несоответствие плановых сроков и темпов развития является индикатором необходимости ревизии первоначальных планов (включая и документы территориального планирования, и планы их реализации).

Результаты территориального планирования, как правило, мало зависят от влияния объективных факторов. Планируемое территориальное развитие основано как на учете доступности необходимых для этого ресурсов, так и на учете возможных негативных природных процессов и явлений

(включая чрезвычайные ситуации), препятствующих реализации процесса. Решения о планируемых мероприятиях принимаются на основе анализа предшествующего комплексного развития и потому максимально защищены от случайных внешних воздействий. Таким образом, если пренебречь влиянием ошибок на аналитической стадии принятия решения, длительность и темпы реализации плановых решений становятся зависимыми почти исключительно от субъективных причин.

Субъективное начало присутствует на всех стадиях территориального планирования. При подготовке документов эксперты-разработчики используют богатейший опыт управления процессами развития: они изучают предшествующие плановые и программные документы, практику нормативного регулирования в сфере управления территориальным развитием, мнение членов местного сообщества по проблемам развития территории.

Территориальное планирование основано на принципах оптимального сочетания интересов власти, предпринимательских элит и местного населения. Если в процессе подготовки и публичного обсуждения проектов документов территориального планирования какой-либо из участников не проявляет настойчивости, то субъективное мнение наиболее активных участников процесса определяет базовую концепцию развития.

Если идеи о развитии территории, высказываемые в документе территориального планирования, не поддерживаются большинством субъектов градостроительной деятельности, то, в лучшем случае, они не будут впоследствии участвовать в их реализации, в худшем случае — будет организовано противодействие, которое приведет к задержке или остановке реализации документов. Отрицание местным сообществом сути дальнейших территориальных изменений — главная субъективная причина, определяющая длительность и темпы реализации плановых решений.

Рыночные условия хозяйствования определили конкурентное отношение к

возможному использованию объектов недвижимости, особенно на интенсивно застраиваемых территориях. Обострение противоречий между участниками рынка за право владения наиболее эффективной собственностью определило большой общественный интерес к процессам территориального планирования и к процессам их реализации. Социальный фактор более не является преобладающим, и органам власти все труднее отстаивать интересы населения. Более того, довольно часто власть настроена против создания систем социального обслуживания, поддерживая при этом интересы частных инвесторов, ввиду установленного приоритета бюджетной эффективности градостроительных решений (когда рост доходов бюджета представляется более важным, чем рост его расходов на социальные программы).

В процессе реализации документов территориального планирования его участники не менее активны, нежели при их подготовке. Инвесторы постоянно пытаются корректировать принятые градостроительные решения в целях реализации собственных инвестиционных проектов. Население защищает свои экологические и иные интересы, которые могут пострадать в результате осуществления инвестиционных проектов. Органы публичной власти в зависимости от конъюнктуры общественного мнения склоняются к поддержке то одних, то других. Очевидно, что в таких условиях процесс реализации документов территориального планирования имеет совершенно непредсказуемую и неустойчивую динамику.

При подготовке документов территориального планирования после 2004 г. (на основе действующего градостроительного законодательства) используется индикативный метод, при котором допускается, что через определенный период будут реализованы все намеченные документами решения. Однако градостроительный прогноз не может дать точного ответа, когда тот или иной инвестор осуществит свой инвестиционный проект. Темпы реализации градостроительных решений не могут быть определены на основе вероятных градо-

строительных изменений.

На этот случай законодатель определил единственно правильную систему действий: планируется размещение только тех градостроительных объектов, которые находятся в компетенции самого планирующего органа и строительство которых осуществляется за счет гарантированного бюджетного финансирования. Для размещения прочих градостроительных объектов выделяются территории, которые и будут осваиваться инвесторами на основе рыночных механизмов. Точные сроки окончания действия документов территориального планирования не регламентируются.

Графическое представление о временной зависимости показателей реализации

планов развития территории в условиях рыночной экономики будет нами рассматриваться исключительно в рамках указанной системы действий.

На графике (рис. 1) моделируется ситуация, когда планируемые бюджетные расходы на реализацию решений документов территориального планирования неравномерны. В зависимости от ожидаемых индикаторов роста (характеризующих, например, доходы местного бюджета) в 1...3 году ожидается ускорение темпов реализации планов развития территории, затем в 4...7 годах их замедление, далее опять ускоренный рост в 8...11 годах, замедление в 12...14 годах и ускоренное завершение планов в 15...21 годах.

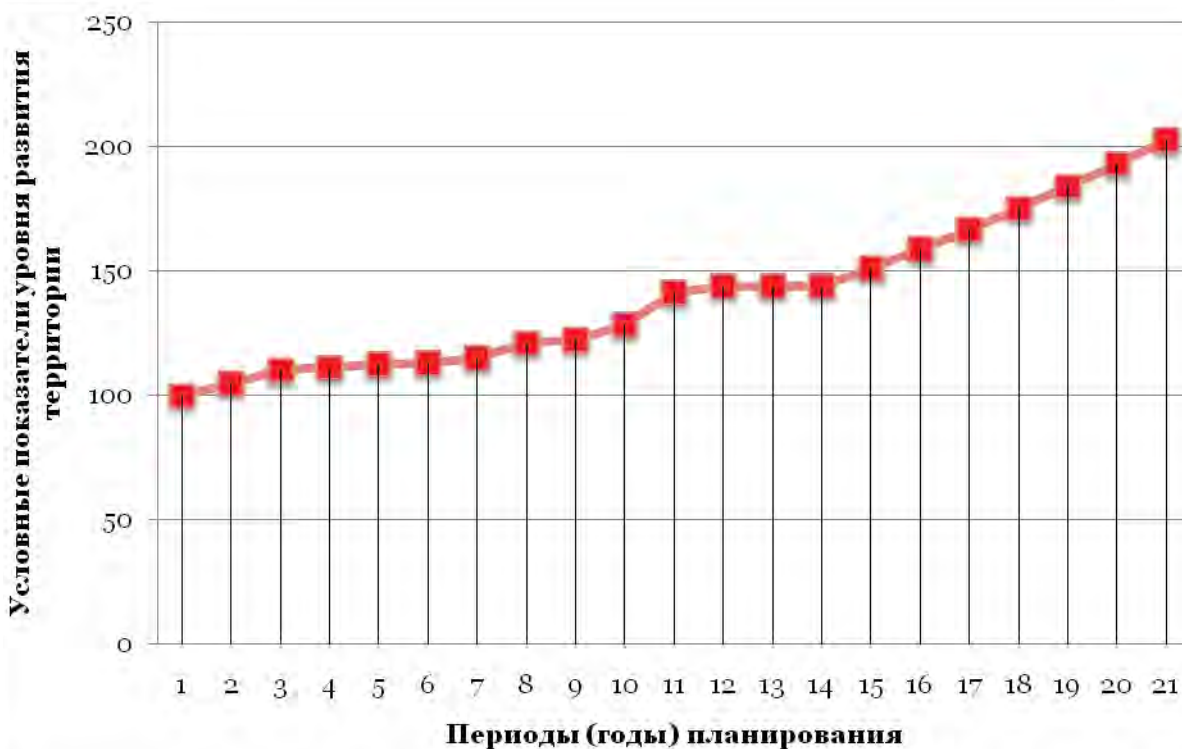

Рис. 1. График зависимости показателей реализации планов от времени (при заданных индикаторах роста)

В соответствии с градостроительным законодательством данная динамика может быть рассчитана в планах реализации документов территориального планирования, которые подготавливаются и утверждают-

ся на среднесрочный период 2...5 лет.

Реальная картина может существенно отличаться от планируемой (рис. 2).

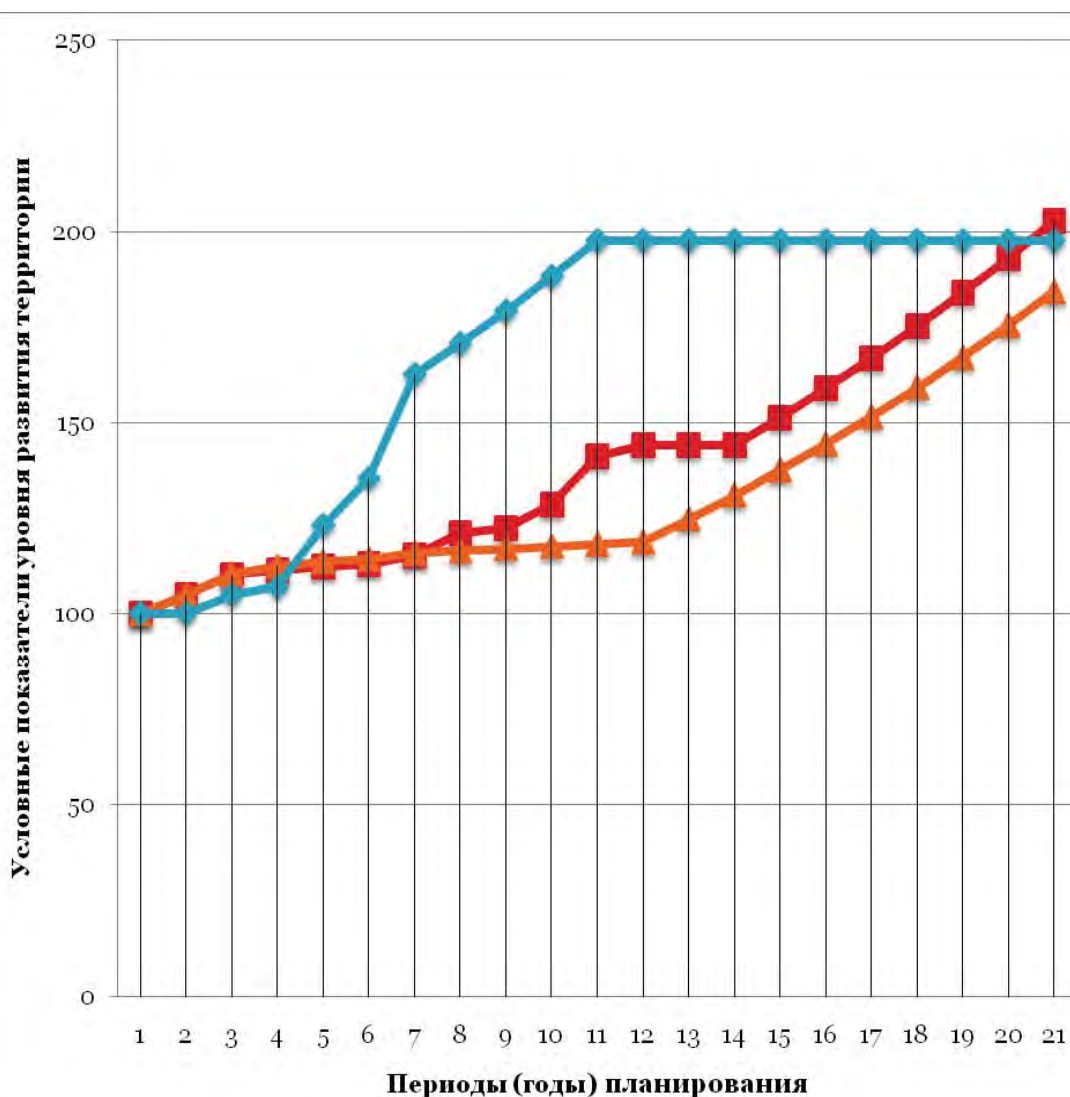

Рис. 2. График отклонений от планируемой зависимости показателей реализации планов от времени (в связи с влиянием различных субъективных факторов)

Из показанного на рис. 2 графика следует, что в силу субъективных причин, например, стимулированной инвестиционной активности, доходы местного бюджета возросли существенным образом в 4...11 годах, что, в свою очередь, привело к ускоренной реализации намеченных решений документов территориального планирования к 11 году. Наоборот, слабая организация инвестиционного процесса в 1...7 годах привела к тому, что доходов местного бюджета оказалось недостаточно для реализации планов на предполагаемом уровне и начало их реализации сместилось на 12...21 годы.

Возможно, что во втором случае на снижение темпов реализации планов территориального развития оказало влияние организованное местным населением движение против реализации планов по размещению предприятия, которое оказывало бы вредное воздействие на окружающую среду.

Очевидно, что в условиях рыночной экономики возрастающая роль субъективных причин обусловлена множественностью воздействий большого числа субъектов градостроительной деятельности на территорию. Кроме того, действия инвесторов часто носят незапланированный случайный

характер, они жестко не детерминированы планами реализации документов территориального планирования.

Установив, таким образом, особый характер влияния субъективных причин на процессы реализации документов территориального планирования, необходимо определить механизмы управления поведением множества субъектов градостроительной деятельности, с целью координации их рыночных интересов с общественными, отраженными в документах территориального планирования.

Документы территориального планирования через заданную систему размещения объектов капитального строительства соответствующего значения и ее функциональное зонирование (в генеральных планах поселений) определяют основные направления развития территории. Однако они не дают даже представления о механизмах реализации указанных основных направлений, определяя, в лучшем случае, лишь очередность реализации мероприятий. Поскольку неизвестно, кто и какими средствами будет осуществлять реализацию этих основных направлений, невозможно точно определить длительность и темпы осуществления процесса.

Планы реализации документов территориального планирования устанавливают точные сроки, источники финансирования и последовательность осуществления мероприятий по реализации указанных документов, но исключительно в части, касающейся размещения объектов капитального строительства соответствующего значения. Эти документы, если они скоординированы со среднесрочными бюджетными прогнозами могут регулировать длительность и темпы реализации документов территориального планирования (по образу и подобию плановой экономики). Однако очевидно, что эти планы не могут определить продолжительность и динамику развития территории как целостной системы в объеме всех предполагаемых градостроительных изменений.

Очевидно, что объемы, темпы и типология жилищного строительства обусловле-

ны имеющимся платежеспособным спросом населения. При этом не важно, в какой степени удовлетворена потребность населения в жилье. Современная практика показывает, что при наблюдающемся низком уровне средней обеспеченности жильем значительная доля нового жилья сосредоточена в руках операторов жилищного рынка и часто выступает в роли средства накопления, а не потребления.

Стимулируя спрос населения на новые объекты жилищного строительства, создаются предпосылки для ускоренного освоения территории и, таким образом, оказывается воздействие на длительность и темпы реализации документов территориального планирования.

Аналогично, появление большого числа рационально организованных производственных площадок еще не означает, что все они будут в короткое время востребованы наиболее эффективными инвесторами для организации новых производств. Причин для этого достаточно много. Например, в процессе структурных преобразований экономики основные игроки местного рынка уже получили доступ к интересующим их производствам и реконструировали существующие промышленные территории для размещения новых производств. У них может не быть потребности в новых территориях. Следовательно, новые производственные площадки будут ориентированы на перспективные интересы местных инвесторов либо на привлечение сторонних инвесторов с неопределенным периодом освоения.

Таким образом, создается понимание того, что коррекция интересов субъектов градостроительной деятельности путем некоторой совокупности управляющих воздействий может оказать влияние на динамику развития территории и реализацию документов территориального планирования.

Первым по важности управляющим воздействием, по нашему мнению, является ценовое регулирование на местном земельном рынке. В процессе территориального планирования может быть определено, что

потребность в земельных участках для жилищного строительства в данном поселении весьма значительна. Кроме того, ввиду избыточности неиспользуемых земель (ситуация типичная для многих городов России) спрос на земельные участки может быть удовлетворен наиболее естественным и недорогим путем. Однако, законный и очевидный интерес местной власти в получении бюджетных доходов тесно связан сегодня с возможностью продажи земельных участков (или прав их аренды) при градостроительном использовании. В результате властными решениями устанавливается такая первоначальная стоимость земельного участка, которая выходит за пределы разумных возможностей большей части потенциальных инвесторов.

Очевидно, что зависимость темпов реализации документов территориального планирования в части, касающейся жилищного строительства, от стоимости земельных

участков, обратно пропорциональная. Очевидно, также, что корректирующими коэффициентами в этой зависимости будут параметры, характеризующие: близость объекта строительства к центру, микроклиматические условия, обеспеченность инфраструктурой, экологичность и т.п. факторы, определяющие привлекательность земельного участка для инвестора.

Из представленных на графике (рис. 3) зависимостей видно, что если при низкой стоимости земельных участков темпы реализации инвестиционных проектов в значительной степени зависят от величины корректирующих коэффициентов, то с ростом их стоимости влияние коэффициентов нивелируется. На практике это означает, что при чрезмерно высокой стоимости земельных участков все привлекательные стороны инвестиционного проекта сводятся к нулю.

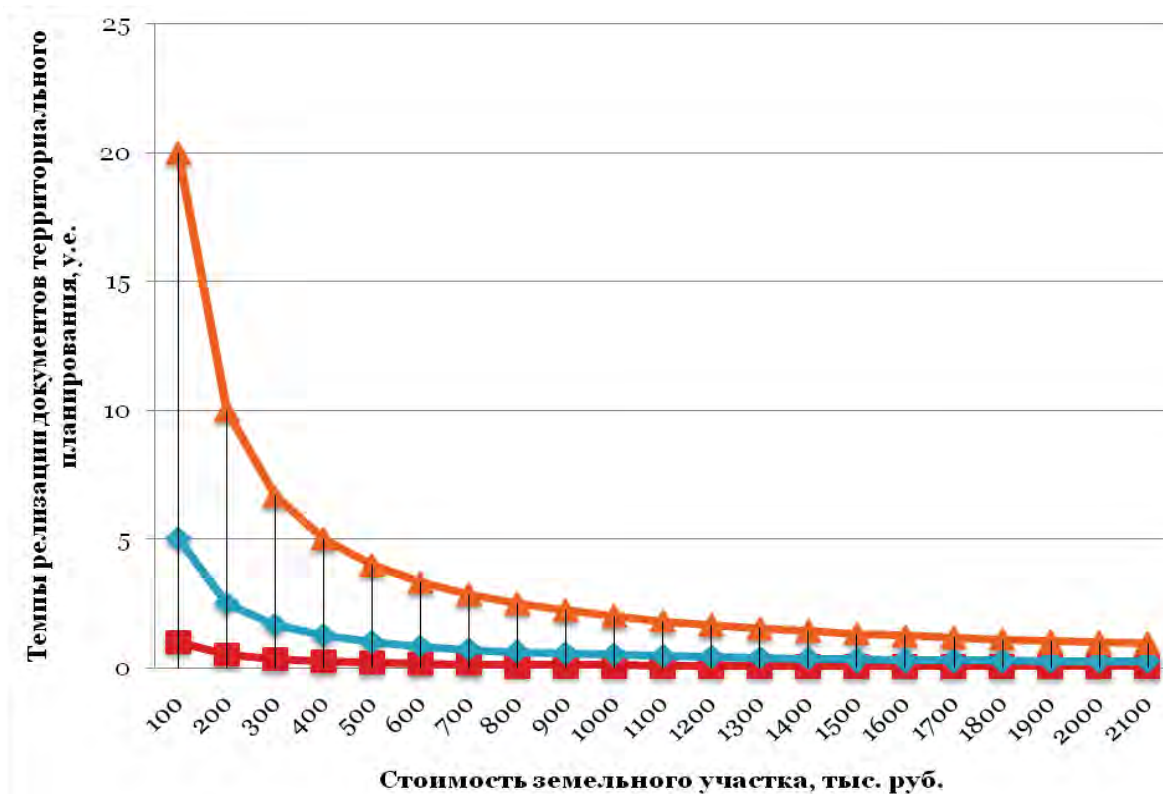

Рис. 3. График зависимости темпов реализации документов территориального планирования от стоимости земельного участка для различных значений коэффициентов ($K_1 = 1$, $K_2 = 5$ и $K_3 = 20$)

Важно отметить, что при завышении стоимости земли в целях получения быстрого бюджетного эффекта часто не учитываются эффекты, которые создаются в активно развивающемся инвестиционном процессе: от налоговых поступлений при использовании недвижимости, до налоговых доходов, получаемых от деятельности строительных организаций и подоходных налогов с лиц, занятых в строительстве и производстве строительных материалов и т.д. Поэтому, прежде чем устанавливать стоимость земельных участков, предоставляемых для строительства, следует определить, какие дополнительные (и не только бюджетные) эффекты могут быть получены от реализации инвестиционных проектов.

Другие управляющие воздействия связаны с комплексом мер по привлечению инвесторов для освоения территорий при размещении производственных объектов. Эти меры могут носить локальный или всеобщий характер, и связаны они, как считается, не только с предпочтениями.

На наш взгляд, возможны две основные формы привлечения потенциальных инвесторов к освоению территорий поселений (как, впрочем, и межселенных территорий), причем обе эти формы реализуются еще на стадии проектирования. Первая предполагает размещение в поселении производственных объектов с конкретной отраслевой специализацией. Такие производства, как правило, связаны с имеющимися на территории природными ресурсами.

В населенных местах с избыточными трудовыми ресурсами возможно размещение многопрофильных производственных зон, которые осваивались бы на заданных условиях любыми заинтересованными инвесторами. Такие зоны могут также быть объектами международного сотрудничества, особенно на приграничных территориях. Вторая форма привлечения инвестиций особенно интересна с точки зрения размещения инновационных производств, в том числе и ориентированных на углубленную переработку продукции, производимой предприятиями местного сырьевого комплекса.

Возвращаясь к вопросу о механизмах, обеспечивающих управление процессом градостроительного освоения территории, необходимо упомянуть о наиболее важном из них – правилах землепользования и застройки поселений. Поскольку правила землепользования и застройки достаточно гибкий инструмент, то внося в них изменения, можно регулировать градостроительные изменения во времени, стимулируя инвестиционные процессы там и тогда, где это представляется наиболее необходимым.

Очевидно, что современная практика градостроительного освоения территорий может предложить значительно большее количество инструментов регулирования инвестиционных процессов, которые предоставят возможность для эффективного управления процессами реализации документов территориального планирования.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Сокол-Номоконов Э.Н., канд. техн. наук, доцент, профессор Читинского государственного университета, академик РМА
Служ. тел.: (3022) 28-27-17

E. Sokol-Nomokonov, Candidate of Technical sciences, assistant professor, professor of the Chita state university, academician of RMA

Научные интересы: региональная экономика, экономическая и градостроительная география, муниципальное и государственное право, градостроительство и архитектура

Scientific interests: regional economy, economical and building geography, municipal and state law, building and architecture

Сокол-Номоконов В.Э., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 28-27-20

V. Sokol-Nomokonov, post-graduate student, Chita state university

Научные интересы: региональная экономика, экономика энергетики, градостроительство и архитектура

Scientific interests: regional economy, power engineering economy, building and architecture

Философские науки

УДК 130:323 (510)

Морозова Валентина Сергеевна
Valentina Morozova

**ДИНАМИКА КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ
МОЛОДОГО ГОРОДА В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ
РЕАЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ
г. МАНЬЧЖУРИЯ, АРВМ КНР)**

**THE DYNAMICS OF CULTURAL PROCESSES
OF YOUNG CITY IN THE CONDITIONS OF
TRANSFORMATION THE SOCIOCULTURAL
REALITY (CONCERNING THE CITY OF
MANZHOULI, THE REGION OF INNER
MONGOLIA, CHINA)**

Рассматриваются культурные процессы как важный феномен развития молодых городов. Выдвигается тезис о месте данных процессов в формировании нового типа региональной культуры. Говоря о молодом городе, автор учитывает ряд его качественных характеристик (социальную обстановку, географическую расположенность, демографическую ситуацию) и их связи с социокультурным портретом конкретного города (вид, социокультурный потенциал, новый тип общественного мнения)

Ключевые слова: региональная культура, культурные процессы, молодой город, межкультурное взаимодействие

The article tells about cultural processes which are considered as an important phenomenon of young cities. Moreover these conditions are forming the new type of regional culture. Speaking about young city, we mean the city which has certain qualitative characteristics (social environment, territorial location, demographics) with a socio-cultural portrait (appearance, socio-cultural potential, a new type of public opinion)

Key words: regional culture, cultural processes, young city, intercultural interaction

Говоря о каких-либо культурных изменениях, описываемых различными науками (культурной антропологией, социологией культуры, этнологией и др.), возникает потребность выявления и обоснования самого термина «культурный процесс», а также закономерностей его развития.

Термин «социокультурный процесс» появился впервые в ряде работ 40-х гг. XX в. П. Сорокин в книге «Социальная и культурная динамика» объясняет термин «процесс» как «эволюцию» — любое изменение данно-

го логического субъекта во времени, независимо от его места в пространстве или от модификации его аспектов [1]. Применяя системный подход к культуре, несколько позже Лесли А. Уайт описывает культурный процесс как «поток взаимодействующих культурных элементов — инструментов, верований, обычаев и т.д. ... Постоянно образуются новые комбинации и синтезы — открытия и изобретения — культурных элементов» [2].

Таким образом, любое изменение всегда имеет количественную сторону, частично преобразующую само явление таким образом, что новые элементы подавляют старые и «приводят к изменению качественной природы явления» [3].

Культурный процесс как явление отражает любые целостные изменения в течение всего хода человеческой истории. Причем понятие «культурный процесс» тесно связано с понятием «изменение в культуре», но не тождественно ему [4]. Понятие «культурный процесс» характеризует направленность и целостность. Это изменение, имеющее внутренние закономерности, в отличие от «изменений в культуре», характеризующихся отсутствием ярко выраженной цельности.

В данной работе понятие «культурный процесс» рассматривается в пространственно-временных рамках на определенном участке пространства и времени (культура приграничных регионов КНР в современных условиях на примере г. Маньчжурия). Более того, автор классифицирует культурный процесс как связанный с осуществлением коллективной жизнедеятельности людей, повышением уровня их социальной интегрированности, коммуникацией и т.д.

Так, известный китайский социолог Чжан Меймей в своих исследованиях выдвигает гипотезу о том, что среднестатистический житель воспринимает свой город как «дом» и поэтому испытывает некое «чувство потери», если этот «дом» является сравнительно отсталым в развитии, причиной чему может быть давление со стороны соседних городов [5].

Однако, несмотря на то, что культурные процессы могут иметь деградирующую направленность, автор настаивает на общем прогрессивном характере культурных процессов, что подразумевает адаптацию населения к изменяющимся внешним условиям.

Определяя факторы влияния на сами культурные процессы, можно выделить следующие из них:

– *внешние факторы*, непосредственно *культурный* (т.е. контакт с носителями

других культур через влияние средств массовой коммуникации, потребляемые товары, учебные заведения, научные центры), *природно-экологический* (культурная адаптация к новым условиям жизни через изменение экономической практики);

– *внутренние факторы*, такие как *демографический* (изменения в численности того или иного этноса), *религиозный* (влияние на архитектуру, градостроительные каноны).

Таким образом, важно отметить, что субъектами культурного процесса являются живые люди, деятельность которых зависит не только от внешних воздействий, но и от их внутренней активности [4], т.е. при неизменных внешних условиях социокультурная система изменяться не перестанет, т.к. факторы ее изменения находятся в ней самой.

Культурные процессы сегодня – это процессы на стыке тысячелетий, вобравшие столкновения различных культур. Более того, культурная ситуация настоящего озаменована изменениями духовной составляющей потребностей людей, которая характеризуется в некотором смысле такими социокультурными явлениями, как духовная нетерпимость, «культурная анемия», в свою очередь, обусловленными коммерциализацией культурной деятельности (связанной с развитием индустрии отдыха, с расширением сети услуг в сфере свободного времени).

В рамках исследования данной работы культурные процессы рассматриваются как важный феномен развития молодых городов, которые все активнее формируют новый тип культуры.

Несмотря на само определение, «молодой город» не возникает неожиданно. Этот сложный процесс выстраивается на целом комплексе предпосылок разнопрофильного и разноуровневого характера. В их числе – территориальные, производственные, исторические, демографические, социальные и другие предпосылки [6].

По мнению китайского ученого Ма Сюляня, «современный молодой город существует в рамках национальной городе-

кой системы, где он выполняет функцию содействия территориальной интеграции и национального развития» [7]. Ма Сюлянь говорит и о том, что «разрастание молодых городов сегодня – это один из результатов прямых иностранных инвестиций» [8].

Под определением «молодой город» нами понимается город, обладающий следующими качественными характеристиками:

– *территориальная расположенность* (близость к промышленным, культурным и социальным центрам);

– *производственные предпосылки* (наличие близлежащих сырьевых регионов, прогнозируемые предприятия инновационного типа, готовность населения к трудоустройству);

– *исторические предпосылки* (наличие памятных мест, роль города в судьбах предшествующих поколений);

– *демографическая ситуация* (национальные традиции народов города, жизненный опыт этнических групп);

– *социальная обстановка* (меры государственной поддержки, уровень грамотности населения, коммуникативность жителей).

Привлекательность молодых городов есть выражение неординарности, неповторимости и естественного выхода за пределы привычного методического стереотипа [8]. Молодые города отличают такие черты, как непохожесть внешнего облика, социально-психологическая независимость жителей и т.д. В этих городах преодолевается некая навязанная обязательность, от которой очень хочется освободиться новым поколениям граждан. И почти в каждом молодом городе закладывается многообразие урбанистических проектов, большинство из которых действительно заслуживает признания. В этом ключе идея туризма приобретает достаточную реализацию, что подтверждено в опыте этого типа городов.

Молодой город также имеет свой социокультурный портрет, включающий ряд признаков, основными из которых, по мнению автора, являются:

– *городской облик* (внешний вид города как реализованный архитектурно-гра-

достроительный замысел);

– *социокультурный ресурс системы образования* (взаимосвязь умственных, физических и коммуникативных ресурсов);

– *развитая индустрия туризма* (социокультурный потенциал туризма очевиден);

– *город, как объект СМИ* (активизация общественного мнения, наполнение его новой информацией).

Культурные процессы молодых городов максимально приближены к потребностям местных сообществ и поэтому вполне могут обеспечивать городу устойчивое социально-экономическое развитие. Исследование данных процессов относится к числу наиболее острых проблем социальной жизни в современном городе. С одной стороны, в молодом городе возрастает способность к восприятию «другого», иных ценностей. С другой, ввиду наличия социальной асимметрии провоцируется кризис идентичности личности. В этой связи культурные процессы предстают как одна из форм установок массового сознания горожан, фактор формирования локальной идентичности [9].

Исследуя культурные процессы г. Маньчжурия (Автономный Район Внутренняя Монголия, КНР – не путать с исторической территорией Маньчжурии, включающей провинции Хэйлунцзян, Гири и Ляонин) как молодого города, автор принимает за начальную точку становления и развития городской культуры 1992 г. (хотя сам город был заложен в конце XIX в, когда началось строительство Харбинской железной дороги), когда Маньчжурия получила статус зоны открытой торговли.

В данной работе автор делает попытку рассмотреть динамику культурных процессов молодого города в период трансформации социокультурной реальности, поэтому пристального внимания в исследовании заслуживает такой момент, как взаимопроникновение нескольких типов культур (в нашем случае – русской и китайской).

Город Маньчжурия, известный как «окно в Восточную Азию», не только не аккумулировал в себе многие черты своей

национальной культуры (архитектура и дизайн города представляет смешение азиатского и европейского стилей, за главенством последнего, что делает город своеобразным и неповторимым), но и показал на себе огромное влияние русской духовной культуры, оказавшей большое воздействие не только на архитектуру современной Маньчжурии, но и на особенности городского образа жизни, определяющегося тем, как живут люди, чем заняты, какие виды деятельности заполняют их жизнь.

Несмотря на то, что основное население города занято, в основном, в сфере туристического бизнеса и торговли, молодые люди с приграничных российских городов, а также с соседних китайских приезжают в Маньчжурию за получением качественного образования, причем не только в единственном во Внутренней Монголии Институте русского языка, но и в Центре соизучения русского и китайского языков, открытие которых говорит о желании правительства направить усилия на формирование саморазвивающегося человека, готового к быстрым изменениям в быстро меняющейся инфраструктуре молодого города.

Межкультурные связи России и Китая, стремительно развивающиеся и оказывающие большое влияние на формирование нового типа социокультурной реальности региона, позволяют говорить об определенных изменениях в структуре семейно-родственных отношений приграничных городов. Происходит своего рода «размытие» границ. Что касается основной ячейки общества, участилась практика смешанных браков. В 2008 г. в Забайкальском крае (приграничном АРВМ) было зарегистрировано около 650 семейных пар, где одним из супругов являлся гражданин КНР.

Возвращаясь к вопросу о формировании нового типа социокультурной реальности: здесь отражена проблема сохранения культурного наследия, поскольку любое человеческое общество всегда стремилось сохранить и приумножить свое национальное достояние. Однако автором отмечено, что в молодых городах охране культурного наследия уделяется недостаточно много внима-

ния. Территориальная охрана представлена, главным образом, в формах памятников и музеев-заповедников. Более того, на территории г. Маньчжурия существует лишь одна достопримечательность, которую, и то лишь косвенно, можно отнести к культурному наследию. Это Парк погибших героев, в котором китайцы трогательно берегут память советских солдат, освободивших их от японцев. Несколько могил простых солдат и ефрейторов сохраняются в чистоте, у подножия каждой венки «От благодарного китайского народа».

Культурный потенциал Маньчжурии, таким образом, формируется на пересечении русской и китайской национальных культур. Автором предполагается, что жители города, которым пришлось осваивать новые территории, стремились наполнить их тем, что казалось им более современным и актуальным.

Говоря о современном развитии города, стоит упомянуть, что 14 февраля 2006 г. в г. Маньчжурия состоялась третья сессия двенадцатого созыва Собрания народных представителей города, на которой, наряду с другими актуальными документами, депутаты рассмотрели и приняли «Основные направления социально-экономического развития г. Маньчжурия на одиннадцатую пятилетку».

Органам власти города и структурам центрального подчинения предписывается на период выполнения 11-го пятилетнего плана организовывать планирование своей деятельности, принимая во внимание, что границы г. Маньчжурия выходят на китайско-российский участок государственной границы.

Указывается, что в 11-ю пятилетку г. Маньчжурия вступает при сложившихся благоприятных условиях: развиваются процессы глобализации и региональной интеграции, совместными усилиями Китая и России создается пояс экономического развития вдоль линии государственной границы, происходит переход в развитии отношений между Китаем и Россией от сотрудничества в преимущественно политической сфере к сотрудничеству в сфере экономики

и культуры.

Для развития последней Маньчжурия обладает рядом преимуществ по сравнению с другими городами Китая:

1) на территории города расположен один из крупнейших в КНР комплексный пункт пропуска (железнодорожный, автомобильный и авиационный). Развитие города напрямую связано с развитием двусторонней российско-китайской приграничной торговли, туризма и логистических услуг;

2) в городе создана благоприятная среда для размещения капитала как китайского, так и иностранного;

3) наличие четко продуманной концепции стратегического развития г. Маньчжурия (так называемая концепция «Новой Маньчжурии»).

В то же время, существуют несколько факторов, сдерживающих развитие этого города:

1) темпы роста доходов населения ниже, чем темпы роста экономики города;

2) ожесточенная конкуренция среди хозяйствующих субъектов в городе;

3) отсутствие сформировавшихся механизмов развития экономики города.

В экономике Маньчжурии по-прежнему существуют структурные противоречия. Городская экономика до сих пор развивается преимущественно экстенсивно.

Динамизм, изменчивость общественных процессов определяют новые стратегические направления перестройки процесса обучения. Одним из таких направлений, получивших в последнее время ускоренное развитие, является интеграция, объединение учебных заведений, способствующее обеспечению единства и преемственности в области культуры и образования. Именно поэтому правительство Маньчжурии планирует создать совместно с российской стороной высшее учебное заведение, в котором будут сочетаться российские и китайские системы образования [10].

Культурное присутствие России в Маньчжурии активизировалось с начала 2000-х гг., основная деятельность которого в немалой степени связана с поддержкой и

распространением публикаций на русском языке, в частности, публикации журнала «Вестник Азии» в системе русскоязычных периодических изданий в Маньчжурии [11].

Что касается системы массовых коммуникаций современных молодых городов, к которым мы относим и Маньчжурию, то она характеризуется «строительным бумом» интернет-порталов и веб-сайтов, имеющих различное предназначение: от почтового ящика до электронного офиса. В динамично развивающемся молодом городе, коим является Маньчжурия, информационное пространство не стало исключением. Существует несколько интернет-сайтов, освещающих жизнь Маньчжурии на русском языке (www.manchzhuriya.ru, www.manchzhuriya.com/), на русском же языке издается газета «Маньчжоули бао», а на китайском — информационный еженедельник г. Чита «Ваша реклама».

Также в Маньчжурии открыт крупнейший в Китае Музей русского искусства. Общая строительная площадь музея составляет 4600 м². В музее, украшенном настенными росписями в русском и европейском стилях, экспонируются более 2000 шедевров русского искусства разных времен. Посетителям музея предоставлена возможность познакомиться с произведениями масляной живописи и скульптуры российских мастеров, а также матрешками и другими изделиями русских традиционных ремесел и художественного промысла.

Повседневная жизнь определенного числа жителей Маньчжурии всё больше определяется нормами и вкусами русской культуры в процессе межкультурного взаимодействия. В городе появляется всё большее число выходцев из России (в основном, из приграничных городов) — приехавших на заработки или для учебы — постепенно размывающих сформировавшиеся традиционные культурные привычки и обычаи города.

Таким образом, несмотря на то, что Маньчжурия находится в стороне от основных центров мировой культуры как в географическом и политическом, так и интел-

лектуальном смысле слова, этот молодой город смог внятно сформулировать свои культурные приоритеты и направления развития в области культурного обмена и совместных с РФ культурных проектов.

Исходя из сказанного, автор дает характеристику нынешней ситуации в г. Маньчжурия, которая представляет собой противоречивое единство разнокачественных сторон, в которых сочетаются традиционные и новые черты национальных культур России и Китая, старое и нарождающееся.

Рассмотрение составляющих частей городского пространства: историко-культурной, промышленно-экономической, социально-инфраструктурной, строительно-архитектурной — подтверждает, что проблемы жителей молодых городов не сводятся лишь к вопросам экономического и политического характера. Они затрагивают основные составляющие качества жизни горожан, такие как условия труда,

образование, возможность приобщения к достижениям культуры, состояние городской среды.

В заключение необходимо отметить, что развитие культурных процессов молодых городов зависит как от внутреннего состояния культурной сферы, так и от воздействия на нее окружающей среды. Внешние и внутренние факторы, тесно взаимодействуя друг с другом, вызывают изменения в самой реализации культурных процессов конкретного города, тем самым определяя темпы их развития. Основным результатом этого является выработка и внедрение в сознание людей определенных культурных норм.

В современной практике молодых городов культурные процессы не только координируют действия людей, но и обеспечивают их надежными культурными ориентирами при осмыслении и оценке формирующейся социокультурной реальности.

Литература

1. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. — СПб., 2000. — С. 80.
2. Антология исследований культуры. Т.1. Интерпретация культуры / под ред. С.Я. Левит. — СПб., 1997. — С. 423.
3. Свидерский В.И. О некоторых формах противоречивости в объективном мире. — СПб., 1968. — С. 94.
4. Сорокина О. Сущность культурного процесса: факторы, оказывающие влияние на его развитие. — Режим доступа: <http://filosofia.ru/70538/>. — Загл. с экрана.
5. Zhang Meimei. Relative Deprivation and Historical Memories: Public Opinion about City Competition in Urban China. — Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p199055_index.html. — Загл. с экрана.
6. Аглямова Г. Проблемы развития личности в условиях молодого города. — Режим доступа: <http://rl-online.ru/articles/1-04/414.html>. — Загл. с экрана.
7. Ma Xiulian. World Cities and National Urban System In China. — Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p23064_index.html. — Загл. с экрана.
8. Ma Xiulian. Foreign Direct Investment, Urban Sprawl, and Local State in China. — Режим доступа: http://www.allacademic.com/meta/p105421_index.html. — Загл. с экрана.
9. Скрипачева И.А. Управление культурными процессами в современном городе (на примере города Тольятти): автореф. дис. ... д-ра культурологии. — Электр. дан. — М., 2009. — Режим доступа: <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/Kultur/2009/28-12/SkripachevaIA.doc>. — Загл. с экрана.
10. «Об основных направлениях социально-экономического развития города Маньчжурия на одиннадцатую пятилетку». — Режим доступа: <http://www.zabinfo.ru/modules.php/modules.php?op=modload&name=Sections&file=index&red=printpage&artid=29>. — Загл. с экрана.

11. Тамазанова Р.П. Журнал «Вестник Азии» в системе русскоязычных периодических изданий в Маньчжурии: Харбин, 1909-1917 гг. – Режим доступа: http://www.dissers.info/disser_141202.html. – Загл. с экрана.

Коротко об авторе _____ ***Briefly about the author***

Морозова В.С., канд. филос. наук, доцент кафедры востоковедения, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-65-04

V. Morozova, Doctor of Philosophy, assistant professor of oriental studies department, Chita State University

Научные интересы: культурно-цивилизационная специфика Китая и ее влияние на формирование современного ценностного мировоззрения китайской нации, региональная культура, ценностная составляющая модернизирующегося китайского общества

Scientific interests: the culture-civilized specific of China and its influence towards the forming of modern value world outlook of the Chinese society, regional culture, the part of value in the modern Chinese society

УДК 32.019.51 (510)

Шугаев Антон Викторович
Anton Shugaev

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПРОПАГАНДЫ КНР (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ПРОГРАММ)

NATIONAL SPECIFICS OF CHINA'S FOREIGN PROPAGANDA (ON THE EXAMPLE OF TELEVISION PROGRAMS)

Раскрываются национальные особенности внешней пропаганды Китая. Определены цель, задачи и структура китайского телевидения, а также выделены основные объекты его воздействия за рубежом

Ключевые слова: Китай, телевидение, внешняя пропаганда

This article covers the national specifics of China's foreign propaganda. The author also dwells on the goal, objectives and structure of the China's state-run television and specifies its main targets abroad

Key words: China, television, foreign propaganda

Развитые страны Запада используют глобализацию информационного пространства для продвижения своих национальных интересов. Под предлогом того, что свободный обмен потоками информации будет способствовать укреплению взаимопонимания между нациями и представителями различных культур, они периодически представляют на суд международной общест-венности различные проекты, сопровождающиеся активными пиар-акциями, реакция на которые не однозначна.

Так, китайский исследователь Ли Синь отмечает, что вследствие «безостановочного» и «свободного» течения информации и устанавливается западная, или, скорее, американская информационная гегемония. А так как человечество уже вступило в новую информационную эпоху, то информационная гегемония означает культурное, духовное, а также политическое господство» [1; С. 24].

Китай движется в авангарде развивающихся государств: огромная территория, многочисленное население, богатейшее культурное наследие — все это способствует становлению страны в статусе «Великой де-

ржавы» («Дажо»). Однако США рассматривают Китай как враждебную силу, они не хотели бы видеть Китай процветающим и сильным. По этой причине США используют все возможные средства для сдерживания развития Китая. «Жесткому удару» экономических санкций и военных действий в условиях современной социально-политической реальности все труднее увенчаться успехом. Поэтому именно культурно-информационная экспансия превратилась в главное оружие Соединенных Штатов при нанесении «мягкого удара» по Китаю [2; С. 418].

Китайский политолог Лян Сяоу пишет: «Так уж сложилось, что в настоящее время международное общественное мнение полагает, что Запад — сильный, а мы — слабые. Запад признаёт экономические достижения нашей страны, однако он совершенно не заинтересован в сохранении темпов развития китайской национальной экономики и её действующей власти. Запад отказывается верить, что ведущая политическая сила страны — Коммунистическая партия Китая способна создать богатое и процветающее общество. Однако мы, в свою очередь, не

намерены менять существующую политическую систему и ранее намеченный курс развития государства, в который так стремятся вмешаться извне. Этим и объясняется война, которая была развёрнута против нас в информационной сфере. Основная наша задача в данных условиях — это позволить Китаю и современному миру объективно оценить друг друга, а также помочь миру взглянуть на себя реальными глазами» [3; С. 3].

Как считает российский учёный И. Пана́рин, «неизбежность будущего геополитического столкновения с США вынудила китайское руководство искать адекватные меры противодействия агрессивной политике Запада, в том числе и в информационной сфере» [4; С. 116].

Придерживаясь политики «открытости», руководители КНР всеми силами стараются пресекать все попытки вмешиваться во внутренние дела государства. В то же время они стараются использовать имеющиеся у них информационные ресурсы для ведения внешней пропаганды и контрпропаганды. Посредством национальных СМИ Китай пытается формировать общественное мнение в соответствии со своими национальными интересами.

Во многом этому благоприятствует тот факт, что западные медиа в настоящее время всё больше нуждаются в получении разноплановых новостей о Китае. В первую очередь, это вызвано непрерывным возрастанием роли и места КНР в современном мире. В связи с этим западный потребитель информационных продуктов желает знать о позиции КНР по ряду важных международных вопросов, внутренне- и внешнеполитической деятельности китайского правительства, развитии экономики страны, положении в вооружённых силах Китая, лидерах государства, крупных праздниках и событиях международного масштаба и др. Указанное обстоятельство создаёт благоприятные предпосылки для успешного ведения Китаем внешней пропаганды («*дуйвай сяаньчуань*»), официальный лозунг которой «Позволить миру понять Китай и позволить Китаю выйти за пределы».

В китайском понимании, внешняя пропаганда — это пропаганда вне границ какого-либо региона, или глобальное массовое распространение информации, переступающее страны, культуры и языки [5; С. 26]. Объектом китайской внешней пропаганды являются населения различных стран, китайские диаспоры, проживающие за рубежом, а также соотечественники, проживающие в Гонконге, Аомыне и на Тайване. «Все они в течение продолжительного времени живут за рубежом и могут испытывать отчужденность от своей страны. Их политические взгляды, система ценностей, идеология за много лет жизни за рубежом стали ближе к иностранным, они в различной степени могут демонстрировать незнание исторического развития социалистического Китая за последние 50 лет и непонимание современной реальной ситуации в стране. Поэтому они также считаются объектами деятельности внешней пропаганды СМИ КНР» [6; С. 35].

Главная цель внешней пропаганды Китая — через подачу новостей, демонстрацию экономических достижений и реальной обстановки в социалистическом Китае способствовать улучшению понимания и дружбы у различных народов, познакомить мир с современным Китаем, установить и отстаивать положительный образ страны, чтобы создать благоприятную международную обстановку для модернизации страны [7; С. 153].

Выпуск новостей на китайском языке за рубежом имеет более чем 200-летнюю историю. Согласно статистике, за указанный период в разное время выпускались 4 тыс. различных печатных изданий на китайском языке, которые распространялись в 52 странах и регионах мира. В настоящее время сохраняется выпуск 500 печатных изданий, из которых около 100 выходят ежедневно. Что касается китайского телевидения, то уровень его развития и технические возможности позволяют вести теле вещание в нескольких десятках стран мира. При этом не следует забывать и о практически неисчерпаемых ресурсах сети Интернет.

В настоящее время структура внешней

пропаганды Китая выглядит следующим образом:

1) информационное агентство «Синьхуа», которое осуществляет руководство всей системой информационного обмена как в Китае, так и за рубежом;

2) многоуровневая система центральных и региональных СМИ;

3) технические структуры, ответственные за своевременное научно-техническое развитие материальной базы китайских СМИ;

4) корпункты за рубежом.

Одна из крупнейших в стране телестанций «Великая Стена» передаёт программы центральных и региональных медиа, ориентированные на зарубежного зрителя. В настоящее время «Великая Стена» посредством спутникового вещания ведёт работу в странах Америки, Азии, Африки и скоро распространится в Европе, Латинской Америке и других странах мира. Принимая во внимание потребности зрительской аудитории разных стран, «Великая Стена» вещает более чем на 10 иностранных языках, среди которых английский, испанский, французский и др. Программы «Великой Стены» на китайском языке, как правило, обладают характерной для Китая спецификой и соответствуют эстетическому восприятию не только «хуацяо», но и зрителей Японии, Южной Кореи и ряда других азиатских стран.

Помимо центральных медиа, также имеется ряд региональных теле- и радиостанций, призванных решать контринформационные задачи. К таким относятся телестанция «Хуанхэ», вещающая на страны Северной Америки, телестанции Синьцзян, Фуцзянь, радиостанция Гуаньси, которые также являются неотъемлемой частью структуры внешней пропаганды Китая.

Система внешней пропаганды (СВП) Китая обладает рядом характерных особенностей:

1) *целостность* — функции СВП Китая определяются на основе анализа основных параметров её структурных компонентов. В случае нарушения целостности, происходит разрыв важных организацион-

ных связей внутри системы, что в конечном итоге ведёт к её неспособности решать возложенные на неё задачи;

2) *последовательность* — является неотъемлемой частью всей системы внешней пропаганды на национальном телевидении Китая, т.к. внутри системы функционирует множество подсистем, в нужное время регулирующих работу на её отдельных участках;

3) *стабильность* — подразумевает устойчивость и гибкость системы, её умение подстраиваться под изменения международной обстановки. Критерий стабильности позволяет эффективно решать поставленные задачи на всех этапах развития китайского телевидения;

4) *соотносимость* — понятие во многом схожее с английским термином «адаптация». Из курса медицины известно: прежде, чем найти эффективное лекарство от болезни, необходимо изучить саму болезнь, выявить её причины и возможные негативные последствия для организма. На основе полученных данных и создаётся нужное лекарство. Указанный принцип работы достаточно наглядно демонстрирует суть данного критерия;

5) *преемственность* — указывает на наличие связей между структурными компонентами системы во временном пространстве. Вследствие всё более ускоряющихся темпов развития современного мира те или иные элементы системы могут утрачивать эффективность и нуждаться в замене. Преемственность позволяет избежать единовременного распада всей СВП путём её «естественной эволюции», т.е. без ущерба для эффективности дальнейшей работы [8; С. 107].

Указанные особенности образуют своеобразный фундамент, который, по мнению китайских исследователей, активно способствует эффективному решению задач внешней пропаганды на телевидении КНР. Тем не менее, сама специфика этой деятельности диктует необходимость создания комплексной системы контроля за деятельностью телерадиовещательных СМИ. Эта система затрагивает все аспекты функ-

ционирования КЦТВ и включает:

- контроль за созданием и сбытом телепродукции, ориентированной на зарубежного зрителя;
- контроль за телевидением различного уровня, которые ведут телевидение через спутник и чьи передачи могут приниматься за границей;
- контроль за качеством телепродукции и чистой китайского языка;
- контроль за состоянием и перспективами сотрудничества китайских и западных СМИ;
- контроль за инвестиционными вложениями в национальное телевидение Китая;
- контроль за «естественной текучкой кадров», подготовкой высококвалифицированных специалистов и формированием руководящего резерва;
- контроль за распространением лучших образцов и достижений китайской традиционной культуры и борьбой с некачественной культурной продукцией [8; С. 105].

В настоящее время китайское правительство уделяет самое серьёзное внимание развитию новейших средств внешней пропаганды. Ещё в 1999 г. на Всекитайском собрании, посвященном деятельности внешней пропаганды, Цзян Цзэминь задал логику дальнейшего развития этой сферы: «Сфера распространения информации находится на пороге глубоких перемен, появление цифровой техники и спутниковой

связи служат основным показателем развития информационных технологий, интернет расширяет границы распространения информации, а скорость и эффективность распространения заметно укрепляются и растут. Противостояние между различными странами мира осуществляется путем ускоренной модернизации информационных технологий и развития средств внешней пропаганды. Мы должны строго следовать данным тенденциям, улучшать и создавать новые средства и способы распространения информации, активно овладевать и использовать современные средства пропаганды» [9; С. 114].

Подводя итог, следует отметить, что нынешнее информационное взаимодействие между Западом и Китаем в целом постепенно сводится к взаимному стремлению найти общее при существующих разногласиях, поэтому такие выражения, как американский «империализм» и «гегемонизм», постепенно исчезают из китайских информационных сообщений, как и слова о «жёлтой» или «красной угрозе» и «промывании мозгов» в западных СМИ. Однако некоторые западные медиагруппы не перестают враждебно относиться к Китаю и непрерывно продолжают очернять имидж Поднебесной. В этих условиях система внешней пропаганды КНР служит залогом успешной реализации стоящих перед Китаем задач по созданию условий для дальнейшего развития.

Литература

1. Ли Синь. Сяоси бачуань юй веньхуа дигочжуи = Информационный гегемонизм и культурный империализм // Гоцзи чуаньбо юй туйвай сюаньчуань (Теория и практика международных коммуникаций). – 2000. – № 2. – С. 22-27. – Кит. яз.
2. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. – М.: Изд-во Института экономических стратегий, 2006. – 656 с.
3. Сяоу Лян. Чжунсифан синьвэньчань = Медиавойны между Западом и Востоком. – Пекин, Синьхуа чубаньшэ, 2008. – 12. – С. 2-7. – Кит. яз.
4. Панарин И.Н. Информационная война, PR и мировая политика: учеб. пособие для вузов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2006. – 226 с.
5. Чэнь Гу. Чжунсифан синьвэн чуаньбо = Медиакоммуникации в Китае и на Западе. – Шанхай: Фудань дасюэ чубаньшэ, 2003. – 497 с. – Кит. яз.

6. Синьуй Ли. Чжунго туйвай синьвэн чуаньбо юй сяоси цюаньциухуа = Внешняя пропаганда Китая и глобализация информационного пространства // Гоцзи синьвэн юй куа вэньхуа чуаньбо (Международная журналистика и межкультурное взаимодействие). – 2002. – № 10. – С. 31-36. – Кит. яз.

7. Лянжун Ли. Синьвэнсюэ даолунь = Введение в журналистику. – Бэйцзин: Гаодэн цзяюй чубаньшэ, 2005. – 247 с. – Кит. яз.

8. Чжицзюнь Чжан. Цюаньцюхуа юй Чжунго гоцзя дянъши вэньхуа аньцюань = Глобализация и безопасность культуры на национальном телевидении КНР. – Пекин: Чжунго чуаньмэй дасюэ чубаньшэ, 2003. – 215 с. – Кит. яз.

9. Ивэй Лун. Гуанбо дянъши вэньсюэ = Теле- и радиожурналистика. – Ханчжоу: Чжэцзян женьминь чубаньшэ, 2005. – 361 с. – Кит. яз.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Шугаев А.В., аспирант, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
andong85@mail.ru

A. Shugaev, post-graduate of oriental studies department, Chita State University

Научные интересы: социальная философия

Scientific interests: culture-civilized specific of China, value constituent in modern China society

Филологические науки

УДК 39

Жамсаранова Раиса Гандыбаловна
 Raisa Zhamsaranova

ЭТНОНИМИЯ ДАУРИИ В АСПЕКТЕ ДИАХРОННОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ ЭТНОСОВ

THE ETHNONYMIC TRIBAL PROPER NAMES IN THE ASPECT OF DIACHRONIC CONTACTS OF ANCIENT PEOPLE OF DAURIA

Рассмотрены моменты межкультурного диахронного взаимодействия и характер контактов кочевых племен и китайской государственности, отразившихся в этнонимно-экзонимных названиях кочевников. Лингвистический анализ племенных названий позволил описать тотемное семантическое начало этнонимов, выявляя, таким образом, внутрикультурную специфику кочевников.

Ключевые слова: этноним, экзоним, кочевник, межкультурные контакты, тотемный первопродок, внутрикультурная специфика менталитета

The article deals with the moments and peculiarities of cross-cultural diachronic contacts of nomadic tribes and China. The linguistic analysis of ethnonymic tribal proper names can reveal the totemic image of the tribal ancestor in its semantic structure making vividly the inner culture of ancient mentality

Key words: ethnonymic tribal proper names, nomad, cross-cultural, cross-linguistic links, ancient contacts, tribal ancestor, inner culture of ancient mentality

Этнонимы, как один из наиболее информативных, но чрезвычайно сложных разрядов ономастики при обоснованном сопоставлении фактов собственно лингвистического и экстралингвистического характера способны высветить моменты диахронного контактирования древних этносов. Задачей данной статьи является освещение межкультурных связей и межъязыковых контактов племен исторической Даурии в плане возникновения экзонимных названий. Многие этнонимно-экзонимные названия племен исторической Даурии доступны ономастике, истории, этнографии через интерпретацию зафиксированных названий «северных варваров» в китайских документальных источниках.

Отмечено, что при передаче онимов кочевых племен китайские хронисты до-

бавляли в название варварского племени лексический элемент *-ню-* [n'у] в значении 'раб, слуга; холоп', превращая таким образом «варварский» этноним в экзонимное для китайцев название племени кочевников, что позволяло идентифицировать «чужих». По-видимому, подобная традиция именования обусловлена различием культурных норм народа, ведущего оседлый образ жизни и потому считавшего себя более цивилизованным и культурным, для которого кочевники представляли непонятную, чуждую культуру, враждебную китайской.

Лексический элемент *-ню-* [n'у] «различим» во многих исторических этнонимах Даурии: *хун-ну* [xiong-n'у]; *ки-да-нь* [chi-da-n']; *хам-ни-ган* [kha-mu-n'у-xan']; *ни-кан* [n'у-kan], *найман* [n'у-mean]; русского *нелюди* или *полулюди*, генонимах

тунгусов *Никогур* или *Някугур*, топонимах Нелюдский острог (Нерчинский острог).

Отдельного анализа требует экзонимное *нелюди*, от которого образован топоним Нелюдский острог исторической Даурии. Тунгусы Нерчинского уезда в документах XVII-XVIII вв. назывались *нелюди*, или *полулюди* [ГАЗК, ф. 1, оп. 1/5, д. 17513]. Первый острог, построенный Пашковым в устье р. Нерчь в 1658 г., был назван им Нелюцким [Балабанов, 2003; С. 74]. В официальных документах Пашков употребляет название острога как Нерчинский.

Интерес вызывает название *нелюди/полулюди* как в плане семантики экзонима, так и определения конкретного языка, при помощи которого и образовалось подобное обозначение тунгусов у русских. Возможно, что «прозввание» аборигенов Даурии *полулюдьми/нелюдями* пришлым русскоязычным населением является калькированным вариантом этнонима *никан* — туземного населения Никанского царства. Финальное *-кан* этнонима *никан* было, по-видимому, интерпретировано в русскоязычном сознании как аналогичное китайскому апеллятиву *хань* ‘человек; люди’. Начальное китайское *ню-[п’у]* экзонима *никан* было воспринято ими как *ни-*, идентичное по семантике русскому *ни-/не-*, что опосредовало образование русского *нелюди* для обозначения тунгусов Даурии в отписках русских. Возможно, что калька исходного этнонима *никан* vs *нелюди* на почве русского языка приобрела отрицательное семантическое значение, возникшее по принципу вторичной номинации.

Появление экзонима *полулюди* в русских ревизских описях обусловлено, по-видимому, знакомством с правилами написания на китайском языке названий племен и народов «северных варваров». Так, известно, что «до реформы 1950 г. для обозначения «варварских народов» китайцы использовали слова, корень которых часто выражал понятие животного начала. Эти идеограммы, по сути, обозначали кочевников как «людей-собак», «людей-птиц» или «людей-насекомых» [Хоанг, 1997; С. 83]. Так было, в частности, с ксионгну (хунну),

ксианби (сьен-пэй), руан-руан (авары) или найманами — «варварами», жившими к северу от Великой стены, от *ли* или *мань* — южных национальных меньшинств Китая [Хоанг, 1997; С. 83].

М. Хоанг считает, что посредством идеограмм, обозначающих кочевников как «людей-собак», цивилизованные китайцы проявляли свое презрительное отношение к варварским народам. Однако языковой анализ генонимии нерчинских тунгусов и инородцев исторической Даурии позволяет воспринять китайские идеограммы семантически объективными и заключить о темно-анималистическом происхождении родовых названий тунгусов и инородцев. Поэтому полагаем, что китайские идеограммы передавали семантическое значение племенного названия, а не презрительное прозвище, за исключением транслитерированных вариантов племенных названий, когда добавлялось уничижительное *-ню-[п’у]* в значении ‘раб, слуга; холоп’ [КРС 1992, 658]. В результате «вмешательства» патристично настроенных хронистов в китайских документах появились такие названия северных кочевников, как *никан*, *найман*, *кидань*, *хунну*. Примечательно, что подобная традиция обозначения кочевых народов существовала у китайцев задолго до Рождества Христова, т.е. еще до н.э.

Если в названиях *кидань*, *хунну* морфемное *-ню* находится в постпозиции, то в ониме *никан* *ню-[п’у]* стоит в препозиции, что может служить языковым доказательством «иностранности» морфемы. По поводу этимологии этнонимного *никан*, калькированный вариант которого в русском языке остался в архивных документах как *нелюди*, заметим, что лексическое значение онимического *-кан* имеет явно самодийское начало. Так, в селькупском диалектном апеллятив *каңаң* означает ‘собака’. Таким образом, этноним *никан* может быть разложен на ряд семантических апеллятивов: *ню-[п’у]* ‘раб, слуга; холоп’ + *каңаң* ‘собака’, которое, по-видимому, в китайской идеографии передавалось как «собака-человек». В последующее время, вследствие стяжения первоначальной китайской фор-

мы *ню- каңаң* образовалось экзонимное *никан*, где гласная *-и-* в первом слове объяснима русскоязычной почвой возникновение онима.

Никанское царство — это семантический аналог китайского Гоу-Го Л.Н. Гумилева, находившегося к северо-западу от Великой стены. В сочинениях иностранных путешественников Средневековья о северной Тартарии упоминается загадочное «царство песеголовых» людей Гоу-го, которое, по их известиям, находилось у границ Китая. Еще армянский историк Гайтон (Гейтум) писал о народе, обитающем около Китая и по своему облику напоминавших собак. В историческом трактате династии Чэу о находящемся на Западе от Куен-Луна государстве собак дано подробное описание жителей страны Кеу (т.е. собак), которые «имеют тело человека, а голову собаки, длинные волосы, не носят одежд; их язык похож на собачий вой; все их жены имеют человеческий облик; они рожают мальчиков, которые становятся собаками, и девочек, которые становятся женщинами; потом они женятся и выходят замуж. Они живут в пещерах и едят все сырое» [Алексеев, 1932; С. 13 (комментарии к запискам Платона Карпини)].

В «Исторических записках» Сыма Цень (II-I вв. до н.э.) упоминает, что все варварские народы Запада жун(ы) делились на три группы:

- 1) сижун — западные жуны;
- 2) шаньжун — горные жуны;
- 3) юаньжун — собачьи жуны [Шавкунов, 1990; С. 23].

Локализация юаньжун совпадает с частью территории, известной как историческая Даурия. Возникает закономерный вопрос — какая же этническая общность прошлых веков может быть отождествлена с песиглавцами, с собачьеголовым народом, который был известен на далеком Западе со времен Плиния (I в. н.э.)? Проблема идентификации песеголовых людей занимала многие просвещенные умы. В XVII в. немецкий писатель Олеарий пытался объяснить наличие сведений о людях с собачьими головами или с лицом на груди своеобраз-

ным костюмом самоедов, сшитым из цельной шкуры и надеваемым поверх головы. В каких-то сочинениях пытались отождествить гипербореев-песиглавцев с монголами, т.к. «их строение головы с выдающимися по обеим сторонам скулами» могло дать повод для появления подобных рассказов [Алексеев, 1932; С. 12].

Однозначного ответа на вопрос об отождествлении какого-либо отдельного этноса или народа с «собачьим» народом быть не может. Однако сопоставление ранее приведенных фактов позволяет усмотреть типологические признаки, которые дают основание для некоторых догадок.

Исходя из того, что царство песеголовых людей локализовалось где-то в пределах исследуемой территории, обратимся к историко-археологическим фактам об историческом прошлом народов, имеющих более конкретные данные. В частности, это может быть история чжурчжэней — исторических предков маньчжуров. История чжурчжэней, впрочем, как и прошлое многих народов Северной Азии, состоит из череды межплеменных войн, междоусобиц, нападений и грабежей, во время которых племенам приходилось отстаивать свое право на жизнь. Имя чжурчжэней, благодаря их военно-потестарному государственному образованию под названием Айсин-Гурун, которое они создали за весьма недолгий исторический период, прославило также их военное искусство и военное снаряжение [Шавкунов, 1990; С. 45].

Одним из видов воинского снаряжения чжурчжэней исследователи отмечают железную маску-личину. В эпоху развитого Средневековья маски-личины, выполнявшие роль забрала, были распространены по всей Евразии. Их использовали кипчаки, монголы, латники Сунского Китая. В.А. Туголуков пишет, что в преданиях забайкальских тунгусов-вакаров сохранились сведения о том, что их далекие предки были «вооружены железными пиками, защищали лицо железными масками» [Туголуков, 1975].

Железная маска-личина чжурчжэней несколько отличалась от синхронных ей антропоморфных центральноазиатских и вы-

кованных в виде тигриной морды сунских личин [Бобров, Худяков, 2003; С. 117]. Возможно предположить, что железные маски-личины чжурчжэней могли иметь антропоморфную личину собачьей морды. К сожалению, эту версию ничем подкрепить нельзя, т.к. «в силу высокой специализации [железных масок-личин, найденных на Шайгинском городище] они, видимо, не получили широкого распространения среди цзиньских воинов и в монгольское время были заменены более универсальными личинами центральноазиатского типа» [Бобров, Худяков, 2003; С. 118].

Ношением воинами антропоморфных масок-личин, по-видимому, и объяснимо появление сведений о собачьеголовых людях, у которых только мужчины были собаками, а женщины имели обычный человеческий вид. Песеголовость мужчин обусловлена ношением воином масок-личин в виде морды волка или собаки, что и дало повод для появления легенд о собачьеголовых людях. Однако приведенные доводы по поводу появления в историографии понятия «песеголовых» людей, отражающие моменты межкультурного восприятия одним народом другого, основанного на специфике военной маски-личины антропоморфного характера, могут иметь «вторичность» по отношению к семантической нагрузке экзонима «люди-собаки». На наш взгляд, китайская идеограмма передала объективно существовавшую идею сходства между людьми и тотемами, учитывая древность происхождения онима.

О природе появления животного символизма в сознании индивида К. Леви-Строс пишет, что «животное является чрезвычайно простым для понимания объектом запрета: это предок, уничтожение которого было бы эквивалентно убийству» [Леви-Строс, 2008; С. 102-103]. «Как член расширенного клана, человек подчинен общим отдаленным предкам, символизированным тотемами; наконец, как индивид — частным предкам, которые определяют его личную судьбу и могут проявляться через домашнее животное или какую-либо дичь...» [Леви-Строс, 2008; С. 102-103]. Тотем-со-

бака, как и волк — мифический прародитель многих центральноазиатских этносов. Это «носители клыков», чье агрессивное поведение символизирует собой силу, мощь, потенциальное бессмертие. Высвечивается древнее восприятие тотемного первопредка — «носителя клыков», чье агрессивное вмешательство в дела человеческие удерживает социальный порядок.

Однако и это объяснение выбора тотемным животным собаки или волка также неполное и проявляет, по-видимому, этнокультурную специфику тотема. Полагаем, что использование животных-символов следует воспринимать как некий код, который содержит в себе разные аспекты. Как показал лингвистический анализ, этноним содержит в своей лексической структуре апеллятив, семантика которого и проявляет еще один пласт кодифицированной семантики тотемного образа собаки или волка. В семантике корневой основы этнонима может быть передана идея уподобления индивида животному, вернее, идея общности мест их обитания. Возможно, что посредством этой разновидности кода в древних этнонимах и реализуются лингвистически психологические основы индивида как неотъемлемой части окружающей его природы.

В качестве иллюстрации приведем следующую пример. Так, адекватной с позиций лингвистики нам представляется версия, предполагающая объяснение названия *чжурчжэнь* как собственное самоназвание древнего племени с добавлением в морфоструктуру онима китайского апеллятива *жэнь* «человек». Этимологом корневой основы этнонима *чжурчжэнь* может являться, на наш взгляд, апеллятив селькупского языка *чуэрчэ* /кетский д./ «земля» [СРДС, 2005, 288], т.е. буквально «земляной человек», или «человек, живущий в земле». Эта форма этнонима «различима» в персидском варианте *чиорчиа/чорча* [Шавкунов, 1990; С. 44], которую, на наш взгляд, можно считать более корректной транслитерацией этнонима *чжурчжэнь*.

Возможность нашего предположения о самодийском языковом происхождении этнонимного *чжурчжэнь* также обосновы-

вается на историко-этнографических сведениях о древних племенах *чжурчжэней*, имевших жилищами землянки. Вероятность самоназвания племени древних предков самоедов, в основе которого лежит лексема со значением «земля», подтверждается тем, что основа *чу-* лексически совпадает с атрибутивом *чул-чуоль* 'земляной; глиняный' /сельк./ . Об этом писал в свое время еще М.А. Кастрен, а именно о том, что этимологию самоназвания в 1845 г. среди томских самоедов *sysse-gom*, *schösch-kom*, *tschûmel-gor*, *tjûje-gom* возможно трактовать как «человек страны» от *tschu*, *tju*, *sy* 'глина, земля, страна' [Тучкова, 2005; С. 279]. Полагаем, что и в этнониме *чжурчжэнь* < *чиорчиа*, как и в структуре средневекового этнонима селькупов *тюмэлькон/чуолакум/чумылькуп*, вычленима общая корневая основа *чу/чу* 'земля; глина; страна'.

В данном случае, вероятно, мотивировочным признаком этимона поздних этнонимов *тюмэлькон/чуолакум* стал факт этнографического прошлого самодийцев. Так, в селькупско-русском диалектном словаре указано, что «раньше остяки в земляных карамо жили» [СРДС, 2005, 290]. В связи с этими соображениями, иллюстрирующими не только факт этнографического прошлого самодийцев, опосредовавшего семантику корневых основ этнонимов, но и моменты историко-культурных связей племен, проявившихся в «миграции» этнонима, возможно связать древних предков *тюмэлькон* ~ *чиомэлкуп* с черноречными мукрийцами. Приамурские племена V-VIII вв. *мукри* вели полукочевой образ жизни с соответствующим типом жилищ. «Согласно письменным источникам, черноречные мукрийцы зимой проживали в землянках. Последние представляли собой впущенные в землю ямы, над которыми устанавливались в козлы плахи, покрывавшиеся затем сверху толстым слоем земли и, возможно, дерном» [Шавкунов, 1990; С. 73].

Поздними потомками мукрийцев являлись *чжурчжэни*, поселения и городища которых обнаруживают остатки таких же, как у мукри жилищ земляночного и

полуземляночного типа в бассейне Амура [Шавкунов, 1990; С. 72-74]. *Чжурчжэни* занимали территорию Приамурья в средние века, оставив после себя богатое культурное наследие. Существуют мнения ученых о возможности связей предков селькупов с древними насельниками Приамурья, в частности, с *чжурчжэнями* [Пелих, 1972].

Известно, что тотем-собака является мифологическим прародителем монголов, о чем писал в свое время Г.Н. Потанин, приводя монгольское предание «Нохой-эртень» [Потанин, 1887]. Во многих бурятских родах имеется подрод *нохой* «собака» [Цыдендамбаев, 1972]. К тому же этимологический анализ таких родовых названий хори-бурят, как Батнайский и Худай, предполагает «собачье» начало, объясняемое из самодийских языков [Жамсаранова, 2009, 82-110]. Сохранились легенды у некоторых групп селькупов о том, что их предком в далеком прошлом была большая черная собака [Быконя, 2007; С. 13].

Для языковой картины мира древних этносов было также типично называть себя 'люди; народ', как в более поздние эпохи вести свое начало от первопредка тотемного происхождения, маркируя, таким образом, свою неразрывную связь с природным началом. В период средневековья племенное название уже соотносится с конкретной исторической личностью, персонифицированным культурным героем. Эта картина мира остается запечатленной в языковой картине человека, где оним кодирует эту информацию в виде этнонимов и генонимов, расшифровать которую представляется возможной при адекватной интерпретации родоплеменного названия.

Также бесспорным представляется и то, что онимия способна репрезентировать некоторые моменты межкультурного и межъязыкового общения, проявляя тем самым концептуальное видение «своих» и «чужих». Именно эти моменты межкультурного взаимодействия цивилизованного китайского мира и «северных варваров-кочевников» и оказались зафиксированными в исторических хрониках. При этом если понятие «чужой», переданное посредством приставки

идеограммы *ню* «раб; холоп», обнаруживает моменты межкультурных отношений, то корневая основа самоназвания племени спо-

собна высветить моменты и внутрикультурной специфики древнего самосознания.

Литература

1. Государственный Архив Забайкальского края (ГАЗК), ф. 1, оп. 1/5, д.17513.
2. Балабанов В.Ф. История земли Даурской. – Чита: ООО «Издательство газеты Эффект», 2003. – 400 с.
3. Хоанг М. Чингисхан. Серия «След в истории». – Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. – 352 с.
4. Китайско-русский словарь/ под ред. Ся Чун И. – Пекин: Изд-во Университета иностранных языков г. Шанхая, 1992. – 1250 с.
5. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введ., редакция и комментарии М.П. Алексеева. Т.1. XIII-XVII вв. – Иркутск: КрайГИЗ, 1932. – 612 с.
6. Шавкунов Э.В. Культура чжурчжэней-удигэ XII-XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 282 с.: ил.
7. Туголуков В.А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез)// Этногенез и этническая история народов Севера. – М., 1975.
8. Бобров Л.А., Худяков Ю.С. Эволюция защитного вооружения чжурчжэней и маньчжуров в периоды развитого, позднего средневековья и нового времени // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья: сб. науч. тр. / Под ред. Ю.С. Худякова, С.Г. Скобелева. – Новосибирск: ООО «РТФ», 2003. – С. 66-212.
9. Клод Леви-Строс. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль / Пер. с фр. А.Б. Островского. – М.: Академический Проект, 2008. – 520 с.
10. Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В.В. Быконя. – Томск: ТГПУ, 2005. – 348 с.
11. Тучкова Н.А., Байдак А.В., Максимова Н.П. Южноселькупская этнонимика // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: материалы XIII Западно-сибирской археолого-этнографической конф. – Томск: ТГУ, 2005. – С. 279-282.
12. Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск, 1972. – 422 с.
13. Потанин Г.Н. Очерки северо-западной Монголии. Вып. IV. – СПб., 1883. – 1024 с.
14. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные (историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1972. – 662 с.
15. Жамсаранова Р.Г. Этнонимы и топонимы хори-бурят: лингвистическое исследование. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 228 с.
16. Быконя В.В. Самодийское направление // Сб. науч. тр. и мат-лов «Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы». Вып. 3. – Томск: ТГПУ, 2007. – С. 13, 16.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Жамсаранова Р.Г., канд. филол. наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

R. Zhamsaranova, Cand. Philological Sciences, Assistant professor of faculty of general and applied linguistics Chita State University

Научные интересы: ономастика, этнонимика, антропонимика (историческая), топонимика (региональная)

Scientific interests: onomastics, ethnonyms, personal names, toponymics (regional)

УДК 811.161.1/37

Лиханова Надежда Анатольевна
*Nadezhda Lihanova***ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРОЧТЕНИЕ
ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ****IDEOGRAPHIC PERUSAL OF THE
DIALECT DICTIONARY**

Статья посвящена проблеме описания диалектных словарей, где раскрывается значимость идеографического подхода на материале «Словаря русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова

This article is devoted to the problem of the description of dialect dictionaries. The importance of the ideographic approach is revealed on the material «The dictionary of Russian dialects of Transbaikalia» of L.E. Eliasov

Ключевые слова: диалектная лексикография, идеографический подход

Key words: a linguistic anthropological direction, dialect lexicography, an ideographic approach

Работа выполнена в рамках ФПЦ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2012 гг., контракт № 02.740.11.0591.

Исследования лексики национального языка в лексикографических источниках претерпевают изменения в связи с появлением новых типов словарей. На смену традиционному составлению и описанию словарного состава языка приходят иные парадигмы, где заметен переход от алфавитного описания к изучению семантики предметов, обычаев. Данный способ описания является идеографическим и выступает как один из способов систематизации знаний о мире и человеке, где «антропоцентризм онтологический и ценностный отражается в языке, во-первых, в выборе основных интерпретаций реалий мира, а во-вторых, в характеристике их аксиологической значимости» [7; С. 9]. Антропологическая направленность современной лингвистики имеет этнолингвистический, когнитивный, лингвокультурологический аспект, что и определяет её значение в дальнейших исследованиях языка как результата деятельности языковой личности

в разных условиях существования этнической культуры.

В последние годы активно развивается интерес к региональной лексикографии, которая становится показателем отражения ментальности, истории, культуры духовного потенциала народа, где активно создаются диалектные, топонимические, исторические, фразеологические и другие типы лингвистических словарей. Идеографическая характеристика словаря позволяет расширить некоторые общелингвистические задачи: «выявить, в каких лексических единицах идет опредмечивание материального мира, как членится при помощи лексики опыт данного народа» [6; С. 173]; «выявить связи и отношения между обозначаемыми и обозначающими, установить объем значения, определить значение и очертить круг лексико-фразеологических связей слова» [4; С. 21], а также собрать в единую группу разнородный региональный лексический материал. Можно утверждать, что без погруженности в региональную культуру невозможно лексикографическое описание и фиксация языковых особенностей диалектной лексики. При этом трудность составления диалектных словарей идеографического типа заключается в том, что в

них недостаточно разработана методика исследования культурных контекстов слова. С точки зрения лингвиста Е.А. Шенделевой, любые комплексные единицы лексического уровня языка (лексические гнезда, лексические и семантические поля) могут выступать в качестве этнолингвистических феноменов. Подобное, однако, возможно лишь при перенесении языка в более широкую антропологическую парадигму, что не учитывается многими составителями словарей, и лексические системы, таким образом, остаются лишь «голыми схемами», замкнутыми чисто лингвистическими структурами, не раскрывающими взаимосвязь языка, культуры и мышления [2; С. 43].

Следовательно, актуальной оказывается проблема методического обеспечения исследования и учет культурно-исторических фактов в идеографическом диалектном словаре.

Первые попытки культурно-исторической информации диалектного словаря с учетом идеографии отражены в исследованиях Ф.П. Филина. Автор, обратившись к анализу диалектной сельскохозяйственной лексики, ставил перед собой ряд задач: воссоздать историю сельскохозяйственных диалектных терминов, установить способы их образования и семантическую структуру, наметить территориальное распределение сельскохозяйственных терминов и проанализировать процессы словотворчества в сельскохозяйственной терминологии современной деревни. Последняя задача позволила Ф.П. Филину обсудить вопрос о социальной дифференциации сельскохозяйственных терминов в современных народных говорах. Ф.П. Филин впервые в русском языкознании включил в исследование чрезвычайно широкий круг сельскохозяйственной лексики, употреблявшейся в русских народных говорах, и подверг ее тщательному и всестороннему анализу. Все исследование лексического материала в его труде ведется в тесном переплетении синхронных и диахронических методов, на фоне широкого изучения культурно-исторических факторов, влияющих на языковые процессы [5; С. 5].

Лексикографами разных регионов были предложены идеи создания или создания словари идеографического типа. Так, красноярский ученый Г.А. Раков озвучил мысль о «Диалектном идеографическом словаре», где было предложено распределять слова по заранее заданным полям. Как отмечал исследователь, «лексическая система, отраженная в диалектном идеографическом словаре, будет открытой, допускающей проникновение новых элементов, не нарушающих до определенного момента структурных связей внутри той или иной группы, и это в большей степени соответствует динамическому состоянию лексики говора на современном этапе его развития». Диалектный идеографический словарь должен отражать всю зафиксированную лексику, без всяких исключений, поскольку, «в отличие от терминологии научной, составляющей известную часть лексики литературного языка, но функционально сравнительно мало нагруженной, диалектная терминология функционирует в речи носителей говора очень активно, что связано с многоаспектностью деятельности диалектоносителя, и диалектные термины часто являются единственными именованиями многих реалий, постоянно используемых диалектоносителями» [3; С. 149].

Концепция диалектного словаря идеографического типа предложена екатеринбургским исследователем О.В. Востриковым, который рассматривает язык не только как часть культуры, но и как наиболее полное детализированное отражение культуры. Значимость данного словаря для отечественной лингвистической науки подчеркнута В.В. Липиной.

Лексикографический труд предстаёт как этнолингвистический факт уральского региона, где при составлении словаря учитывалось наличие «двух кодов — языкового и культурного, находящихся в отношении комплементарности, так как заменить друг друга они не могут: культурный код обеспечивает воспроизведение этноса, а языковой код обеспечивает воспроизведение и ментальную интерпретацию культурного кода» [1; С. 51].

В диалектном словаре вопрос истолкования проявлений народной культуры требует особого внимания. Стремление составителей дать в словаре объясняющие сведения о жизни, быте, культуре того или иного региона приводит к расширению энциклопедического толкования или же к введению этнографического, исторического, культурологического комментария, который, по сути, является частью этнолингвистического анализа. Очевидно, что даже краткие комментарии о материальных реалиях крестьянской жизни и фрагментах духовной культуры способствуют глубокому пониманию семантики слова, а также знакомят читателя с теми традициями и обычаями, которые стоят за этим словом. В зависимости от того, какие группы диалектной лексики берутся за основу, вырабатываются те или иные признаки отбора слов при составлении диалектных словарей.

Так, источником познания диалектной лингвокультуры Восточного Забайкалья выступает лексикографический труд Л.Е. Элиасова «Словарь русских говоров Забайкалья», который отражает существенный пласт материальной и духовной культуры забайкальского региона. Один из информантов Л.Е. Элиасова – Е. Шубин, хорошо чувствующий языковую ситуацию в Забайкалье, указывал на глубокое взаимовлияние народов друг на друга и уникальность забайкальского говора: «Сами-то себя не разумею, как бы чево не назвали, все поймем. Вам-то сразу не понять, так послушайте, что я вам скажу. Ни мы, ни наши отцы книг не читали, а деды наши и прадеды, что с собой из России принесли, то все стодилось, но тех слов не хватало. Вот почали тут они всем незнакомым местам свои названия давать, то по-бурятски, то по-тунгусски, а то и по приметам. Чо у других народов брали, то на свой лад переделывали, так переобдумывали, что ни буряты, ни тунгусы своих слов потом не узнавали, а русские за свои стали принимать. Вот и появилось в нашем языке столько новых слов, что мы обо всем могли разговор вести. Поставь с нами в ряд расейского мужика, он половины наших слов не докумекает» [8; С. 26]. В предисло-

вии «О работе над Словарем» Л.Е. Элиасов подробно изложил вопросы о процессе сбора и формировании материала, опираясь на идеографический подход, хотя в лексикографическом труде соблюден алфавитный принцип построения.

В результате исследования были выделены следующие тематические блоки с соответствующими примерами:

– приисковая терминология, связанная с различными способами золотого промысла (*зу'нт* – небольшая яма с водой, в которой прмывают в лотке золотоносный песок; *накра'дки* – самородки, утаенные золотоискателями от хозяина прииска, *о'рта* – подземная работа на руднике);

– термины местного рыбного промысла (*ку'члега* – мелкий омуль, добытый при подледном лове; *каву'н* – поплавок у невода, сетей, удочки; *мале'ц* – маленький молодой осетр; *нори'льщик* – рыбак, проталкивающий подо льдом шест);

– терминология охотников и лесного промысла (*запра'в* – процесс зарядки ружья; *курча'жина* – небольшая площадь вырубленного леса среди таежного массива; *минжа'* – дорогая шкурка баргузинского соболя; *зута'нить* – охотиться в одиночку);

– терминология земледельцев, скотоводов, коневонов (*воза'к* – передняя лошадь в обозе; *тагли'* – маленькая наковальня для ковки гвоздей; *земляни'ка* – наказание крестьян за плохое отношение к земле; *лѐ'ха* – узкий загон, засеянный одной культурой);

– местный лексикон каторжников (*пово'льник* – бывший ссыльный, оставшийся жить в данной местности; *варна'к* – человек, бежавший с каторги; *каморо'шник* – арестант, сидящий в одиночной камере; *мордо'ха* – агент по сыску, слежке за кем-либо, доносчик);

– диалектизмы народной медицины (*ме'тчик*, *наше'пт*, *обозна'ха*, *при'вороть*, *тупе'ц* – знахарь, колдун; *трясу'ница* – лихорадка; *отпо'й* – настой лекарственной травы; *хамху'л* – лекарственная трава, настой, который пили при заболеваниях желудка);

– бытовая лексика, касающаяся домашнего инвентаря, сбору, предметов, связанных с сельскохозяйственными работами на пашне, на сенокосе или молотье (*кычи'м* – черпак с длинной ручкой для зачерпывания воды из глубокой проруби; *долбу'ш* – долото с железной ручкой; *ла'мба* – большая деревянная ложка; *иду'р* – торба, большая корзина, ящик);

– семейно-бытовая лексика – о детях, доле женской судьбы, свадебных обрядах и др. (*залепе'нчик*, *мо'вня* – ребёнок, только что начавший лепетать; *поздо'нушка* – о ребенке, родившемся у пожилых родителей; *носа'к* – мужчина, от которого ушла жена; *па'болд* – ребёнок от родителей разных национальностей; *ко'дла* – родословная);

– лексика шитья одежды, детали деревенской одежды (*бра'ный* – узорчатый, вышитый или вытканый узорами; *пи'нка* – английская булавка; *га'сник*, *га'шник* – пояс у брюк; *примо'ток* – небольшой моток ниток, шпагата, пряжи);

– религиозная лексика – «антипоповские мотивы», шаманизм, ламаизм и т.д. (*абдала'*, – лама, отказавшийся от своего сына; *оря'сник*, бранно – о попе; *обмучне'ние* – старинный обычай в некоторых забайкальских деревнях: обсыпание головы мукой и славение Христа по домам

во время зимних праздников; *мони'чка* – монахиня);

– диалектная лексика семейских Забайкалья (*Сидо'ркин день* – по религиозному обычаю – день Сидора-огуречника (14 мая по старому стилю), когда семейские начинали сажать огурцы; *коля'зный* – вызывающий недоверие у верующих, способный изменить своему религиозному толку (об уставщике у семейских); *обмирица'нники* – семейские староверы, которые старались придерживаться общеправославных обычаев, кроме троеперстия; *ча'шечник* – раскольник, старовер, который ест только из своей чашки);

– лексика забайкальского казачьего сословия и лиц, имеющих отношение к царской службе (*баилы'к* – голова, атаман; *каза'кать* – становиться, быть казаком; *подстилу'шник* – простыня среди казаков Забайкалья; *са'бельник* – конник, кавалерист) и т.д.

В заключение следует подчеркнуть, что по материалам «Словаря русских говоров Забайкалья», соблюдая идеографический принцип, можно познать объективную картину мира вещей и явлений, характеризующих отдельные элементы лингвокультуры региона. Диалектный состав Забайкальского региона не был предметом специального лингвоантропологического исследования.

Литература

1. Лишина В.В. Региональный диалектный идеографический словарь: принципы построения и семантическая структура; на материале бытовой лексики говоров Среднего Урала: дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000.
2. Поздеева С.М. Лингвосомиотические связи в диалектной лексической системе: на материале экзистенциальной лексики пермских народных говоров: дис. канд. филол. наук. – Пермь, 2005.
3. Раков Г.А. О диалектном идеографическом словаре // Сибирские русские говоры. – Томск, 1984. – С. 148-150.
4. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке, XI-XVII вв. – Л., 1970.
5. Сороколетов Ф.П. Из истории диалектной и исторической лексикологии русского языка // Диалектная лексика. – М., 1978.
6. Уфимцева А.А. Лексическое значение. Принципы семиологического описания лексики. – М., 1986.
7. Хайрулина, О.И. Лингвистический аспект становления антропоцентров в древнеанглийском эпическом тексте: автореф. дис. канд. филол. наук. – СПб., 2007.
8. Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Лиханова Н.А., ст. преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
nadezh-l@yandex.ru

N. Lihanova, senior. teacher of theoretical and applied linguistics department, Chita State University

Научные интересы: лингвоантропологическое направление, этнолингвистика, диалектная лексикография, диалектная культура

Scientific interests: linguistic anthropological direction, ethnolinguistics, dialect lexi-cography, dialect culture

УДК 811. 512

Мальчакитова Наталья Юрьевна
Natalia Malchakitova

НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТОВ «ДУША», «СУДЬБА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ЭВЕНКОВ

THE NATIONAL-SPECIFIC MAINTENANCE OF CONCEPTS «SOUL», «DESTINY» IN A LANGUAGE PICTURE OF EVENKS

Рассматриваются особенности национально-специфического содержания концептов *душа*, *судьба* в языковой картине мира эвенков.

Выявлено национально-специфическое, культурное содержание концептов *душа*, *судьба* в языковой картине мира эвенков, показано своеобразное представление о мире, стереотипы и установки этноса

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, душа, судьба

The article considers the national-specific maintenance of concepts «soul», «destiny» in language picture of Evenks. The aim of our research is to single out the national-specific, cultural maintenance of concepts «soul», «destiny» in a language picture of Evenks and to show original perception of the world, the stereotypes and the installations of ethnos

Key words: language picture, concept, soul, destiny

Информация, которая содержится в языке, свидетельствует об особом мировосприятии и видении народа. Это особое видение мира и составляет богатство картины мира любого языка, является результатом мировосприятия народа. Как считает В.А. Маслова, языковая картина мира формирует тип отношения человека к миру (природе, животным, самому себе, как элементу мира). Она задает нормы поведения человека в мире. Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации («концептуализации») мира [5; С. 65].

Таким образом, языковая картина мира – отраженная в языке действительность, определенный способ концептуализации мира. И каждый язык имеет свою особенную картину мира. Иначе говоря, язык изображает собственную картину мира.

Концепт является единицей языковой картины мира. К определению данного по-

нятия ученые подходят с разных аспектов: психолингвистического, лингвокультурного, когнитивного, философского. В данном случае мы подходим к определению концепта как лингвокультурного понятия. Так, к пониманию концепта как единицы культуры подходит Ю.С. Степанов: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек... входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [7; С. 40]. Концепт, как ментальная сущность, имеет национально-специфические черты. Национально-специфическое содержание концептов обусловлено мировидением, национальной культурой, обычаями и верованиями, историей этноса. Так, каждая культура имеет набор своих концептов. Они существуют в языковом сознании и связываются с самосознанием человека. Поэтому

цель данного исследования — выявить национально-специфическое, культурное содержание концептов *душа*, *судьба* в языковой картине мира эвенков, а также обнаружить и показать это своеобразное представление о мире, стереотипы и установки этноса.

Концепты *душа*, *дух*, *судьба* являются универсальными — они существуют во всех лингвокультурах и так или иначе связаны между собой. Вместе с тем, для каждого языка характерны специфические национальные черты.

В мировоззрении эвенков представления о душе и судьбе тесно перекликаются. В языке имеется несколько наименований душ. Как полагает А. Ф. Анисимов, одна из этих душ — *маин* «душа-судьба». Душа *маин* — невидимая для простого смертного нить,

Де ниду ананатын
Севултын биркэл болла гунна
Аят адулана ичэтми,
Эр утэн дюва дотариду
Увагас сэксэдук *онилжан*
Эр колумтанду ананча
Того эһэкэвэ илаттыду
Тынис тэкэн сэксэдук *дилгалжан*
Умун ай эвэнкин оскечэ-балдыча ивиг

Приведенные нами примеры показывают, что эвенки верят в предопределение судьбы. Судьба *маин* дана свыше. Все зависит от верховного божества *Маин*, который может повернуть человеческую жизнь в хорошую сторону или наоборот. Оно имеет два значения. Так, в эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыревой значение слова *маин* I определяется как дух-хозяин Верхнего мира, хозяин душ человеческих, святой, дух-хозяин зверей; охотничье счастье; душа, а значение *маин* II означает неудачу (на охоте, при стрельбе) [6; С. 351].

К верховному божеству *Маин* обращались шаманы во время камлания и просили у него благополучие и удачу для своих сородичей [1; С. 195]. Считается, что с рождением ребёнка появляется на свет и его судьба *маин*. Таким образом, судьба предопределена, предначертана свыше. И в языковой картине эвенков название божества и понятие судьбы обозначено одним словом *маин*.

которая идет от головы человека вверх на *Узу Буга* (досл. Верхний мир), в руки верховного божества. В эвенкийском языке это божество имеет разные названия: *Амака*, *Сэвэки*, *Маин*. Одно из этих слов *Маин* означает: «хозяин душ людей, судьбы»; «хозяин Верхнего мира, бог»; «счастье». В руках верховного божества *Маин* сосредоточены судьбы эвенков — нити, с помощью которых он управляет людьми [1; С. 109-118]. Например: «*Ухикэнин урумкун бичэ*» «Веревка его короткой была», т.е. это ему на роду было написано [4; С. 75].

Много примеров находим и в устном народном творчестве эвенков. В эвенкийском сказании «Со бэе Содани мата» (Храбрый Содани-богатырь) читаем:

Если хорошо присмотреться,
Думая, что это за оружие,
Для кого оно предназначено, —
Оказывается, родился и вырос один эвенк-ай,
Которому по жидкой крови было *суждено*
Стать этого утэна хозяином,
По крепкой родовой крови его предназначено,
Предопределено разводить
В том очаге огонь-дедушку [9; С. 132-133].

В мировоззрении эвенков *судьба* представлена в виде нити. И если ниточка по какой-либо причине оборвется, то жизнь человека прерывается, т.е. жизнь эвенка зависит от божества *Маин*. Отсюда следует, что судьба *маин* непредсказуема, ее нельзя как предугадать, так и изменить.

По представлениям эвенков, человек имеет несколько душ: *ханяи* «душа — тень // отражение», *бэен* «телесная душа (досл. душа // тело)», *маин* «душа-судьба», каждая из которых несет определенное предназначение. Так, *ханяи* находится при человеке в виде тени, отражения, пока тот живет. Эвенки считали, что *ханяи* может покидать человека и уходить, куда ей вздумается: охотиться, рыбачить и т.д. Поэтому полагали, что нельзя человека будить неожиданно, т.к. *ханяи* не успеет вовремя добежать до спящего и человек может заболеть (лишиться души).

Бэен всегда находится в теле человека и

никогда его не покидает, пока человек жив. Воспринимается в облике тела человека.

Третья душа — *Маин* — находится не в человеке, а в истоке мифической родовой реки — *мумоңи хокто бира* (досл. водное пространство — дорога-река). У истоков этой мифической родовой реки растут прекрасные леса с пастбищами. Там много зверя, птицы и рыбы. В этой обетованной земле и живут души эвенков *маин*. Но каждая живет по-своему, врозь и в разном достатке.

Вместе с тем, вместо множества душ фигурирует единая душа-творение — «*оми*». После смерти *ханяи* удаляется от тела покойного и принимает новое качество. Она становится источником творческого начала (зарождения) и перевоплощения, что и подчеркивается ее новым названием. Название *оми* происходит от *о-ми*, что означает:

- 1) стать, возникнуть, появиться, образоваться;
- 2) создать, сотворить, образовать;
- 3) сделать, исполнить, произвести;
- 4) настать, прийти, наступить [1; С. 190].

Душа является жизнью, средством жизни. *Омин* — *бэ индевунин* — «Душа — это средство жизни»; *Бэ индевунин омин мэндькэн* — «Средство жизни человека — сама его душа». Эвенки также полагают, что душа — это и разум: *Бэ дялин, омин умукэн-дэ* — «Ум человека и душа — одно и то же». Видимо, поэтому считается, что *оми* находится в голове.

Эвенки связывают *оми* и с дыханием человека *эрикэ*. Сообщая ее местонахождение, эвенки полагают, что *оми* помещается в *эмугдэ* (общее название сердца и легких). Следовательно, *эмугдэ* приняло значение «душа» [3; С. 224].

Душа есть и у животных, местом обитания которой являются наиболее развитые органы: например, у пушных — нос

... Дюлакин дэрэлкэн,
Дялкинтыма му дялалкан,
Энэмэ энин омилкан,
Боско дылилкан

(«*оноктолди упкатван амтадяран* «носом все чувствует»). Считается, что эти части животных могут принести человеку добро (охотнику — удачу, людям — здоровье), поэтому их хранят.

Личные имена эвенков также тесно связаны с представлениями о душе. Имя считается одним из воплощений души, поэтому его не выбирают заранее, а дают его уже родившемуся ребенку. У эвенков в прошлом обычно было два имени. Одно — основное, главное *хэгдыгу*, его дают сразу после рождения, второе *эвибгэн* — шутиливое, или кличка. Оно давалось для того, чтобы обмануть злых духов, которые могут наслать болезнь или неудачу [2; С. 69].

В картине мира эвенков *душа* настолько самостоятельна, что она может покидать тело и заниматься своими делами: охотиться, рыбачить, ходить по стойбищу и т.д. Она имеет свойства перевоплощения, вечной жизни, перемещения внутри человека, локализованность, связь с загробным миром и т.д. В языковой картине эвенков *душа* — средство жизни: «*Дылачакур этыркэн омидин алгана арирум* — духом старика Дылачанкура богословив, тебя оживил». Шамана, который лечит больного, эвенки называют *Омилак* «добыватель душ».

Наиболее четко национально-специфическое восприятие действительности проявляется в устойчивых сочетаниях. Например, имеет интересное значение такой фразеологизм: «*Омилватын девми* «наслать болезнь» (досл. *души их съест*).

В эвенкийской языковой картине *душа* осязатима, может восприниматься в облике тела человека, например, *бэен* «телесная душа». Слово *душа* имеет больше универсальных свойств, но также не лишена и национально-специфических черт.

Так, в героическом эвенкийском сказании «Со бэе содани мата» мы нашли такие строки:

... Средней земли-матери хозяин,
С двумя ногами,
С голым лицом,
С гибкими суставам

Урацкай эвэнки гунмури итчилкэн
Бимчэ бичэн гуннэ
Аят эли-тали һэринэ уйденэ ичэми — ...

В комментариях к тексту А.Н. Мыреевой объясняется, что здесь речь идет о душе (обозначаемой словом *оми*), способной как бы течь (от *эен*- «течь, литься, протекать», находясь в воздухе рядом с человеком, которому она принадлежит) [9; С. 372].

Каждый предмет, будь он одушевленным (живым) или неодушевленным, считают эвенки, имеет свою душу — *оми*. Например, огонь имеет своего бога — пожилую женщину. Каждая речка, дерево имеют своих духов. Со смертью дерева, оленя и т.д. *оми* покидает их навсегда. Упавшее дерево, не увядшее, сухое — это уже без собственного *оми* [8; С. 107]. Действительно, эвенки, издревле живя рядом с природой, очеловечивают ее. Поэтому каждый кустик, камень, гора, ручей имеет свою душу, называемую *мусун* ~ *мухун* «сила движения». Понятие *мусун* очень сложное. Оно соответствует понятию «психическая энергия» («живая энергия»). Неживые, на современный взгляд, вещи, в системе традиционного мировоззрения эвенков живы, т.к. обладают силой *мусун*. Отсюда у эвенков существует много запретов *одё*, которые оберегают человека от того, чтобы он нечаянно, ненамеренно не убил эту жизненную силу в каком-либо предмете: «*Экэл улэрэ дуннэвэ — мусунман хэрэкидицэс*» — «Не рой землю — поранишь ее мусун»; «*Экэл дё-лово япчура — мусунман вадицас*» — «Не дроби камни без надобности — убьешь мусун» [4; С. 59].

Вещи, созданные человеком, тоже могут иметь *мусун*. Термином *мусучи* назы-

С текущей душой-матерью
С легко поворачивающейся головой
С именем эвенка-уранкая — ... [9; С. 130].

вались предметы, изготовленные человеком, например, лук-самострел, убивающий лося. *Мусучи*, *мухулкэн* (досл. имеющий мусун) — так говорится и о вещах, памятных и дорогих человеку, подаренных ему. Такие вещи имеют *мусун*, т.к. несут в себе неосознаваемый, но вполне ощутимый заряд доброго — того, что желал нам даривший и любивший нас человек [4; С. 60]. Отсюда у эвенков многие обряды и традиции связаны с данным представлением о *душе*, как некой движущей живой силе, которая может вести самостоятельную жизнь.

Оми «душа человека» не всегда уходит в потусторонний мир. Она может остаться поблизости, где умер человек. У всех людей, умерших неестественной смертью, не от старости и не от болезней, умершие самоубийством и утоплением, — их *души* не уходят, а витают вокруг да около [8; С. 107].

Таким образом, в представлениях о душе и судьбе у эвенков зафиксировались все стороны живой и неживой физической и духовной активности человека, а также связи человека с живой и неживой природой. Концепты *душа*, *судьба*, являясь ключевыми для языковой картины эвенков, обладают лингвоспецифичностью. Они имеют в себе такую ключевую идею, которая характерна только для эвенкийского языка. В этом и есть особенность восприятия окружающего мира эвенками. Каждый народ образует концепты тех фрагментов действительности, которые важны для него.

Литература

1. Анисимов А.Ф. Представления эвенков о душе и проблема происхождения анимизма // Труды Ин-та этнографии АН СССР. — Т. 14. — 1951. — С. 190-195.
2. Арчакова О.Б., Трифонова Л.Л. Мифологические представления эвенков. — Благовещенск, 2006.
3. Василевич Г.М. Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVII-XX вв.). — Л., 1969.
4. Варламова Г.И. (Кэптукэ). Мировоззрение эвенков: отражение в фольклоре. — Новосибирск, 2004.

5. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
6. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь (Эвэды-лучады турэрук). – Новосибирск, 2004.
7. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «языки русской культуры», 1997. – 824 с., 51 илл.
8. Шубин А.С. Эвенки. – Улан-Удэ, 2007.
9. Эвенкийские героические сказания. Сер. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1990.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Мальчакидова Н.Ю., аспирантка, Бурятский государственный университет (БГУ)
maltak84@mail.ru

N. Malchakitova, post-graduate student, Buryat state university

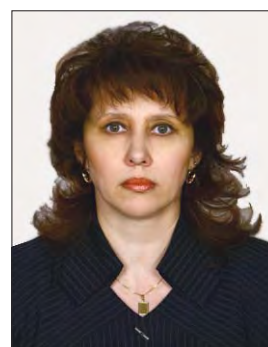
Научные интересы: исследование языковой картины эвенкийского языка, в частности, базовые лингвокультурные концепты в языковой картине эвенков

Scientific interests: language picture investigation of Evenks, basic lingvo-cultural concepts in language picture of Evenks

УДК 008: 001.8

Титова Марина Павловна
 Marina Titova

КОНЦЕПТ «ПРОСТРАНСТВО» И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ

CONCEPT «SPACE» AND ITS REFLECTION IN PHRASEOLOGY OF NATIONAL LANGUAGES

Рассматривается вопрос об отражении концепта «пространство» в языке, в частности, в его фразеологическом фонде. Систематизируются пространственные фразеологизмы, передающие пространственные характеристики человека и предметов. Анализ фразеологизмов даёт полную картину исследуемого концепта во фразеологии национальных языков

Ключевые слова: концепт «пространство», национальная картина мира, пространственная картина мира, языковая картина мира, фразеология национальных языков, пространственные фразеологизмы

This article examines the reflection of the concept «space» in the language, in particular in its phraseology fund. Systematized the spatial idioms conveying the spatial characteristics of person and objects are revealed. The analysis of idioms gives a full picture of the investigated concept in phraseology of national languages

Key words: concept «space», national picture of the world, spatial picture of the world, lingual picture of the world, phraseology of national languages, spatial idioms

Вся практика развития мировой культуры свидетельствует о том, что ни одна культура не может существовать изолированно. В процессе своей жизнедеятельности она вынуждена постоянно обращаться как к своему прошлому, так и к опыту других культур. Диалог культур раскрывает их природу и условия сосуществования. Сформировавшись в далёком прошлом, они представляют единую картину мира человечества, что и обеспечивает функционирование общечеловеческих нравственных ценностей. А специфические культурные проявления каждого народа сформировали этнические ценностные ориентации, истоки которых видны в национальных картинах мира, а их проявление — в языковой картине мира. В культурологии, культурной антропологии, лингвокультурологии рассматриваются взаимоотношения разных культур, обмен информацией в межличностном общении людей в быту, семье, языке.

Язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей, репродуцировать образы национальных картин мира, воплощая их в знаковых единицах языка [2]. Каждая культура имеет свою языковую систему и соотносена с языком через концепты.

Концепт, по определению Ю.С. Степанова [13; С. 47], является основной ячейкой культуры в ментальном мире человека. К структуре концепта принадлежит «все, что принадлежит строению понятий; с другой стороны, в структуру концепта входит все то, что и делает его фактом культуры — исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков история; современные ассоциации; оценки» [12; С. 41].

Посредством концептов осуществляется взаимосвязь окружающего мира и человека. Концепты возникают в сознании человека не только на основе словарных значений слов, но и на основе личного и

народного культурно-исторического опыта, и чем богаче этот опыт, тем шире границы концепта, тем шире возможности для возникновения эмоциональной ауры слова, в которой находят свое отражение все стороны концепта [7; С. 144]. По мнению Ю.С. Степанова, именно эта особенность позволяет определять концепт — как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека...то, посредством чего человек входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [12; С. 43]. Концепты не только мыслятся, они переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений.

В английских словарях «концепт» — «идея, лежащая в основе целого класса вещей», «общепринятое мнение, точка зрения» (*general notion*). В «Longman Dictionary of Contemporary English» «концепт» определяется как «чья-то идея о том, как что-то сделано из чего-то или как оно должно быть сделано» (*someone's idea of how something is, or should be done*) [8]. Возникает неожиданное указание на мыслящее лицо, деятеля, обладателя некой идеи и точки зрения. При всей абстрактности и обобщенности этого «некто» (*someone*) вместе с ним в «концепт» входит потенциальная субъективность.

В настоящее время объектом многих междисциплинарных исследований является концепт «пространство». С древних времен данный концепт вызывает интерес философов. Уже исходя из определения, данного исследователями Ж. Делезом, Ф. Гваттари [3; С. 29], можно утверждать, что философские концепты и концепты, отраженные в языке, могут иметь одинаковые концептуальные составляющие, т.к. знание, формирующее концепт «пространство» философа и обыденного носителя языка, имеет общую основу — переосмысление данного в опыте, но степень этого переосмысления и разница языка философии и естественного языка позволяют предположить, что концепты философии ближе к комплексу понятий, т.е. конструктов мышления, отражающих характерные, наиболее

выраженные, обобщенные черты того или иного объекта мира.

Концепт «пространство» является одним из наиболее ярких и многомерных понятийных полей, ему принадлежит ключевая роль в построении всей концептуальной системы [6]. Нас интересует, прежде всего, пространство, которое проживает и переживает человек, пространство, которое составляет часть «наивной философии» бытия человека и которое получает свое отражение в языке, в частности, в его фразеологическом фонде. Для нас важно понять, насколько похожи и насколько различны в языках те фрагменты наивной картины мира, в которых на уровне фразеологии отражается такое универсальное понятие, как пространство.

Пространственная картина мира реализуется с помощью пространственных фразеологизмов, пространственных метафор, языкового материала, передающего идею количества и размера как пространственных характеристик. Рассмотрим ФЕ, свидетельствующие о формах расположенности разных предметов по отношению друг к другу. Вот, к примеру, ряд фразеологических единиц, говорящих о самоорганизации вещей и предметов по оси *далеко/близко* (по горизонтали):

далеко — там, где не ступала нога человека, *the foot of man never stepped (trod) here (there)*; на край света, *to the ends of the world*; за семь вёрст киселя хлебать, *drag oneself a long way on a wild goose chase*; семь вёрст до небес и всё лесом, *to promise smb the moon (the stars, the earth)*; у чёрта на куличках (на рогах), *in the back of beyond*; куда Макар телят не гонял, *to some godforsaken hole miles from anywhere*; куда ворон костей не заносил, *to the middle of nowhere*; к чёрту на кулички (на рога), *be gone all the way to Timbuktu (Тумаракань)*; рукой не достанешь, *you can't get near him*; насколько глаз хватает, *as far as the eye can reach (see)*; во всю ширь, *to its full extent, to the full*; куда глаза глядят, *wander aimlessly, without any destination*; в тридевятом царстве, в тридесятом государстве, *faraway kingdom, kingdom beyond*

the seas; за тридевять земель, *beyond the thrice-nine lands*;

близко — под рукой, *near (close, ready) at hand*; на волосок, *be within (by) a hairbreadth of smth*; нос к носу, лицом к лицу, *face to face with smb*; в двух шагах, *a few steps away from smb*; под боком, *quite near, within one's reach*; дверь в дверь, *just opposite one's door*; рядом, по соседству, стена в стену, *next door to*; в тесном соседстве, *at close quarters*; бок о бок, рядом, *side by side, cheek by jowl*; грудь с грудью (в грудь), *hand-to-hand, foot to foot*; в упор, *come (stand) close to smb*; не за семь вёрст, *not a hundred miles away*; перед самым носом, *before smb's face*; поблизости, *in the region of*; один только шаг, *but one remove from*; плечом к плечу, *shoulder to shoulder*; локоть к локтю, *elbow to elbow*; под самым носом, *under the very nose of smb*; рукой подать, *be a short distance away from some place*.

Фразеологизмы с понятием «далеко» указывают на местоположение или характеризуют перемещение на далекие расстояния. Значения всех единиц будут составлять две основные семы: сема пространства и сема дальности. Однако в составе подгруппы есть некоторые ФЕ, имеющие дополнительные значения. В русском языке ФЕ *за семь вёрст киселя хлебать* отражает не только сему дальности, но и значение «попусту, без особой надобности»; во ФЕ *сто вёрст до небес и всё лесом* — речь идет, не просто о дальней, но и трудной дороге, т.е. во фразеологическом значении также присутствует дифференциальная сема трудности; фразеологизмы *у чёрта на рогах*, *у чёрта на куличках*, *хоть к чёрту на рога* имеют дополнительное значение «глухого и малонаселённого места». В английском языке дополнительную сему «глухого места» имеют ФЕ *the back of beyond*, *of the edge of nowhere*, *to go over the hills and far away*, *be gone all the way to Timbuktu*.

Семантика фразеологизмов английской языка в данной подгруппе в целом будет отличаться от семантики фразеологизмов русского языка. Если большинство ФЕ английского языка, описывающих далекое

в пространстве, имеет нейтральное значение, то большинство русских ФЕ имеет отрицательное значение. Это такие фразеологизмы, как *куда Макар телят не гонял*, *куда ворон костей не заносил*, *чёрт знает куда*, *хоть к чёрту на рога* [5]. Плохо всегда то, что находится неопределённо далеко, неизвестно где. Образ чёрта в наивной картине мира всегда был негативным и именно поэтому ФЕ с компонентом «чёрт» приобретают отрицательную оценку [11].

С точки зрения эмоциональности именно потому, что большинство фразеологизмов русского языка имеет отрицательную оценку в силу образа, который ассоциативно возникает в нашем представлении, а большинство фразеологизмов английского языка имеет нейтральную оценку, в данной подгруппе нет ни одного фразеологизма, вызывающего чувство одобрения.

Большинство ФЕ английского языка и некоторые ФЕ русского языка, описывающие далёкое пространство, имеют нейтральное значение и не выражают эмоционального отношения говорящего к действительности. Исключение составляют ФЕ *семь вёрст до небес и всё лесом*; *в тридевятином царстве*, *в тридесатом государстве*; *the back of beyond*; *за семь вёрст киселя хлебать*, которые имеют эмоциональную сему шутливости, иронии.

Подгруппа фразеологизмов, связанных с понятием «близко», является одной из наиболее многочисленных подгрупп фразеосемантического поля пространства как в русском, так и в английском языках. Человек, независимо от его языковой принадлежности, чаще всего в своей повседневной жизни имеет дело с теми объектами (лицами или предметами), которые находятся в близком от него пространстве. Всё, что близко — понятно. Все фразеологизмы подгруппы характеризуются наличием двух основных значений: семой пространства и семой близости. Дополнительные значения — сема местонахождения (*в двух шагах*, *под боком*, *бок о бок*, *под рукой*, *под носом*, *не за горами*, *дверь в дверь*; *next door to*, *side by side*, *cheek by jowl*, *near there*, *before smb's face*, *but a remove from*,

in touch of, within earshot, ets.) и сема движения (*плечом к плечу, локоть к локтю, нос к носу, в упор, бок о бок, ухо в ухо, shoulder to shoulder, hand to hand, face to face, side by side, neck and neck, ets.*). В обоих языках присутствуют также фразеологизмы, имеющие такие дополнительные значения, как — сема зрительного восприятия (*глаза в глаза, лицо в лицо, face to face*) и сема действия (*из под самого носа, foot to foot, from under one's nose*).

В обоих языках ФЕ, обозначающие близкое расстояние, сами по себе, находясь вне контекста, не вызывают одобрения — неодобрения и имеют нейтральную оценку. В контексте же может наблюдаться появление положительной или отрицательной оценки (*рядышком, прямо под боком; увели из-под самого носа, right under the nose of the council which refuse to house her*).

Большинство ФЕ русского языка и многие ФЕ английского языка, отображающие понятие «близко», характеризуются связью образа «с такой ориентацией человека в пространстве, когда расстояние... соизмеряется с самим человеком, точнее, с частями его тела (*рука, локоть, плечо, бок; hand, elbow, shoulder, foot*), с частями лица (*лицо, глаз, ухо, нос; face, nose, cheek, ear*), т.е. с так называемыми соматизмами» [11]. Таким образом, здесь можно говорить «об антропометрическом принципе образования единиц указанного пространственного измерения» [11; С. 83]. Как полагает В.М. Мокиенко, соматичный характер образов объясняется отражением «древней славянской привычки соразмерять окружающее с частями тела» [9; С. 73]. Очевидно, что в полной мере это относится и к английским ФЕ.

Некоторые фразеологизмы содержат в своей основе образы из обиходной жизни, связанные с жилищем человека: *дверь в дверь, двор о двор, стена в стену, из окна в окно, next door to, at close quarters (quarters (pl.) — a house or rooms where you can live, esp. in the army)* [8]. Во фразеологических единицах английского языка очень близкое расстояние соизмеряется с тем, что

можно услышать, т.е. близко то, что находится в пределах слышимости: *within call, within cry of, within earshot, within hail, within hearing*. Близко также то, что находится не далее брошенного камня: *a stone's throw away (within a stone's throw of smth)*. Большое количество фразеологизмов русского языка относится к просторечно-разговорной фразеологии: *из-под самого носа, рукой подать, под рукой, под боком, не за семь вёрст, из окна в окно и т.д.*

Определенная система пространственных представлений и строя национальной речи обнаруживается и из других оппозиций. Так, в оппозиции **низ/верх** (по вертикали) отслеживаются такие ФЕ:

низ — провалиться сквозь землю (*от стыда*), *be very much ashamed (embarrassed), to hand one's face in shame*; как сквозь землю провалиться (*исчезнуть*), *to disappear, to vanish into (or in) thin air*; гнуть спину (*перед кем-то; работать на кого-то*), *to slave submissively (for someone), be punching the clock for smb, smth*; повесить нос (*уныние, огорчение*), *look down in the mouth, pull a long face*; опустить плечи, опустить руки (*отчаяться*), *be disheartened, to lose hope while facing a hopeless situation*; развесить уши (*слушать с увлечением*), *lap it all up; gape and flap one's ears; swallow it all*; душа уходит в пятки (*от страха*), *the heart was "in the neighborhood of the boots"*;

верх — вознести до небес (*хвалить, вознестись — зазнаться*), *to praise (extol) smb, smth to the skies (to high heaven)*; витать в облаках (*мечтать*), *to have one's head in the clouds*; поднять руку (*замахнуться*), *to raise (to lift) one's hand against smb, strike (beat) smb*; задрать нос (*зазнаться*), *to hold one's nose too high, be in the cat's pajamas*; поднять голову (*проявиться*), *hold up one's head, show one's head*; сидеть на шее (*быть на издвигении; грубо подчинять себе кого-либо*), *make oneself a burden to smb, become a dead-weight on smb*; взять верх (*иметь преимущество в ч.-л.; пересиливать*), *to get the upper hand of smb; to beat smb to the punch; to hold a winning hand*.

Интересны примеры горизонтально-плоскостного сопоставления различных объектов: где **правое, где левое** — в оба конца, *to make a round trip, to travel there and back*; направо и налево, *absolutely everyone, on every side*; **палка о двух концах**, *there are both pros and cons*; смотреть (глядеть, озираться) по сторонам, *to glance around, to be rubbernecking*; **зевать по сторонам**, *to gawk (to gape) at s.o. (at smth, all over the place)*; может выйти боком; бок о бок, *side by side, cheek by jowl*; локоть к локтю, *elbow to elbow, in close order*; развести руками, *to throw (to lift) up one's hands also in dismay (despair, sorrow)*; шутки в стороны, *all joking (kidding) aside, enough fooling*; на все четыре стороны, *wherever one wishes (wants, chooses, pleases), go wherever you damn well please*; две стороны одной медали, *be two sides of the same coin*; другая (**оборотная, обратная**) сторона медали, *the reverse of the medal*; **обойти стороной**, *avoid smb, smth, to give a wide berth to smb*; обойти за три версты, *to go miles out of one's way to avoid smb*; с **одной стороны**... с другой стороны, *on the one hand... on the other hand*; со своей стороны, *for one's part, as (so) far as one is concerned*; с какой стороны (боку) подойти, *how to approach s.o., what would be the best approach to take with s.o., in a secluded spot, far away from everything*.

Важно также обратить внимание и на **существенность движения или передвижения** (под чьим-либо усилием) предметов или человека: палец о палец не ударит, *to fold one's arms, don't lift a finger*; опустить руки, *be disheartened, to lose hope while facing a hopeless situation, be at a loss* — тайно влиять на ход событий (обозначается векторное движение относительно предмета, занимающего локальное положение); *шагать в ногу со временем, to keep in step with the times* (показывается однонаправленное движение); ползти как черепаха, *crawl along like a turtle, drag one's feet* — ходить очень медленно (долго).

Интересна оппозиция категорий **пустоты и полноты**:

пустота — пустая голова, *blockhead*,

cabbagehead; пустое место, *be useless, be a nonentity*; пустое дело, *a waste of time, it's pointless to do smb*; пустой звук, *empty (meaningless) words (phrases)*; с пустыми руками, *empty-handed, with nothing to show for one's efforts*; на пустом месте, *out of nowhere, in a vacuum, (start) with a clean slate*; на пустой желудок (на голодное брюхо), *on an empty stomach (belly)*; торчелива пустота, *torricellian vacuum, the most complete and absolute vacuum*;

полнота — хлопот полон рот, *to be up to one's neck (ears) in jobs, be saddled with problems*; переливать из пустого в порожнее, *to shoot the breeze, to beat the air*; хватить (перелить) через край, *go a bit too far, put it a bit too strong*; через край, *there is no end of, without limit, enough and to spare*; от полноты души (сердца, чувств), *out of the fullness of one's heart*; на полный (сытый) желудок, *on a full stomach (belly)*; полная чаша, *wealth, plenty of everything*; сыт по горло, *full up to here (to bursting), quite satisfied*; забивать голову, *addle (bother, busy) one's brain (brains, head), worry one's head off, clutter up the brain*.

Также имеют место оппозиция **глубоко/мелко**: бездонная бочка, *a black hole, the cask (work) of Danaides*; в глубине души (сердца), *at the bottom of one's heart*; как рак на мели, *in a tight spot, up the creek (without a paddle)*; **широкий/узкий, большой/маленький, вдоль/поперек, короткий/длинный** и т.д. Этот материал дает ясную картину эстетического своеобразия языков, говорит о его лингвокультурологической и этнолингвистической самобытности.

Очень часто мы сталкиваемся со стремлением формировать свою мысль вокруг соматической фразеологии, вокруг фразем, связанных с телом и органами человека, и это не случайно. Соматическая фразеология репрезентирует особую и самобытную природу мышления народа, полно и ясно вырисовывает экспрессивную природу лексики и фразеологии [1]. Примеры показывают, что такие фразеологизмы очень часто взаимосвязаны с выражением представлений носителей того или иного языка о пространстве и времени, о знании (уме),

со сниженной оценочной квалификацией предмета или объекта высказывания. В самом деле, пример *сидеть сложа руки* может обозначать и состояние **верха и низа**, и служить фактом квалификативной характеристики человека **праздного и ленивого**. Таковы, к слову, *задрать голову* (верх: оценка горделивости); *вешать нос* (низ: уныние, огорчение). *До мозга костей* – идея **углубления**.

Словом, пространство, которое проживает и переживает человек, получает свое отражение в языке, в частности, в его фразеологическом фонде. Фразеологическая

картина мира является благодатной почвой для изучения национальной языковой модели мировидения. Во фразеологии запечатлены особые формы категориального восприятия пространства, имеющего свои особенности в разных культурах. Фразеологизмы заключают в себе комплекс наивных представлений носителей языка о том или ином концепте национальной культуры, а анализ совокупности подобных фразеологизмов дает полную картину исследуемого концепта во фразеологии национальных языков.

Литература

1. Абрамова А.Г. К вопросу о сопоставительном изучении фразеологических единиц с компонентами-соматизмами. – Чебоксары, 2004. – С. 65.
 2. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М., 1996. – С. 763.
 3. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 29.
 4. Ермакова О.П. Пространственные метафоры в русском языке / Языковое пространство. – М., 2000. – С. 289-298.
 5. Ибрагимова В.Л. Семантика глаголов пространственной локализации в современном русском языке. – Уфа, 1992. – С. 172.
 6. Игнатъева М.Э. Отражение времени и пространства во фразеологии русского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2004. – 176 с.
 7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка. – М.: Известия АН, 1993. – № 1. – С. 144. (Серия литературы и языка).
 8. Longman Dictionary of Contemporary English: 3-d ed. – Bungey, Suffolk: Longman Dictionaries, 1995. – 367 p.
 9. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 464 с.
 10. Рахилина Е.В. Семантика русских позиционных предикатов // Вопросы языкознания, 1998. – № 6. – С. 69-80.
 11. Савчук Г.В. Отражение в русской фразеологии пространственной модели мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Орёл, 1995. – 169 с.
 12. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2001. – С. 41- 47.
 13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 47.
 14. Тихонова В.В. Локальные наречия как средство выражения пространственных отношений. – Вестник МГОУ, 2000.
 15. Тихонова В.В. О некоторых особенностях участия глагола в выражении пространственных отношений. – Вестник МГОУ, 2003.
-

Коротко об авторе

Briefly about the author

Титова М.П., доцент кафедры языкознания и культуры зарубежных стран, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
titovamarinal@inbox.ru

M. Titova, Assistant professor, linguistics and culture of the foreign countries department, Chita State University

Научные интересы: категория пространства, философия культуры, когнитивная лингвистика, лингвокультурология

Scientific interests: space category, philosophy of culture, cognitive linguistics, linguistics

Юридические науки

УДК 347.96

Дондоков Цырен Сономович
Tsyren Dondokov

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК»

CONTENTS OF THE LEGAL CATEGORY «PUBLIC ORDERS»

Рассматривается возникновение в правовой системе России правовой категории «общественный порядок». Раскрывается содержание данного понятия и прослеживается его эволюция. Приводятся точки зрения зарубежных и российских авторов в разный исторический период на содержание понятия «общественный порядок»

The article discusses the emergence in the Russian legal system such important legal category as «public order». Revealed the content of this notion, and traces its evolution. Given points of view of foreign and Russian authors in different historical periods on the concept of notion «public order»

Ключевые слова: порядок, общественный порядок, безопасность, общественная безопасность, стабильность

Key words: an order, a public order, safety, public safety, stability

Для любого современного государства вне зависимости от его формы: правления, территориального устройства и правового режима охрана и обеспечение общественного порядка является одной из наиважнейших задач правоохранительных органов и не теряет своей актуальности. Как правило, решение этой задачи еще больше актуализируется в условиях проведения в стране разного рода реформ, преобразований в период кризисных ситуаций, вызванных различными причинами: как внутренними, так и внешними.

Поэтому проблема исследования категории общественного порядка чрезвычайно актуальна как в теоретическом, так и практическом отношении и требует глубокого философского, исторического и правового осмысления.

По мнению Н.В. Рейнгарда, который занимался исследованием судебной полиции, термин «общественный порядок»

нашими законодателями заимствован из французских источников начала XIX в., когда во Франции была проведена четкая граница между судебной (криминальной) полицией и полицией административной, на которую возлагалась обязанность «охранять общественный порядок в каждой местности» [1; С. 5]. В российских нормативных актах понятие «общественный порядок» впервые закрепляется в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» 1832 г. [2]. Кроме этого, оно встречается в «Положении о мерах по охранению государственного порядка» 1881 г. и в Указе Правительствующему Сенату от 12 июля 1889 г. [3].

Согласно последнему Указу, в сельской местности устанавливалась должность земского начальника, что объяснялось отсутствием близкой народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы в себе попечительство над сельскими обыва-

телями с заботой по завершению крестьянского вопроса и с обязанностями по охране благочиния, общественного порядка [3].

К концу XIX в. понятие «общественный порядок» фактически полностью вытесняет другое, родственное ему понятие: «благочиние» – правомерное поведение граждан в общественных местах, «благоустройство» – рациональное устройство улиц, «благополучие» – нормальное продовольственное, медицинское и экологическое состояние населения [4; С. 89; 5].

В словаре современного русского языка понятие «порядок» трактуется как состояние благоустроенности, налаженности и организованности, противопоставляя его «беспорядку и хаосу» [6]. Если говорить об общественном порядке, то распространение получил взгляд, согласно которому различают:

1) общественный порядок как политико-правовую категорию, т.е. в широком смысле слова;

2) общественный порядок как милицейскую категорию, т.е. в узком смысле [4; С. 85].

По мнению многих исследователей, такое деление оправдано и существует давно.

Общественный порядок как политико-правовая категория означает социальную благоустроенность и организованность всего общества, охватывает все сферы общественных отношений, регулируемых юридическими и неюридическими нормами. Основу общественного порядка в широком смысле составляет правопорядок. Правопорядок является составной частью общественного порядка, который складывается в результате деятельности общества в различных сферах деятельности и регулируется социальными нормами [7; С. 345], т.е. порядок в семье, коллективе, обществе, в государственном управлении, в общественных местах, в сфере природы.

Подобный порядок характеризуется определенной устойчивостью в обществе. Конфликты, локальные военные конфликты, социальные потрясения предупреждаются или устраняются с помощью государственных и общественных механизмов. Без

общественного порядка невозможна жизнь людей. Стихийные бедствия, войны, эпидемии, революции нарушают общественный порядок как политико-правовое состояние общества.

Само государство как форма организации возникает из необходимости создать в обществе порядок, чтобы жизнь людей проходила в условиях безопасности и благосостояния. Исторический опыт показывает, что производство материальных и культурно-духовных благ требует определенного общественного порядка, который может, в основном, обеспечить государство.

В политико-правовом смысле общественный порядок, писал философ Платон в работе «Государство», возлагал на стражей порядка охрану от внутренних и внешних врагов [8; С. 160, 181, 262]. Подробное представление об общественном порядке имели представители русской юриспруденции А.Г. Градовский, Н.М. Коркунов и др.

Государство, – писал известный русский государствовед А.Д. Градовский, – есть организованная масса лиц и общественных союзов, живущих на определенной территории и подчиненных одной власти, облеченной правами законодательства, суда и управления для обеспечения юридического порядка и общих условий благосостояния [9; С. 1].

Государство не есть договорное изобретение людей, как думали мыслители в Европе в XVII-XVIII вв.; это – не машина для подавления одного класса другим, как односторонне полагали марксисты. Однако Ш.Л. Монтескье в своих работах наибольшее значение придал учению о разделении властей, различая при этом законодательную, исполнительную, судебную [10; С. 290-291]. Для предотвращения злоупотреблений властью, считал он, необходим такой порядок, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга.

Свою точку зрения по этому поводу высказал и В.И. Ленин в апреле 1917 г., где отметил, что необходимо установить порядок, вот такую власть будут не только слушать, но и уважать рабочие и крестьяне [11; С. 152].

Исходя из положений общей теории права и теории административного права и управления, под общественным порядком в широком смысле понимается весь строй, вся система общественных отношений, существующих в данном обществе.

Содержание общественного порядка в широком смысле включает всю систему общественных отношений, складывающихся вследствие соблюдения и реализации действующих в обществе во всех сферах жизни социальных норм, принципов, идей, заключающих общественно необходимое и наиболее важное для данного политического и экономического поведения людей, государственных организаций и общественных объединений. В таком значении общественный порядок является объектом охранительного воздействия всех социальных институтов государства [12; С. 7].

Параллельно с широкой трактовкой общественного порядка в законодательстве и юридической литературе его понятие употребляется и в более узком (милицейском) смысле, включающем не всю систему общественных отношений, а лишь определенные их совокупности, складывающиеся в различных областях социально-политической жизни.

Общественный порядок в узком смысле обеспечивает безопасность граждан, защиту их прав и свобод, охрану всех форм собственности, нормальные условия труда. Именно понимание общественного порядка в узком смысле применяется в общеразговорном языке, в государственном управлении и законодательстве [13; С. 274].

Понимание общественного порядка в узком смысле научно впервые обосновал французский ученый Деламар, занимавший при Людовике XIV должность градоначальника Парижа. В «трактате о полиции» он характеризовал милицейскую деятельность как важнейшую область деятельности государства, призванную охранять порядок в общественных местах и пресекать элементы «кулачного права», основанного на насилии, используя при этом набор таких понятий, как «благочиние», «благоустройство», «благосостояние», «благополучие» [14; С. 331].

Другие ученые XVII-XIX вв. (И. Юсти, Р. Моль) продолжили разработку категории общественного порядка и подчеркнули необходимость его регламентации юридическими нормами, составляющими милицейское право.

В 50-90-х гг. XX в. категория общественного порядка исследуется в работах таких ученых, как В.В. Борисова, И.И. Веремеенко, М.И. Еропкина, Ф.Е. Колонтаевского, А.В. Серегина, Л.Л. Попова [15; 16; 17; 18; 19]. Отмечая, что контуры этой категории становятся более четкими, обозначаются сущностные элементы, анализируются правоотношения, К.С. Бельский, вместе с тем, подчеркивает, что для «теоретических работ об общественном порядке, несмотря на имеющиеся в них ценные и глубокие положения, характерен узкий «милицейский» взгляд на проблему в целом» [14; С. 89].

Две основные концепции общественного порядка в узком смысле в 60-е гг. XIX в. были представлены М.И. Еропкиным и А.В. Серегиним.

М.И. Еропкин определял общественный порядок как «обусловленную интересами всего народа, регулируемую нормами права, морали, правилами общежития и обычаями систему волевых общественных отношений, складывающихся, главным образом, в общественных местах, а также общественных отношений, возникающих и развивающихся вне общественных мест, но по своему характеру обеспечивающих охрану жизни, здоровья, чести граждан, укрепления народного достоинства, общественное спокойствие, создание нормальных условий для деятельности предприятий, учреждений и организаций» [20; С. 7].

А.В. Серегин характеризует общественный порядок как «урегулированную нормами права и иными социальными нормами систему общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния общественного и личного спокойствия граждан, уважение их чести, человеческого достоинства и общественной нравственности» [16; С. 4].

Основным различием в этих двух взглядах в понятии общественного порядка является то, что М.И. Ерошкин, определяя круг отношений в данной сфере, в качестве основного критерия выделяет место их возникновения и развития (общественные места), а А.В. Серегин — содержание отношения. Следует также обратить внимание на тесную связь общественного порядка и общественной нравственности, подчеркнутую А.В. Серегиним.

К.С. Бельский отмечает, что в исследовании понятия общественного порядка в 60–80-х гг. XIX в. основное внимание уделялось порядку в общественных местах, его охране, «призванной пресекать элементы «кулачного права», защищать население от хулиганов, обеспечивать безопасность и т.д.» [16; С. 118]. На наш взгляд, данный подход, оправданный в условиях социалистического строя и монополии государственной собственности, нельзя признать удовлетворительным при переходе к рыночной экономике [21; С. 50].

Однако ряд авторов высказывают замечания по поводу рассуждений К.С. Бельского, связывающего такие категории, как «общественный порядок», «безопасность», «общественная безопасность», со специфическим общественным состоянием — публичным экономическим порядком. Верно отмечая, что этот порядок устанавливается при активной и разумной государственной протекции, поддержке надзорно-контрольных органов, и он невозможен без защиты бизнеса от рэкета, малого бизнеса от недобросовестной конкуренции, обеспечения личной и имущественной безопасности фер-

меров от «ленивых и завистливых соседей». К.С. Бельский оставляет открытым вопрос о том, как же называется такой порядок и как он соотносится с традиционным пониманием общественного порядка в узком смысле слова (т.е. порядок в общественных местах) и общественной безопасностью.

Из рассмотренных точек зрения общественного порядка в широком и узком смыслах, следует отметить, что, на наш взгляд, вне зависимости от того, какая концепция преобладает, соблюдение гражданами социальных норм придает общественному порядку состояние прочности и устойчивости. Поэтому правильная трактовка общественного порядка подводит к его пониманию как морально-правового состояния общества. При этом подобное состояние необходимо как отдельному гражданину, так и государству. Гражданин хочет быть твердо уверен, что существующие правовые отношения прочны и установлены на длительное время, что в условиях стабильности он может свободно пользоваться своими правами и строить планы на будущее. В свою очередь, государство также заинтересовано в прочном общественном порядке: только на его основе оно может эффективно осуществлять управление экономикой, административно-политической и социально-культурной деятельностью.

Исходя из этого, следует отметить, стабильность — существенный признак общественного порядка и стоит согласиться с учеными, рассматривающими общественный порядок как определенный итог правового регулирования [22: С. 38; 23: С. 48; 4: С. 95].

Литература

1. Рейград Н.В. Судебная полиция. — Казань, 1990.
2. Свод законов Российской Империи. — СПб., 1833. — Т. 14.
3. Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1891. — Т. 9. — № 6196.
4. Бельский К.С. Феноменология административного права. — Смоленск, 1995.
5. Мушкет И.М., Хохлов Е.В. Полицейское право России: проблемы теории. — СПб., 1998.
6. Словарь современного русского языка. — Т. 10. — М., 1960.
7. Юридическая энциклопедия. — М., 1997.
8. Платон: собрание сочинений в 4-х тт. Т. 3. — М., 1993.

9. Градовский А. Курс общего государственного права (лекция). – СПб., 1879-1880.
10. Монтескье Ш.Л. Избранные произведения. – М., 1955.
11. Ленин В.И. Полное собрание соч. – Т. 31.
12. Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка: Труды Академии МВД СССР. – М., 1985.
13. Ерошкин М.И., Ключниченко Л.П. Советское административное право. – М., 1979.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Т. 10. – СПб., 1893.
15. Ерошкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. – М., 1965.
16. Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления. – М., 1975.
17. Веремеенко КН. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. – Ч. 1-2. – М., 1981.
18. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. – Саратов, 1977.
19. Колонтаевский Ф.Е. Организационные основы охраны общественного порядка в современных условиях: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 1996.
20. Ерошкин М.И. Управление в области охраны общественного порядка. – М., 1951.
21. Аврутин Ю.Е., Кикоть В.Я., Сыдорук И.И. Правопорядок: организационно-правовое обеспечение в Российской Федерации. Теоретическое административно-правовое исследование: монография. – М., 2003.
22. Явич Л.С. Социалистический порядок. – М., 1972.
23. Баланик Б.Г. Общественный порядок как категория советского законодательства // Сов. гос. и прав. – 1982. – № 11.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Дондоков Ц.С., канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры административного права и таможенного дела, зам. директора юридического института по науке, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Служ. тел.: (3022) 35-24-05

Ts. Dondokov, Candidate of Law, assistant professor, professor of administrative law and customs affairs department, law institute director assistant on science, the Chita state university

Научные интересы: административное право, административно-правовая деятельность органов внутренних дел, история развития правоохранительных органов

Scientific interests: administrative law, administrative law activity of inner affairs body, history of juridical bodies' development

УДК 342.24

Полежаев Вячеслав Михайлович
Vyatcheslav Polezhayev

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

THEORETICAL AND APPLIED PROBLEMS OF FEDERALISM DEVELOPMENT IN THE SOVIET RUSSIA

Рассматриваются проблемы и особенности становления и развития федерализма в Советской России, начиная с октября 1917 г. до последних дней существования СССР (8 декабря 1991 г.). Автор отмечает, что в Советской России и далее в СССР построение федеративного государства базировались на идеях древнегреческих философов Платона и Аристотеля об объединенном государстве, на учениях русского философа А.Н. Радищева и на проектах федеративного устройства России, разработанных еще декабристами

Ключевые слова: конституционное пространство, национальная безопасность, региональная безопасность, федерализм

Problems and features of formation and federalism development in the Soviet Russia, since October, 1917 till last day's existence of the USSR (on December, 8th, 1991) are considered. The author notices that in the Soviet Russia and further in the Soviet Socialist Republic federative state construction Russia developed still by Decembrists was based on ideas of Ancient Greek philosophers Platon and Aristotle about the incorporated state, on doctrines of Russian philosopher A. Radishcheva and on projects of the federal device

Key words: constitutional space, national safety, regional safety, federalism

Обращаясь к истокам государства российского, можно усмотреть истоки протофедерализма в самых ранних периодах русской истории: русские летописи [1] указывают на то, что уже в середине IX в. существовали соглашения (ряды) по поводу распределения взаимных прав и обязанностей княжеского центра и северо-западными землями славян, являющиеся основой для функционирования политической структуры государства. Таким образом, ряды являются прототипом федеративного договора, сторонами которого выступали отдельные славянские города и князь.

Проблема федерализма в Российской Федерации является ключевой. Неудачи неолиберальных экономических реформ, усилившиеся сепаратистские тенденции и настроения в некоторых регионах стра-

ны выдвинули на передний план проблему оптимизации взаимодействия Центра и субъектов Федерации, по большому счету — проблему сохранения российской государственности. Приоритетный характер данной проблемы вытекает из многонационального и многоконфессионального характера России как государственного образования. Этнические различия частей государства стали благоприятной почвой для акцентирования региональной политической элитой проблем местного характера вплоть до игнорирования интересов того единого целого, которым, несомненно, является Россия [2].

Нерешенность фундаментальных теоретических и прикладных проблем развития российского федерализма отрицательно сказывается на политическом поведении

масс, лишая их необходимых ориентиров к устройству собственного государства, оценке деятельности его различных звеньев. Все это влияет на политическую стабильность в обществе, политическое осознание насущных задач различными государственными структурами, обеспечение власти необходимой поддержкой со стороны народа.

Глубже понять суть федерализма возможно, проследив основные этапы становления и развития самой идеи федерации.

Потребность в федеральной организации возникает, прежде всего, в гетерогенном обществе, т.е. обществе по природе своей неоднородном, распадающемся на отдельные части по различным основаниям. Если такое общество составляет единое целое либо стремится к этому (угроза захвата одной части другой, невозможность в отдельности преодолеть экономические трудности и т.п.), то встает вопрос о способе сохранения единства.

Поиски модели идеального государства начались с древнейших времен. Еще Аристотель, Платон и другие мыслители высказывали идею о построении объединенных государств.

Учение Платона (IV до н.э.) об идеальном, или совершенном государстве, где должны править особо подготовленные люди, делает упор преимущественно на исполнительную власть или власть владыки. И не удивительно, что в идеальном государстве Платона регламентация государственной жизни людей достигает апогея: по существу общество превращено в казарму, где за поведением населения ведется тотальный контроль, а правит государь.

Согласно Аристотелю, началом любого сообщества является человек, т.к. он нуждается в общении, в единении с себе подобными для воспроизводства и совершенствования. Потребность в общности приводит к необходимости объединения. Так складывается многоуровневая организация общественного порядка: семья, община, союз общин, полис (государство) как высшая и всеобъемлющая форма социальной связи. Но главная задача — не реализация власти, а достижение «благости», т.е. счастли-

вой и свободной жизни для объединенных в единое целое граждан. Аристотелю удалось показать в своем труде «Политика» потребности человека к единению: индивид и его семья, общины, поселения, союзы составляют первооснову любого государства. Отсюда идут истоки федерализма в политическом устройстве античных полисов, которые справедливо считают прообразом государственных союзов, начавших возникать в период позднего средневековья.

Социально-политическая мысль древнего мира сравнительно быстро прошла путь от мифа к теории. Ученые систематизировали и анализировали многообразие политических форм, изучали условия, благоприятствующие становлению различных политических систем, законодательных органов, закономерности их функционирования. Они верили в возможность рационально сконструировать идеальную форму правления и осуществить ее на практике. Однако предлагаемые концепции государственного строительства и законотворчества были только теоретически обозначены, поскольку реальная жизнь тогда не давала достаточного материала для завершенных научных обобщений.

Во второй половине XVIII в. в русской общественной мысли возникло радикально-республиканское направление, основоположником которого был А.Н. Радищев. В поисках совершенствования государственного строя он прошел эволюцию, в процессе которой отдавал предпочтение сначала концепции «просвещенного абсолютизма», затем конституционной монархии, наконец, демократической республике, ставшей его идеалом.

В начале XIX в. федералистские идеи нашли воплощение в дебатах, происходивших в Северном тайном обществе декабристов. Согласно проекту, предложенному Дмитриевым-Мамоновым, Россия должна была быть разделена на тринадцать федеральных единиц. При этом, наряду с чисто русскими субъектами предполагаемой федерации, имелось в виду вычленивать и ее этнически окрашенные структуры (Киевское, Казанское, Астраханское, Польское

царства, Курляндию, Лифляндию, Финляндию, Грузию). Детальный план федеративного устройства России был подробно разработан также декабристом Н. Муравьевым в представленных им двух проектах российской конституции федералистского типа.

За утверждение в России парламентского и конституционного строя выступали такие видные деятели либерализма и общественеды второй половины XIX в., как М.М. Ковалевский, Б.Н. Чичерин, С.А. Муромцев, Е.В. де Роберти, Б.А. Кистяковский и др. [3].

Идеи федерализма в различных интерпретациях, будь то Российская империя, где относительной автономией и самоуправлением были наделены Малороссия, Прибалтика, Бесарабия, Польша, Финляндия, или Советское государство с провозглашенным правом наций на самоопределение и выхода республик из состава СССР, оказывали существенное влияние на практику государственного строительства. Наибольший вклад в организацию территориального построения Российского государства связывают с правлением Екатерины II. Указами императрицы в 1775 г. были учреждены наместничества и губернии, разделенные на уезды и округа... Унитарный принцип территориального построения подчеркивался в законодательных актах того времени [4]. Екатерина полагала, что Россия «столь обширна, что кроме самодержавного государства, всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочие медлительны в исполнениях и многое множество страстей разных имеют, которые все к раздроблению власти силы влекут...» [5].

Почти 140 лет, до октября 1917 г., в организации государства превалировал территориальный принцип построения с элементами автономии. Национальный состав государства стал определяющим признаком реформы территориального устройства России, начатой II-м Всероссийским съездом Советов. Было провозглашено право наций на самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. По мнению партии, образова-

ние национально-культурных автономий, отличающихся особыми хозяйственно-бытовыми условиями, особым национальным составом, только укрепит единство России [6]. Однако идеи федерализма в этот период времени отвергались, в них усматривалось капиталистическое начало [7].

Резолюцией Всероссийского Учредительного собрания Россия впервые была провозглашена федеративным государством — Российской Демократической Федеративной Республикой [8], в подтверждении федеративного устройства были приняты ряд документов (Декларация прав трудящихся и эксплуатируемого народа, резолюция «О федеративных учреждениях Российской Республики», постановление ВЦИК «Об областных объединениях»), которыми объединялись территориальный и национальный принципы построения государства и решен, как представлялось большевикам, путем создания административно-национальных, национально-государственных и территориальных образований национальный вопрос. Дальнейшее развитие России строилось, в основном, на этих принципах.

Качественный скачок в развитии российского федерализма произошел в ноябре 1917 г. 2 (15) ноября 1917 г. СНК РСФСР утвердил «Декларацию прав народов России».

Таким образом, был осуществлен переход к новой форме государственного устройства — к федерации. 28 января 1918 г. федеральное устройство России было закреплено в Конституции РСФСР. Это был первый опыт советского федеративного строительства в виде Российской Советской Социалистической Республики.

Федерацией высшего уровня стало союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик (1922 г.).

В составе Советского Союза насчитывалось 15 союзных республик, 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов.

Эта громоздкая и сложная система практически управлялась строго централизованно на основе единой для всех Консти-

туции СССР и советского законодательства. Главным, связывающим в единое целое звеном была Коммунистическая партия, проводимая ею политика.

Главные негативные последствия абсолютизации этнонациональных форм государственного устройства или федерации национальных государств состоят, на взгляд специалистов, в следующем [9]:

1) существовавшие в РСФСР национальные автономии как формы политического самоопределения титульных этносов давали возможность рассматривать Российскую Федерацию не как изначально единое государство, а как договорное объединение суверенных государств. Этой возможностью воспользовались властвовавшие группировки в регионах. В основном речь в республиках шла не о сепаратизме, а о торге с центральной властью. Но разговор о суверенитете поставил под вопрос целостность правового, экономического и политического пространства России;

2) обострились противоречия между национальными республиками и «русскими» краями и областями в силу асимметричности и амбиций субъектов Федерации. Противостояние «регионов» и «государств» наряду с борьбой Президента и Верховного Совета препятствовало принятию новой Конституции и эффективному государственному строительству;

3) усиление этнократических тенденций в политической жизни республик и разделением граждан на представителей «коренных» и «некоренных» («титульных» и «нетитульных») национальностей привело к росту межэтнической напряженности.

На пороге 80-х гг. XX в. приобрела особую актуальность дилемма дальнейшего развития советской федерации: либо повышение самостоятельности союзных республик де-факто, либо признание Союза унитарным государством де-юре. Однако ни того, ни другого не произошло.

Ситуация в субъектах советской федерации со временем складывалась таким образом, что сосредоточение власти в Центре вошло в противоречие с необходимостью ее децентрализации и передачи больших

полномочий на места. Необходимость радикальных изменений в этом направлении, хотя и осознавалась определенной частью партийного руководства, вовремя не была осуществлена, что вызывало все более недовольство национальных элит, возглавляющих союзные республики.

Данная традиция сохранилась до наших дней – Федеративный договор 1992 г. заключен не между субъектами РФ, а между субъектами и Федерацией. Если обратиться к трудам И.В. Петрова «Государство и право Древней Руси» и Л.М. Савелова «Лекции по русской генеалогии» [10], то высказанное предположение о протофедерации подтверждается тем, что были закреплены вопросы исключительного ведения территорий, устанавливалась единообразная система органов управления при наличии единого органа власти, представляющего интересы всех территорий и обладающего полномочиями осуществлять выработку норм права, рассмотрения внешнеполитических вопросов и наиболее важных внутригосударственных дел. Решения этого политического института были обязательны для князя, но при наличии веских аргументов князь мог проигнорировать решения данного органа. По нашему мнению, дружинный совет содержал зачатки современного законодательного органа РФ, поэтому мы поддерживаем мнение А. Яценко, видевшего в удельной системе «федерацию самостоятельных государств, из которых в каждом был свой князь и свое вече» [11]. Русский историк Н.И. Костомаров писал: «Начала, соединяющие земли между собой, хотя и были достаточны для того, чтобы не допустить эти земли распасться и каждой начать жить совершенно независимо от других, но не настолько были сильны, чтобы заглушить всякое местное проявление и слить все части в одно целое. Вся история Руси удельного уклада есть постепенное развитие федеративного начала, но, вместе с тем, борьбы его с началом самодержавия» [12].

Дальнейший исторический период характеризуется раздробленностью и номинальным признанием центральной власти.

Последовавшее с Востока вторжение нанесло серьезный удар по русской государственности, и идея централизации, объединения земель стала национальной парадигмой на много веков вперед [13].

С принятием Декларации и Договора об образовании СССР 30 декабря 1922 г. начинался новый этап в развитии государственного устройства, который характеризовался изменением форм автономии и переходом многих народов к более высоким формам государственности [14]. К 1924 г. в РСФСР были созданы 11 автономных республик и 14 автономных областей, трудовые коммуны были преобразованы в автономные республики.

Конституция РСФСР 1925 г. объявляла в ст. 2, что Республика есть государство, строящееся на основе федерации национальных советских республик [15]. Основной Закон исходил из признания в ст. 13 права за отдельными национальностями на выделение, по решению их съездов Советов, с утверждения верховных органов Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, в автономные советские социалистические республики и области.

Впервые на конституционном уровне был описан общий порядок создания автономий — через порядок образования их высших органов государственной власти из местных органов. В остальном статус автономных республик и автономных областей существенно различался.

В Декларации о государственном суверенитете РСФСР также объявлялось необходимым существенно расширить права всех входящих в РСФСР образований. 10 апреля 1990 г. Верховный Совет СССР принял Закон «Об основах экономических отношений Союза ССР, союзных и автономных республик» [16], в котором все полномочия и гарантии по обеспечению экономической самостоятельности были закреплены за союзными и автономными республиками одинаково, между ними не проводилось практически никаких различий. Отдельные экономические права были предоставлены автономным областям и автономным окру-

гам. 26 апреля 1990 г. принят Закон СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации» [17], в котором прямо прописывалось, что автономные республики — государства, являющиеся субъектами федерации — Союза ССР. Это положение противоречило статье 71 Конституции СССР, из которой прямо следовало, что субъектами Союза являются только пятнадцать союзных республик. Другими словами, одни носители статуса субъектов СССР (АССР) «входили» в состав других (ССР).

В период 1990-1991 гг. абсолютное большинство автономных республик приняли декларации о собственном суверенитете, которые сыграли огромную деструктивную роль в новейшей политической истории России. СССР был обречен — он был ликвидирован 8 декабря 1991 г. Соглашением о создании Содружества Независимых Государств.

Подводя итог советскому периоду в развитии российского федерализма, следует отметить следующее:

— Советский Союз, как новая форма федерации, был основан на суверенитете своих субъектов и объединил как унитарные, так и федеративное (РСФСР) государства. Основными принципами построения советской федерации были провозглашены принцип добровольности объединения субъектов, их равноправность, демократический централизм. Но главным был национальный принцип построения федерации;

— в этнополитическом устройстве РСФСР были узаконены статусные претензии республик, автономных областей и национальных округов. В результате в России возникли субъекты Федерации, — причем и первые, и вторые считались равноправными и напрямую соотносились с федеральным центром.

Однако ни РСФСР, ни СССР, несмотря на свои названия, на всем протяжении своего существования не были федерациями в полном смысле слова. Они, скорее, обладали признаками унитарного государственного образования, имеющего в своем составе автономии.

Литература

1. Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Ипатьевская летопись. Радзивилловская летопись // Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – С. 8, 10, 13.
2. Жидких В.А. Федерализм в России: эволюция, проблемы, перспективы. – Москва: Экономика и право, 2005.
3. Романов Р.М. Российский парламентаризм. История и современность. – М., 2000. – С. 73.
4. Свод Основных Государственных Законов. Т. 1-3. – СПб., 1912. – С. 1. Свод законов Российской империи 1775-1780 гг. Печатано в типографии 2 отделения Собственного Его Императорского Величества Канцелярии. Т. 20. – СПб., 1830. – С. 231-232.
5. История российской государственности / Отв. ред. Т.П. Коржихина. – М., 1998.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 168.
7. Ленин В.И. Критические заметки по национальному вопросу / О государстве и праве: в 2-х т. Т. 1. – М., 1958. – С. 226.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. – С. 40, 106.
9. Афанасьев М. Проблемы российского федерализма и федеративная политика второго Президента. Промежуточные итоги // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. – 2002. – № 1. – С. 91-92.
10. Петров И.В. Государство и право Древней Руси. – СПб.: Изд. В.А. Михайлова, 2003, Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии. Серия: Справочники по русской истории. Вып. 3. – М.: Археографический центр, 1994.
11. Яценко А.С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. – Юрьев, 1912. – С. 748.
12. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале Древней Руси // Основа. 1861. – № 1.
13. Бессонова В.В. Конституционно-правовые основы объединения субъектов Российской Федерации на примере Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа: дис... канд. юрид. наук. – М., 2009. – С. 43.
14. Карапетян Л.М. Федерализм и права народов. – М., 1999. – С. 21.
15. СУ РСФСР. – 1925. – № 30. – Ст. 218.
16. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 16. – Ст. 270.
17. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 19. – Ст. 329.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Полежаев В.М., директор института ФСБ России,
г. Новосибирск
Служ. тел.: (383) 41-72-26

V. Polezhayev, director of FSB institute of Russia,
Novosibirsk

Научные интересы: конституционное право, развитие российского федерализма

Scientific interests: constitutional law, development of Russian federalism

УДК 351.82

Фирсов Олег Вячеславович
Oleg Firsov

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРОВЕРКИ ДОСТОВЕРНОСТИ СВЕДЕНИЙ О ДОХОДАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ СЛУЖАЩИМИ

LAW REGULATING OF RELIABILITY CHECKING ORDER OF INFORMATION ABOUT INCOMES, GIVEN BY FEDERAL STATE EMPLOYEES

Рассмотрено правовое регулирование порядка проверки достоверности сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представленных федеральными государственными служащими

The article considers law regulating of reliability checking order of information about incomes, property and duties of property character, given by federal state employees

Ключевые слова: *государственный служащий, достоверность, закон*

Key words: *state employee, reliability, law*

Обязанность государственных служащих представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера предусмотрена Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 287-ФЗ «О противодействии коррупции» [1].

Согласно ч. 1 ст. 8 ФЗ «О противодействии коррупции», граждан, претендующий на замещение должности государственной службы, включенной в перечень, установленный нормативными правовыми актами РФ, а также *служащий, замещающий* должность государственной службы, включенную в такой перечень, обязаны предъявить представителю нанимателя (работодателю) сведения *о своих* доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих *супруги (супруга) и несовершеннолетних детей*.

Порядок представления и проверки

достоверности сведений, представленных государственным служащим, определен рядом нормативных правовых актов [2-5].

В частности, согласно п. 7-11, 13, 16-21 *Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению* [6], кадровые службы федеральных государственных органов и кадровые службы территориальных органов федеральных государственных органов, кроме федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности, осуществляют проверку:

а) достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах

имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются руководителем соответствующего федерального государственного органа или уполномоченными им лицами, а также сведений, представляемых указанными гражданами в соответствии с нормативными правовыми актами РФ;

б) достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых государственными служащими, замещающими должности федеральной государственной службы, указанные в подпункте «а»;

в) соблюдения государственными служащими, замещающими должности федеральной государственной службы, указанные в подпункте «а», требований к служебному поведению.

Соответствующие подразделения федеральных органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление оперативно-разыскной деятельности, и подразделения их территориальных органов по основаниям, в порядке и в сроки, которые устанавливаются положениями об этих органах и их нормативными правовыми актами, осуществляют проверку:

а) достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы в указанных федеральных органах исполнительной власти и их территориальных органах, назначение на которые и освобождение от которых осуществляются руководителем соответствующего федерального органа исполнительной власти или уполномоченными им лицами, а также сведений, представляемых указанными гражданами в соответствии с нормативными правовыми актами РФ;

б) достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представ-

ляемых государственными служащими, замещающими должности федеральной государственной службы, указанные в подпункте «а»;

в) соблюдения государственными служащими, замещающими должности федеральной государственной службы, указанные в подпункте «а», требований к служебному поведению.

Основанием для проверки является письменно оформленная информация:

а) о предоставлении гражданином или государственным служащим недостоверных или неполных сведений;

б) о несоблюдении государственным служащим требований к служебному поведению.

Такая информация может быть предоставлена:

а) правоохранительными и налоговыми органами;

б) постоянно действующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных в соответствии с законом иных общероссийских общественных объединений, не являющихся политическими партиями;

в) Общественной палатой Российской Федерации.

Информация анонимного характера не может служить основанием для проверки.

Кадровые службы федеральных государственных органов осуществляют проверку *самостоятельно* и *путем направления запроса* в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности.

Основанием для проведения оперативно-разыскными органами оперативно-разыскных мероприятий по проверке сведений при получении запроса является норма, изложенная в п. 7 ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности»: «О достоверности представленных государственным или муниципальным служащим либо гражданином, претендующим на должность судьи, предусмотренных федеральными законами сведений при наличии

запроса, направляемого в порядке, определяемом Президентом Российской Федерации» (указанное основание проведения оперативно-разыскных мероприятий введено Федеральным законом от 25.12.2008 г. № 280-ФЗ).

В запросе о проведении оперативно-разыскных мероприятий указываются:

- фамилия, имя, отчество руководителя государственного органа, в который направляется запрос;
- нормативный правовой акт, на основании которого направляется запрос;
- фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место регистрации, жительства и (или) пребывания, должность и место работы (службы) гражданина или государственного служащего, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей;
- содержание и объем сведений, подлежащих проверке;
- срок представления запрашиваемых сведений;
- фамилия, инициалы и номер телефона государственного служащего, подготовившего запрос;
- сведения, послужившие основанием для проверки, государственные органы и организации, в которые направлялись (направлены) запросы, и вопросы, которые в них ставились, дается ссылка на п. 7, ч. 2, ст. 7 и ч. 9 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности».

Запросы о проведении оперативно-разыскных мероприятий исполняются федеральными органами исполнительной власти, уполномоченными на осуществление оперативно-разыскной деятельности, и их территориальными органами, в том числе путем взаимодействия в установленном порядке с правоохранительными органами и специальными службами иностранных государств.

Органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности, их территориальные органы, должностные лица этих органов обязаны исполнить запрос в срок, указанный в нем. При этом срок исполнения запроса не должен превышать 30 дней

со дня его поступления в соответствующий государственный орган или организацию. В исключительных случаях срок исполнения запроса может быть продлен до 60 дней с согласия должностного лица, направившего запрос.

На период проведения проверки государственный служащий может быть отстранен от замещаемой должности федеральной государственной службы с сохранением денежного содержания по замещаемой им должности (см.: п. 26 Положения о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению).

Закон запрещает по основанию, изложенному в п. 7 ч. 2 ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-разыскной деятельности», проводить оперативно-разыскные мероприятия: обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств; контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; снятие информации с технических каналов связи [7].

Результаты оперативно-разыскной деятельности могут быть использованы для принятия решений о достоверности представленных государственным или муниципальным служащим либо гражданином, претендующим на должность судьи, предусмотренных федеральными законами сведений [8].

Таким образом, законодательными и подзаконными нормативными актами установлен единый порядок проверки достоверности сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых федеральными государственными служащими. Причем в отдельных случаях допускается привлечение к такой проверке оперативно-разыскных органов для проведения ими оперативно-разыскных мероприятий в целях повышения ее результативности.

Литература

1. Российская газета. – 30 дек. 2008. – № 266 (4823).
2. Ст. 20, 22 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации».
3. Указ Президента РФ от 18 мая 2009 г. № 559 «О представлении гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера» (с изм. от 12.01.2010 г.).
4. Указ Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» (с изм. от 12.01.2010 г.).
5. Указ Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1066 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение государственных должностей Российской Федерации, и лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и соблюдения ограничений лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации» (с изм от 12.01.2010 г.) и др.
6. Утв. Указом Президента РФ от 21 сентября 2009 г. № 1065. – РГ. – 2009. – 22 сент.
7. Ч. 9 ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности».
8. Ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности».

Коротко об авторе

Briefly about the author

Фирсов О.В., канд. юрид. наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: 89243783821

O. Firsov, Candidate of Law sciences, assistant professor, head of criminal process and criminology department of Law Institute of the Chita State University

Научные интересы: криминалистика и судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

Scientific interests: criminalistics and judicial examination, operative-but-search activity

Педагогические науки

УДК 372.879.6

Абрамович Светлана Вячеславовна
Svetlana Abramovich

Васильева Полина Александровна
Polina Vasilieva

ОПТИМИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА ПО ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ В УСЛОВИЯХ ВУЗА

OPTIMIZATION OF EDUCATIONAL PROCESS FOR PHYSICAL EDUCATION IN HIGH SCHOOL

Представлено теоретическое и практическое обоснование проблемы оптимизации образовательного процесса по физической культуре в вузе. Выделены основные направления деятельности преподавателя, определены этапы и средства оптимизации процесса обучения

Ключевые слова: физическая культура, оптимизация образовательного процесса, мониторинг, технологии обучения, мотивы, физическое совершенствование личности

The article presents theoretical and practical foundation problems of educational process optimization in physical education in high school. The author points out the main (ba-sic) directions of a teacher's activity and defines the stages and means of optimizing the educational process

Key words: physical culture, optimization of educational process, monitoring, technology training, motives, physical improvement of personality

Интеграция в международное образовательное пространство, процессы демократизации и гуманизации общественной жизни в условиях продолжающихся экономических реформ потребовали от высшей школы активного поиска путей совершенствования сложившейся в России системы образования. В национальной доктрине образования РФ акцент сделан на вариантность образовательных программ, обеспечивающих индивидуализацию учебного процесса. Индивидуализация образовательного процесса должна идти за счет многообразных видов и форм учебных программ, учитывающих интересы и способности личности и индивидуальное здоровье.

В рекомендациях Болонской декларации предусматривается реформирование

российского высшего образования посредством оптимизации образовательно-воспитательного процесса, которая предполагает функционирование педагогического процесса с точки зрения заданных критериев на основе всестороннего учета принципов, современных форм и методов обучения, воспитания, а также личностных и коллективных особенностей конкретной группы.

Реорганизация вузовских программ и предмета «Физическая культура» в условиях гуманизации высшего образования определили, что важнейшим критерием повышения эффективности процесса физического воспитания должно стать постепенное перерастание его в процесс самообразования и самосовершенствования (А.Г. Барабанов, М.Я. Виленский, В.П. Чергинцев и др.).

Таким образом, глобализация и конвергенция российского образования требуют рассмотрения данной проблемы с позиции современных технологий повышения качества обученности в соответствии с новыми требованиями повышения подготовки будущего специалиста, заложенными в государственных образовательных стандартах высшего образования.

Исходя из названных тенденций, анализа психолого-педагогической литературы и проведенных исследований, оптимизация образовательного процесса по физической культуре в вузе будет эффективной, если осуществляется в следующих направлениях:

1) организация образовательного процесса, направленного на целостное развитие личности в сфере физической культуры, где обеспечивается субъектное взаимодействие участников образовательного процесса; актуализируется интеллектуальный потенциал и рефлексия студентов; учитываются интересы, потребности и мотивы студентов в сфере физической культуры (М.В. Гинзбург, К. Роджерс, Л.М. Митина и др.);

2) использование современных педагогических средств: информационные и здоровьесберегающие технологии (О.А. Ахвердова, Н.В. Белкина, И.А. Малашихина, В.Н. Муравьева, Г.М. Соловьев и др.), активные формы и методы обучения (О.А. Абдуллина, М.Я. Виленский и др.);

3) осуществление наблюдения на основе комплексного мониторинга (В.А. Кальней, А.И. Субетто, А.Н. Майоров и др.).

Рассмотрим организацию образовательного процесса в вузе в контексте данных направлений и реализации задач обучения физической культуре.

Согласно современным представлениям, образовательный процесс, с одной стороны, соотносится со своим социально значимым содержанием, с другой – обусловлен опытом студента как субъекта образовательного процесса и носителя собственной культуры. В последние годы все чаще говорят о физической культуре не только как о социальном феномене, но и как об устойчивом качестве личности. Поэтому образование в вузе ориентировано на фор-

мирование студента как субъекта собственной физической культуры, являющейся одной из граней общей культуры, во многом определяет поведение человека в учебе, на производстве, в быту, общении, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач.

Выявление структуры интеллектуальной деятельности обучающихся физической культуре обнаруживает взаимосвязь структурного и функционального компонентов. Структурные компоненты отражаются в совокупности знаний обучающегося, функциональной – совокупности умений и навыков применения знаний в практической деятельности. Знания, умения и навыки являются основными компонентами интеллектуальной деятельности, связанными с решением учебных и практических задач по физической культуре. Следовательно, знание определяет содержательную сторону этой деятельности, а умение и навыки – операциональную. Обе стороны тесно связаны и взаимообусловлены (Бальсевич, 1991; С. 37-41).

Таким образом, знания, умения и навыки являются основными компонентами интеллектуальной деятельности, связанными с решением учебных и практических задач по физической культуре.

В диагностическом плане важна мотивационная сторона этой деятельности. Управление мотивацией в учебном процессе способствует повышению эффективности учебной деятельности. Установлено, что знание мотивационной основы конкретного процесса учения равносильно знанию движущей силы этого процесса. Мотивированная учебная деятельность студентов непосредственно зависит от деятельности преподавателя, причем наличие мотивов связано как с общей ценностной ориентацией, так и с результатами педагогического процесса. В то же время, мотивы, порожденные педагогической деятельностью, конкретны и обладают оценочными постановками преподавания. В случае правильной, а значит, оптимальной постановки преподавания физической культуры, у студента появляется потребность получения

максимально высоких оценок в процессе учения, а также потребность в развитии физической культуры.

В развитии идей самоорганизации обучающихся физической культуре в педагогике существует подход, согласно которому обучающиеся – это не столько управляемая, сколько самоуправляемая система с потенциальной возможностью (способностью) к самоорганизации, которая, однако, не является наличной (действительной), её нужно специально обучать, управлять её становлением (Виленский, 1999; С. 3).

В этой же связи А.Б. Тменов отмечает, что самоуправляемые системы характеризуются отражением как внешних управляющих воздействий, так и собственных состояний, чем и должен руководствоваться преподаватель при организации управляющей деятельности. Мобильность управления в этой ситуации реализуется средствами педагогической диагностики.

Педагогическая диагностика является неотъемлемой частью образовательного процесса. Она исследует процесс учебной деятельности. В ходе исследований изучаются предпосылки, условия и результаты учебного процесса с целью его оптимизации или обоснования значения его результатов.

Как любая практико-ориентированная педагогическая технология, диагностика учебного процесса должна иметь следующие цели:

- 1) внутреннюю и внешнюю коррекцию;
- 2) определение пробелов в обучении;
- 3) подтверждение успешных результатов обучения;
- 4) планирование последующих этапов учебного процесса;
- 5) прогнозирование личностного развития в аспекте физической культуры.

В данном контексте, на наш взгляд, актуальна проблема использования технологии комплексного мониторинга.

Комплексный мониторинг мы рассматриваем как систему длительного, целенаправленного отслеживания процесса и результатов обучения физической культуре с целью его прогнозирования и создания сре-

ды, обеспечивающей его успешное протекание в педагогическом процессе вуза.

Сравнительный обзор систем мониторинга в образовании (Л.Н. Артемьева, С.Ф. Громова, Л. Ф. Иванова, В.С. Коженикова, Н.Г Капустина, Г.А. Лысогор, А.А. Макаров, А.Н. Майоров, А.А. Прокофьев и др.) позволил выделить общие подходы к проектированию и осуществлению мониторинга. Установлено, что для построения систем мониторинга могут быть использованы различные модели образовательных систем или их компонентов. Оценивать системы можно исходя из нескольких позиций: оценить/изучить процесс; оценить результат; определить соответствие результата той цели, которая ставилась; оценить соотношение начального и конечного состояния системы. В соответствии с этим выстраиваются модели: «цель – результат» (А.Н. Майоров, О.Е. Лебедев), «вход – выход» (Д. Уилмс), «измерение изменений».

Для формирования мониторинга необходимо мобильное управление образовательным процессом, которое может быстро определять стратегию и тактику деятельности преподавателя и физического развития студента на основе информационного критерия, где прогнозирование становится ведущей функцией. Прогнозирование осуществляется средствами мониторинга и самомониторинга (Абрамович, 2007; С. 48-53).

Сущность управления заключается в определении функций мониторинга, его алгоритма; создания структур его организации; в выявлении и создании педагогических условий, которые будут способствовать успешному развитию физической культуры студентов в условиях педагогического процесса вуза.

Для активизации процессов «самодвижения» личности студента в процессе овладения физической культурой с помощью мониторинговых исследований необходимо их психолого-педагогическое обеспечение, сущность которого заключается в фасилитации происходящих процессов педагогом, управленческими и организационными структурами.

Таким образом, оптимизация образовательного процесса по физической культуре определяется эффективностью образовательного процесса вуза, обеспечивается внутренней активностью личности, зависит от педагогического управления, заключающегося в создании педагогических условий для продуктивного физического развития.

Активность личности наиболее эффективно протекает в условиях полисубъектного диалогического педагогического процесса с характерными его признаками: стимулированием стремления студентов к саморазвитию; личностно значимой смысловой деятельностью. Процесс физической подготовки приобретает оптимальный характер, если студент занимает субъектную позицию, когда динамика процесса развертывается в русле постепенного нарастания собственной активности. Мониторинг, на наш взгляд, определяет успешность протекания данного процесса; исходя из результатов, осуществляется управление факторами, которые оказывают преобразующее воздействие на становление личности в сфере физической культуры.

Мониторинговые исследования, проведенные на первоначальном этапе, были направлены на изучение ценностно-мотивационной сферы студентов и уровня физической подготовленности; факторов, влияющих на мотивацию студентов и эффективную организацию образовательного процесса по физической культуре.

Студенты, принявшие участие в исследовании, по данным анкетирования, в зависимости от их отношения к физической культуре и уровня физкультурно-спортивной активности, условно могут быть разделены на четыре типологические группы по времени, затрачиваемому на занятия физической культурой:

1) студенты, не проявляющие физкультурно-спортивной активности, затраты времени у которых на занятия физической культурой не более 1 ч в неделю (16,4 % опрошенных);

2) студенты с низкой физкультурно-спортивной активностью, затраты времени

у которых менее 6 ч в неделю (61,6 % опрошенных);

3) студенты с оптимальной физкультурно-спортивной активностью, затраты времени у которых составляют 6...7 ч в неделю (13,3 % опрошенных);

4) студенты с относительно высокой физкультурно-спортивной активностью, занимающиеся в неделю 8 ч и более (8,7 % опрошенных).

Большое значение в формировании сознательного отношения к занятиям физической культурой и спортом имеет мотивация студентов. Анализ проведенного исследования показал, что наиболее значимым мотивом является укрепление здоровья – 33,4 %.

Определение учебной мотивации студентов к занятиям по физической культуре показали, что у большинства занимающихся преобладает внешняя мотивация к учебной деятельности – более 50 %.

Это говорит о том, что как такового интереса к занятиям физической культурой нет. Студенты, в большинстве своем, ходят на занятия только из-за оценки, получения зачета или чтобы сдать необходимые нормативы по физической подготовке.

На уровень физкультурно-спортивной активности студентов существенное влияние оказывают следующие факторы: социальные, физические и психические (Белкина, 2003; С.17-20). По анкетным данным, среди первых по значимости факторов социальные: «удовлетворение от занятий» – 20,1 %, «снижение общей утомляемости» – 12,1 %, физические: «укрепление здоровья» – 15,5 %, «физическое развитие» – 12,1 %, психические: «снижение психической нагрузки» – 13,2 %. Остальные являются зависимыми от них.

По мнению студентов, их потребности, интересы и мотивы включения в физкультурно-спортивную деятельность определяются состоянием материально-спортивной базы, направленностью содержания учебного и тренировочного процессов, наличием инвентаря, спортивной формы, доброжелательной атмосферы. Препятствуют формированию мотивации и активного положительного отношения к физкультурно-

спортивной деятельности такие внутренние факторы, как недостаток времени, отсутствие потребности в физкультурно-спортивной деятельности, вредные привычки (алкоголь, курение и т. п.), состояние здоровья и др.

При рассмотрении ответов на вопрос о достаточности двигательного режима для нормальной жизнедеятельности и сохранения здоровья установлено, что 59,2 % опрошенных студентов ответили удовлетворительно; 24,4 % затруднились ответить; 16,3 % готовы признать недостаточным собственный двигательный режим.

В отрицательной оценке собственного двигательного режима в структуре жизнедеятельности студентов и его влияния на сохранение здоровья в большей мере прослеживается динамика по курсам: 13,4 % первокурсников; 18,1 % второкурсников и 20,5 % третьекурсников считают недостаточным свой двигательный режим. Это свидетельствует о том, что студенты старших курсов более критичны в оценке содержательных аспектов собственной жизнедеятельности.

Оценку физической подготовленности студентов осуществляли по результатам выполнения обязательных тестов, рекомендованных программой дисциплины «физическая культура»:

- 1) «Бег на 100 м»;
- 2) «Бег на 3000 м» для мужчин и «Бег на 2000 м» для женщин;
- 3) «Подтягивание на перекладине» для мужчин и «Поднимание туловища из положения лежа на спине в положение сидя» для женщин;
- 4) по общей оценке выполнения перечисленных тестов.

Интегральная оценка показала: низкий уровень физической подготовленности имеют 76 % студентов, средний – 21 %; высокий – 3 %.

Опрос преподавателей физической культуры и анализ программ позволили соотнести теоретическую, методическую и практическую подготовку в контексте здоровьесбережения и возможности развития способности к самосовершенствованию.

Таким образом, проведенные исследования показали:

– у студентов слабо сформирована ценностно-мотивационная составляющая физической культуры, недостаточная для устойчивой потребности в активной самостоятельной физкультурно-спортивной деятельности;

– основные причины, препятствующие формированию физической культуры студентов в образовательном процессе вуза: преобладание в методике преподавания дисциплины «физическая культура» воздействия на двигательную деятельность человека в ущерб теоретическим и методико-практическим занятиям; недостаточное использование в учебном процессе новых информационных технологий обучения; слабая материально-техническая база кафедр физического воспитания.

Проведенный анализ позволил наметить следующие пути оптимизации образовательного процесса по физической культуре:

1) прохождение в полном объеме теоретического и методико-практического разделов программы по физической культуре, рекомендованной Минобразованием РФ, с использованием новых информационных технологий, активных методов и средств общения и взаимодействия со студентами (для теоретического раздела: лекция-визуализация, лекция с проблемным изложением, аргументированность информации и др.; для практического раздела: анализ конкретных ситуаций, игровой и соревновательный методы, моделирование, дискуссии и др.);

2) формирование системы мониторинга и самомониторинга физического развития личности студента;

3) составление комплексной индивидуальной программы. Приступая к составлению такой программы, студенту необходимо дать, по возможности, максимально полную и всестороннюю оценку собственного здоровья соответственно определению и его видов (соматического, психического, физического, социального).

Здоровье в этом контексте следует рассматривать как способность к самосохранению.

нию, саморазвитию и самосовершенствованию. А значит, как любая способность, она может быть развита. Затем с учётом собственных целей, интересов, уровне функционального состояния, здоровья и психофизической подготовленности необходимо выбрать оздоровительные технологии и методы, им соответствующие, режим двигательной активности, вид спорта или систему физических упражнений и обосновать их. Студенты должны показать умение оценивать своё здоровье, выбранный режим двигательной активности методами самоконтроля и продемонстрировать вла-

дение средствами индивидуального восстановления (педагогические, медико-биологические, психологические).

Таким образом, оптимизация образовательного процесса в целом направлена на становление и развитие собственной физической культуры студента, освоение ее ценностного потенциала, обеспечение студентов важнейшими аспектами знаний о жизнедеятельности человека, потенциале его здоровья и овладение практическими навыками и умениями по физическому совершенствованию личности.

Литература

1. Абрамович С.В. Мониторинг личностно-профессионального становления личности будущего учителя в педагогическом процессе педколледжа: монография. – Чита: Поиск, 2007. – 135 с.
2. Бальсевич В.К. Интеллектуальный вектор физической культуры человека (к проблеме развития физкультурного знания) // Теория и практика физической культуры. – 1991. – № 7. – С. 37-41.
3. Белкина Н.В. Физическая культура как составляющая здоровьесберегающего образования в вузе. Физическая культура и спорт в современном обществе: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. С.С. Добровольский. – Хабаровск: ДВГАФК, 2003. – С. 17-20.
4. Виленский М.Я. Студент как субъект физической культуры // Теория и практика физической культуры. – 1999. – № 10. – С. 2-5.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Абрамович С.В., канд. пед. наук, доцент кафедры прикладной информатики и математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: (3022) 28-17-69

S. Abramovich, candidate of Pedagogical Sciences, assistant professor of applied in-formatics and mathematics, Chita state university

Научные интересы: современные информационные технологии; мониторинг качества образования; личностно-профессиональное становление современного специалиста

Scientific interests: modern information technologies, monitoring the quality of education, personal and professional development of modern specialist

Васильева П.А., ст. преподаватель кафедры основ медицины и физического воспитания, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: (3022) 41-29-83

P. Vasilieva, senior teacher of medical bases and physical education department, Chita state university

Научные интересы: методика преподавания физической культуры в вузе, повышение качества обучения физической культуре

Scientific interests: methods of teaching physical education at university, improving the quality of teaching physical education

УДК 378.14:5

Старостина Светлана Ефимовна
Svetlana Starostina

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ

NATURAL SCIENCES EDUCATION AT UNIVERSITY: CONDITION, PROBLEMS, PROSPECTS

Статья посвящена анализу современного состояния естественнонаучного образования, которое призвано обеспечить инновационное развитие страны и формирование человеческого капитала, выявлению проблем в естественнонаучном образовании. На основании результатов педагогического эксперимента автор приходит к выводу, что совершенствование естественнонаучной подготовки студентов гуманитарных специальностей возможно, в первую очередь, при положительном изменении отношения к естественнонаучным дисциплинам всех участников образовательного процесса, наличии у них высокой мотивации к изучению данных дисциплин

Ключевые слова: современное естественнонаучное образование, высшее профессиональное образование, инновационное развитие, человеческий капитал, естественнонаучная картина мира, научное мировоззрение, мотивация, педагогический эксперимент, обновление естественнонаучного образования, пути обновления

The article deals with revealing of problems in natural sciences education and analysis of a contemporary state of natural sciences education that has an aim to provide with an innovational development of the country and formation of human resource. On the base of results of pedagogical experiment the author concludes that perfection of natural sciences education is possible, firstly, with a positive change of all educational process participants' attitude toward natural sciences disciplines and availability of motivation to study these disciplines

Key words: contemporary natural sciences education, higher professional education, innovational development, human resource, natural sciences world outlook, scientific worldview, motivation, pedagogical experiment, renovation of natural sciences education, ways of renovation

В начале XXI в. отчётливо просматривается взаимосвязь между качеством образования и развитием экономики страны, ростом благосостояния граждан, сохранением культурной идентичности нации. Образование становится необходимым и важным фактором экономического и технического развития общества.

Инновационное развитие страны, прорыв в сфере информационно-телекоммуникационных технологий и технологий наносистем, разумное природопользование, предупреждение экологических катастроф, развитие энергетики и энергосбережения, перспективных направлений военной и специальной техники требуют получения принципиально нового знания, которое дают

только фундаментальные естественные науки. Именно результаты фундаментальных исследований обеспечивают высокий темп развития производства, возникновение совершенно новых отраслей техники.

Вступив на путь техногенной цивилизации, мы уже не можем сойти с него. Все шире вовлекаются в производство считавшиеся прежде весьма далекими от практики достижения таких областей знаний, как лазерная и плазменная физика, квантовая механика, физика элементарных частиц, микробиология, геновая инженерия, каталитическая химия и т.д. Конкурентоспособность наиболее процветающих фирм в значительной мере обеспечивается фундаментальными разработками в иссле-

довательских лабораториях при фирмах, в университетах, в разнообразных научно-технических центрах.

Экономика, основанная на знаниях, предъявляет и более высокие требования к уровню квалификации и компетентности современного специалиста, и требует как подготовки сильных «узких» специалистов, так и наличие у большинства людей, широкого естественнонаучного взгляда на мир, творческого мышления и эрудиции, что возможно только в рамках массового естественнонаучного образования достаточно высокого уровня.

Вхождение человечества в постиндустриальную фазу развития общества (в общество знаний) актуализирует проблему эффективности обязательного естественнонаучного образования, в силу его реального влияния на качество жизни человека, и ставит обновление естественнонаучного образования в число приоритетных задач развития системы высшего образования. По словам ректора МГУ В.А. Садовничьего: «Ни один гражданин не может разумно участвовать в жизни общества не будучи знакомым с тем, как естественные науки влияют на его повседневную жизнь и как формируют его мир» [2].

Обновление сферы естественнонаучного образования должно стать необходимым фактором развития экономики и основой формирования человеческого капитала, обеспечив одновременно экономический и социальный эффекты. Результатом обновления естественнонаучного образования будет являться не только полученный интегрированный объем знаний, навыков и умений, но и личностные качества выпускников: креативность критичность мышления; способность трудиться в высокотехнологичных областях; наличие естественнонаучного взгляда на мир; ответственность в принятии решений; умение ориентироваться в сложном, противоречивом, но взаимосвязанном мире; готовность к обучению в течение всей жизни. По мнению многих ученых (О.Н. Голубевой, Н.Н. Моисеева, В.С. Степина, А.Д. Суханова и др. [3; 4; 8 и др.]) естественнонаучное образование

может стать личностно и социально значимым фактором благодаря его огромному мировоззренческому, методологическому, содержательному и познавательному потенциалам.

Анализ философской, науковедческой, психолого-педагогической литературы [1; 5; 6; 7], а также эмпирического опыта дает основание утверждать, что в современном естественнонаучном образовании, на уровне высшей школы, сложилась достаточно сложная ситуация — естественнонаучное образование на протяжении последних десятилетий практически не реализует свои образовательно-развивающие возможности. Такое положение обусловлено следующими проблемами:

— упал престиж естественнонаучного образования, а как следствие этого, отмечается снижение интереса к естественным наукам, отсутствие мотивации студентов гуманитарного направления к изучению естественнонаучных дисциплин;

— происходит утрата традиций российского естественнонаучного образования, что приводит к низкому качеству естественнонаучной подготовки выпускников средних учебных заведений;

— увеличивается разрыв между достижениями в развитии самих естественных наук и уровнем естественнонаучного образования, что ставит под угрозу развитие научно-технического потенциала страны, и может привести к утрате конкурентоспособности нашей науки и техники на мировом рынке;

— усиливается разрыв между естественнонаучным и гуманитарным образованием, что ведет к снижению фундаментальности образования, препятствует диалогу и дальнейшему сближению двух направлений общечеловеческой культуры.

Естественнонаучное образование в условиях, когда Россия взяла курс на инновационное развитие экономики, намечены пути вхождения её в единое европейское образовательное пространство, не может оставаться в стороне, в отрыве от реальных потребностей страны. Необходимо наметить направления обновления естествен-

нонаучного образования, разрешения выделенных проблем. Что в первую очередь, на наш взгляд, связано с повышением его престижа, поскольку реализация качественного естественнонаучного образования невозможна без достаточной мотивации учащихся различных ступеней образования и их ближайшего окружения. Мотивация, на наш взгляд, должна поддерживаться не только преподавателями естественных наук, но и преподавателями, реализующими гуманитарные дисциплины, а также информационной политикой со стороны общества.

Особого внимания в этой связи заслуживает высшее педагогическое естественнонаучное образование, готовящее преподавательские кадры для средней школы. От качества естественнонаучной подготовки студентов всех специальностей, наличия у них мотивации к получению знаний, сегодня во многом зависит успех реформ естественнонаучного образования. Педагогические вузы должны готовить выпускников, способных демонстрировать в ходе преподавательской деятельности не только профессионально-педагогические навыки, знание современных педагогических технологий, готовность к межличностному общению, но и широкий естественнонаучный кругозор, особый тип рационального мышления, характеризующийся критичностью, научной мировоззренческой позицией, свойственной естественнонаучному знанию.

В последнее время, на основе фундаментальных естественных наук, происходит становление современной естественнонаучной картины мира, которая дает человеку ясное представление о мире, в котором он живет, о его месте и роли в этом мире. Создавая базу для научных исследований, естественнонаучная картина мира устраняет тягу к тайне, веру в чудо, становясь неотъемлемой частью общечеловеческой культуры, укрепляя взаимосвязь между естественнонаучной и гуманитарной культурой в рамках современной цивилизации. Поэтому рассмотрение естественнонаучной картины мира должно являться неотъемлемым компонентом высшего педагогического об-

разования, как студентов естественнонаучных направлений, так и студентов гуманитарных специальностей.

Знакомство с современной естественнонаучной картиной мира студентов гуманитарных специальностей происходит в рамках естественнонаучной подготовки, осуществляемой в первую очередь в курсе «Концепции современного естествознания» (далее КСЕ), который имеет большое значение для профессионального становления будущих учителей. Государственным образовательным стандартом по дисциплине КСЕ констатируется, что основной целью данной дисциплины является формирование целостной картины мира, базирующейся на основных принципах и концепциях современного естествознания и являющейся фундаментом современного мировоззрения. Поэтому построение концептуального каркаса естественнонаучной картины мира, основанного на стержневых идеях современной физики, биологии, химии, является одной из основных задач данной дисциплины.

Основные проблемы, связанные с реализацией курса КСЕ, как отмечают многие исследователи [3; 6], связаны с отсутствием концептуального подхода к определению содержательной структуры курса и его учебно-методического обеспечения, несогласованностью с современными требованиями к содержанию образования и организации учебного процесса. Это привело к созданию огромного количества учебников, учебных пособий и программ, реализующих различные идеи и подходы. На этапе становления курса КСЕ, в первую очередь в педагогических вузах, диапазон подходов к определению его содержания был достаточно широк. От попытки сведения курса к углубленному изучению отдельных естественных наук, что привело к рассмотрению огромного количества фактического материала, изучение которого было ограничено временными рамками, до сведения содержания предмета к изучению исторических аспектов развития естествознания и рассмотрению современных научных открытий и концепций.

Сохраняется традиционное преподавание курса КСЕ, которое сводится к изложению определенной суммы знаний по отдельным естественным наукам и оценке остаточных знаний студентов, по этим конкретным элементам проводимой в форме Интернет-тестирования, что не может служить основой мотивации изучения курса КСЕ.

Для поднятия интереса к естественным наукам, повышения мотивации студентов гуманитарного направления к изучению естественнонаучных дисциплин помимо сведений о достижениях современного естествознания, даваемых в контексте противоречивого характера процесса получения новых знаний, содержание курса КСЕ должно включать вопросы общенаучного и общекультурного содержания. Необходимо знакомить студентов гуманитарных специальностей с вопросами о роли естествознания как основы инновационного развития общества, показывать социальную значимость современных естественнонаучных открытий, выяснять роль и место естественных наук в решении глобальных проблем человечества, выявлять пути взаимосвязи и взаимопроникновения различных направлений научного знания (гуманитарных, общественных и естественных наук), показывать вклад исследователей-естествоиспытателей в развитие и становление современных научных представлений, широтой их научных интересов, вниманием большинства ученых к проблемам культуры, экологии, сохранения цивилизации.

Другая сторона мотивации изучения КСЕ заключается в раскрытии сущности методов научного исследования, поскольку любому специалисту необходимо владеть хотя бы его основами, владеть не на уровне объяснения сущности метода, а на уровне применения. Человек, владеющий научным методом, как правило, является вполне востребованным специалистом и вне области своей специализации.

В настоящее время, когда возрастает роль естественнонаучного образования в развитии общества, необходимо осознать, что обновление содержания естественнона-

учного образования – это сложный процесс, требующий учета всех его структурных компонентов, знания основных тенденций развития естественнонаучного образования в различных странах мира, использование богатейшего опыта преподавания дисциплин естественнонаучного цикла в нашей стране. Это процесс, который невозможно реализовать без высокой мотивации участников процесса, основанной на устойчивом интересе к естествознанию. Научный подход к формированию содержания естественнонаучных дисциплин, соответствующий новым требованиям современного образования, – залог успешной реализации поставленных задач.

С целью подтверждения выдвинутых предположений, изучения состояния естественнонаучного образования в современном вузе, выявления отношения студентов к естественнонаучным дисциплинам, определения особенностей и специфики обучения студентов гуманитариев, определения перспектив организации обучения студентов в курсе «Концепции современного естествознания», нами в 2006-2010 гг. на базе читинских вузов проводился педагогический эксперимент. В ходе эксперимента осуществлялось анкетирование и тестирование студентов гуманитарных специальностей (до и после изучения курса), анкетирование преподавателей, осуществляющих подготовку по циклам специальных дисциплин.

Первый раздел опроса был посвящен определению роли естественнонаучной подготовки в высшем профессиональном образовании студентов гуманитарных специальностей, оценке уровня естественнонаучной подготовки выпускников средних учебных заведений, а также выяснению отношения к дисциплинам естественнонаучного цикла со стороны преподавателей выпускающих кафедр.

Современное положение естественнонаучного образования в высшей школе сегодня представляется сложным. Участники опроса ответили следующим образом (% от числа опрошенных):

– 52 % студентов гуманитарных специальностей считают, что профессиональ-

ное образование по их профилю не должно включать естественнонаучные дисциплины?;

– из 48 % студентов, которые дали положительный ответ на данный вопрос анкеты, 45 % вносят уточнение: эти знания должны быть минимальны, давать общие представления о явлениях природы, без углубления в существенные связи и отношения;

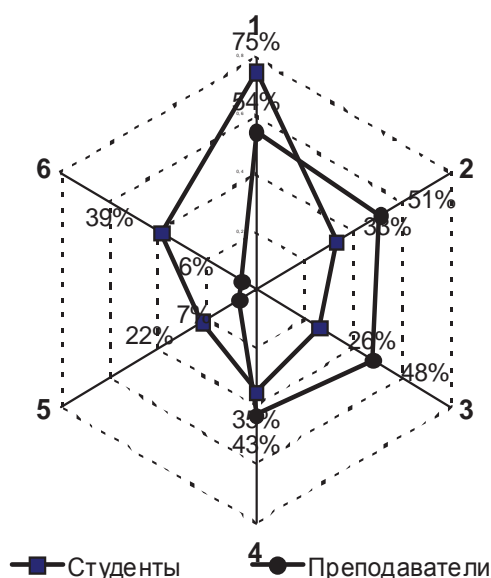
– большинство опрошенных преподавателей (88 %), осуществляющих подготовку по циклам общепрофессиональных и специальных дисциплин, высказались за необходимость включения естественнонаучных дисциплин в высшее профессиональное образование, причем большая часть мнений на этот счет носит безоговорочный характер: 69% экспертов не видят

оснований сомневаться в необходимости естественнонаучного образования;

– вместе с тем, потребность в естественнонаучных знаниях при преподавании общепрофессиональных и специальных дисциплин испытывает только 49 % опрошенных.

Конечно, указанными обстоятельствами сложность ситуации с естественнонаучным образованием не исчерпывается, однако результаты опроса подтверждают наше предположение об отрицательном отношении к естественнонаучным дисциплинам, и в частности к курсу КСЕ, не только студентов, но и отдельных преподавателей.

Экспертный рейтинг ответов на вопрос о роли и значении естественнонаучного образования для студентов гуманитарных направлений представлен на диаграмме.

- 1 – расширяют кругозор
- 2 – формируют научный стиль мышления
- 3 – формируют научное мировоззрение
- 4 – иллюстрируют единство естественнонаучной и гуманитарной культур
- 5 – мешают изучению специальных дисциплин
- 6 – не играют заметной роли в профессиональном образовании

Результаты ответа на вопрос анкеты о роли естественнонаучных дисциплин в профессиональной подготовке

В ответе на данный вопрос мнения студентов и преподавателей разделились. Большинство студентов – 61 % (22 % + 39 %), считает, что естественнонаучные дисциплины не играют заметной роли в профессиональной подготовке, либо их роль в профессиональной подготовке специалистов данного профиля не ясна, либо вообще данные дисциплины мешают изучению специальных и общепрофессиональных

дисциплин, с ними согласилось только 13 % преподавателей.

Влияние естественнонаучных дисциплин на становление научного мировоззрения, формирование научного стиля мышления, развитие целостного интегративного образа мира (единство естественнонаучной и гуманитарной культур) отметили 26, 33, 35 % опрошенных студентов и 48, 51, 43 % опрошенных преподавателей соответствен-

но. Большинство студентов (75 %) отмечают роль естественнонаучных дисциплин в расширении кругозора и эрудиции человека. Отмечая роль естественнонаучных дисциплин в комплексном рассмотрении профессиональных проблем (более 58 % преподавателей), вместе с тем отмечают потребность в естественнонаучных знаниях при преподавании специальных дисциплин испытывает только 49 % опрошенных преподавателей, что говорит о той или иной степени несоответствия.

В завершении данного раздела анкеты студенты гуманитарных специальностей ответили на вопросы, позволяющие констатировать уровень их естественнонаучной подготовки.

У 52 % опрошенных студентов после окончания школы не сформирован единый целостный взгляд на мир (результаты ответа на вопрос «Можно ли утверждать, что мир един?»), 20 % считает, что между наукой и искусством лежит «пропасть», а 37 % опрошенных студентов думает, что общего между естественнонаучным и гуманитарным знанием ничего нет. Ответы студентов на предложенную группу вопросов пестрят ошибками, донаучными представлениями. Причины этого мы усматриваем в живучести житейских представлений и в распространении антинаучных знаний (астрология, магия и т.п.).

Богатый материал для размышления дает анализ ответов на вопросы анкеты, касающихся понимания фундаментальных естественнонаучных понятий, которые являются категориями культуры, а также основных общенаучных принципов, первоначально введенных в физике. Большинство студентов (64 %) не смогли перечислить фундаментальные понятия естествознания, 75 % опрошенных на вопрос «Перечислите общенаучные принципы, первоначально введенные в физике» не дали ответа, 25 % оставшихся сводили ответ на этот вопрос к различным явлениям природы, законам сохранения, лишь два человека (из 300 опрошенных) назвали принцип дополнительности.

Результаты эксперимента дают осно-

вания утверждать, что в современном естественнонаучном образовании, на уровне высшей школы, сложилась критическая ситуация, которую необходимо, по мнению участников опроса, изменить.

Учитывая, что по окончании вуза выпускники гуманитарных специальностей не будут профессионально заниматься естественными науками, следовательно, естественнонаучное образование должно обеспечить получение и усвоение студентами некоторого минимума ЗУНов и компетенций, соответствующего базовым представлениям о мире, позволяющего сформировать целостную естественнонаучную картину мира, развить интерес к естественным наукам и естественнонаучным исследованиям, дать человеку возможность осмыслить свое поведение в современном мире, обеспечить готовность выпускников к жизни в высокотехнологичном обществе, овладеть научным методом познания окружающего мира, развить свои творческие способности.

Определению основных направлений организации обучения, возможностей использования современных технологий обучения, комплекса педагогических условий способствующих повышению эффективности естественнонаучного образования, был посвящен второй раздел опроса.

Согласно полученным данным, лишь небольшая часть участников опроса (около 6 % студентов) считает, что система естественнонаучной подготовки в высшей школе полностью соответствует потребностям личности и современного российского общества. При этом на главном направлении работы педагогических вузов — ожидания школы как основного потребителя педагогических кадров — оценка «полностью удовлетворяет» вообще отсутствует. Подобная тенденция зафиксирована в опросе преподавателей, реализующих общепрофессиональные и специальные дисциплины.

Как отмечают студенты, усвоению содержания естественнонаучных дисциплин мешает: недостаточная естественнонаучная подготовка в школе (79 %); слабые координационные связи между преподавателями,

реализующими конкретную образовательную программу (48 %); отсутствие опыта и умений установления межпредметных связей (42 %); отсутствие методических рекомендаций, раскрывающих содержательный и технологический аспекты изучения естественнонаучных дисциплин (35 %); малое количество часов, предусмотренное на изучение данных дисциплин (28 %).

В ходе ответа на вопрос: «Что, по Вашему мнению, может помочь более успешному овладению естественнонаучными дисциплинами?», были получены следующие результаты:

- наличие доступных для понимания учебников (47 %);
- нестандартные формы проведения занятий (32 %);
- увеличение количества творческих и проблемных заданий (25 %);
- использование компьютерных программ (22 %);
- усиление профессиональной направленности дисциплин (11 %).

Конечно, это не все факторы, способствующие успешному овладению естественнонаучными знаниями. Более полная информация была получена при анализе ответов студентов на вопрос: «Каковы основные пути обновления высшего естественнонаучного образования?». По их мнению, пути обновления естественнонаучного образования таковы:

- разработка и реализация программы, включающей вариативную составляющую (47 %);
- реализация модульного обучения (42 %);
- включение в содержание естественнонаучных дисциплин элементов профессиональных знаний и квазипрофессиональ-

ной деятельности (57 %);

– предоставление возможности студентам выбора учебных курсов естественнонаучного содержания (38 %);

– ориентация на опыт и запросы студентов при обучении естественнонаучным дисциплинам (29 %);

– учет индивидуальных и познавательных стилей учащихся (35 %);

– самоуправление своей учебной деятельностью (28 %);

– взаимообучение и участие в оценке своих достижений (19 %);

– использование интерактивных технологий обучения (43 %).

Результаты педагогического эксперимента подтверждают наличие проблем в естественнонаучном образовании. Анализ результатов, в первую очередь вопросов второй группы, связанных с организацией процесса обучения, выявляет важнейшие социально-профессиональные и педагогические условия успешного решения задач естественнонаучного образования и позволяет определить основные направления его совершенствования. Реализация данных направлений требует не только целенаправленного и планомерного обновления целей, содержания и технологий естественнонаучного образования (это лишь надводная часть айсберга, хотя и очень необходимая, которая существует в виде огромных объемов методической работы), но и изменения в мышлении основных участников образовательного процесса, в их отношении к естественнонаучным дисциплинам, понимании значимости естественнонаучного образования для обеспечения высоких темпов развития экономического роста страны и развития человеческого капитала.

Литература

1. Алиева Н.З. Философско-методологические основания естественнонаучного образования в контексте постнеклассической науки: автореферат дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08. – Ростов-н/Д., 2009. – 34 с.
2. Алферов Ж.И., Садовничий В.А. Роль образования и науки в укреплении государства и развитии экономики страны // Образование, которое мы можем потерять: сб. / под. общ. ред. В.А. Садовничего. – М., 2002. – 368 с.

3. Голубева О.Н., Суханов А.Д. Естественнонаучная концепция современного естествознания // Физика в системе современного образования (ФССО-99). – СПб., 1999. – Т. 1. – С. 14-15.

4. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.

5. Кондаков А.М. Образование как ресурс развития личности, общества и государства: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. – Москва, 2005. – 322 с.

6. Симонов В.М. Дидактические основы естественнонаучного образования: гуманитарная парадигма. – Волгоград: Перемена, 2000. – 293 с.

7. Скрипко З.А. Естественнонаучная подготовка учащихся социально-гуманитарной направленности в системе начального профессионального образования: дис. ... д-ра пед. наук. – Томск, 2008. – 417 с.

8. Степин В.С. Наука и лженаука // Науковедение. – 2000. – № 1. – С. 53-61.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Старостина С.Е., канд. пед. наук, доцент, докторант, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ)
sestarost@mail.ru

S. Starostina, candidate of pedagogical science, senior lecturer, senior lecturer, Ph.D. degree, Zabaikalsky State Humanitarian and Pedagogical University named after N.G. Chernyshevsky

Научные интересы: теория и методика профессионального обучения, естественнонаучное образование студентов гуманитарных специальностей

Scientific interests: theory and methods of professional learning, natural science education for students learning humanitarian classes

Политология

УДК 314.74 (571.54/55)

Козыкина Наталья Владимировна
Natalya Kozykina

**ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОЙ МИГРАЦИИ:
КОНЦЕПЦИЯ «МИГРАЦИОННЫХ СИСТЕМ»****THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
APPROACHES TO THE STUDY OF
INTERNATIONAL MIGRATION:
THE CONCEPT OF «MIGRATION SYSTEM»**

Рассматривается миграция населения, являющаяся отражением множества важных процессов, под влиянием которых в мире стремительно изменяется баланс сил. Показано системообразующее значение фактора миграции для мировой экономики и международных отношений

Population migration reflects a set of important world processes which promptly influence the change of balance of powers. The backbone value of the migration factor for world economy and the international relations is obvious

Ключевые слова: международная миграция, концепция миграционных систем, АТР, Забайкалье

Key words: International migration, the concept of migration system, Asian-Pacific Region, Transbaikalie

С самого начала эпохи массовой миграции ученые пытались найти обобщенное объяснение данного феномена в виде какой-либо общей теории миграции. Однако до сих пор нет единства по вопросу о природе, причинах и последствиях миграционных процессов. Причина банально проста — «миграция слишком многообразна, чтобы ее можно было объять единой теорией» [1; С. 44].

В течение долгого времени в развитии теоретических представлений о миграции безусловный приоритет принадлежал демографии, экономической науке и социальной географии. Существует множество теоретических подходов, по-разному характеризующих миграцию населения с точки зрения ее особенностей и результатов. На наш взгляд, разнообразие этих подходов

как нельзя лучше демонстрирует комплексный характер изучения миграции.

Одну из наиболее полных классификаций основных научных подходов к изучению миграции населения, по мнению многих экспертов, представил В.А. Ионцев [2]. Он выделил 17 основных подходов: экономический (15), демографический (3), миграционный (4), социологический (5), политический (2), системный (1), географический (1), экологический (1), исторический (2), этнографический (1), психологический (1), биологический (1), генетический (1), философский (1), юридический (1), типологический (2). Кроме дисциплинарных подходов в классификацию включены также методологический и миграционный (в качестве самостоятельного научного направления) подходы.

Несмотря на различие данных направлений, все они так или иначе рассматривают проблемы, связанные с миграционными процессами, обозначая специфику своего предметного поля. Одни изучают миграционные процессы на макроуровне, исследуя политические, правовые и экономические аспекты миграции. Другие – на микроуровне, т.е. исследуют процесс формирования решений индивидов, семейств и изменения, происходящие под их влиянием в рамках социологии, этнографии, истории. Третьи – на мезоуровне, т.е. анализируют социальные связи в рамках антропологии.

Несмотря на различные оценки каждого из этих подходов, между ними идет довольно интенсивный обмен идеями. Историки опираются на многие теории, сформулированные социологами. Демографы все больше обращают внимание на теории социологов, экономистов и политологов. Правоведение инкорпорируется во все социальные науки и историю. Политология заимствует идеи из экономики, социологии и юриспруденции. У антропологии много общего с историей и социологией. Экономисты также сотрудничают с демографами, социологами и историками [3].

Таким образом, оправдывается призыв С. Кастлеса к «изучению миграции как самостоятельной и полноправной общественной науки, ... теория и методология которой имеют подчеркнута междисциплинарный характер» [4; С. 30].

Изложить каждый из этих подходов в рамках данной статьи не представляется возможным, однако анализ классификации показал, что в современных научных исследованиях миграционного движения населения четко просматривается явный приоритет изучения международной миграции, что подчеркивает ее особую значимость в современном мире.

Автору более всего импонирует системный подход, поскольку с помощью него можно более полно понять миграционную картину мира. Данный подход не просто рассматривает международную миграцию как результат индивидуальных решений, но анализирует ее в контексте мировых по-

токов капиталов и товаров, действия глобальных политических, экономических и культурных факторов. Другими словами, системный подход предполагает объединение структурного и индивидуального подходов.

Объединяя различные концепции объяснения международной миграции, системный подход доказывает, что миграционные потоки между странами выезда и определенными странами въезда детерминированы различными факторами [5; С. 50], а именно:

- 1) неравенство между богатыми и бедными странами, ведущее к неравенству доходов и возможностей;
- 2) демографический дисбаланс, стремительно возрастающий в развитых и развивающихся странах;
- 3) экономический рост развивающихся стран;
- 4) связь между посылающими и принимающими странами, выражающаяся в устойчивости миграционных потоков;
- 5) развитие телекоммуникаций и СМИ;
- 6) семейные стратегии;
- 7) миграционные сети [6; С. 76];
- 8) участие посредников в наборе рабочей силы.

В рамках системного подхода в начале 90-х гг. XX в. получила развитие концепция «миграционных систем» (М. Критц, Х. Злотник, Ван де Каа и др.) [7]. Системообразующее значение фактора миграции для мировой экономики и международных отношений очевидно. Как свидетельствует концепция, направления международных миграционных потоков между странами-выезда и определенными странами-въезда не являются постоянными, но они значительно взаимосвязаны. Географическая близость в этом случае может играть значительную роль, но не является обязательным условием. Как следствие, миграция создает некое объединенное пространство (миграционную систему), заключающее в себе страны-выезда и въезда. Благодаря миграционным потокам, между территориальными общностями этих стран или регионов устанавливается и усиливается взаимо-

зависимость. Эта взаимозависимость носит асимметричный характер: страны-доноры нуждаются в «сбыте» излишков рабочей силы (скопление которой грозит усилением социальной напряженности) и поступлении денежных средств от заработков трудящихся-мигрантов, а странам-реципиентам необходимы дешевые рабочие руки, без которых стабильный экономический рост возможен не всегда. В свою очередь, страны-реципиенты нуждаются также в содействии страны-донора в регулировании некоторых аспектов данной миграции (введение ее в легальное и контролируемое русло, оказание желаемого влияния на этнические общины в государстве пребывания и т.п.). В целом развитие глобальной миграционной системы происходит в динамике, а ее частью могут быть совершенно определенные страны.

А. Симонс выделяет пять миграционных мировых систем:

- 1) Североамериканская система;
- 2) Европейская система;
- 3) система, объединяющая страны Персидского залива;
- 4) Азиатско-Тихоокеанская система;
- 5) Южноамериканская система [13;

С. 116].

По мнению И.В. Ивахнюк, в эту классификацию следует добавить Евразийскую систему, в которой чрезвычайно огромны масштабы международной миграции внутри постсоветского пространства, а также присутствуют многочисленные миграционные потоки, связывающие государства этого региона с другими странами [6; С. 51]. Если следовать концепции «миграционных систем», то огромное пространство бывшего Советского Союза можно рассматривать как новую самостоятельную международную миграционную систему, центром которой является Россия.

В глобализирующемся мире основные принимающие страны (обычно являющиеся центрами миграционных систем) не являются только принимающими странами; они одновременно являются и странами выезда мигрантов. То есть существуют механизмы обратной связи. Мэри Критц

замечает, что «странами происхождения значительного числа мигрантов в развитых странах являются другие развитые страны». Это подтверждается тем фактом, что «Великобритания, Соединенные Штаты, Нидерланды, Италия, Греция, Австралия, Новая Зеландия, Франция, Канада и Германия входят в число 30 стран, из которых выезжает наибольшее количество мигрантов» [15; С. 103]. В случае Евразийской миграционной системы, Россия, которая принимает наибольшее число мигрантов в регионе, также является источником миграционных потоков, направляющихся в другие страны мира. Являясь центром новой миграционной системы, Россия выступает как *посылающая* и в гораздо большей степени — как *принимающая* и *транзитная* страна. По данным Всемирного банка, в 2010 г. Россия заняла второе место в мировой иерархии принимающих стран после США с общим числом мигрантов 12,3 млн человек.

Азиатско-Тихоокеанская миграционная система отличается разнообразием миграционных связей между странами региона, а также активным участием в миграционных потоках, направленных в Европу и Северную Америку. Важную роль в миграциях в данном регионе играют географический, исторический, экономический, информационный (миграционные сети) факторы. Участие посредников в вербовке рабочей силы в большей степени играет ключевую роль в незаконных миграциях. В регионе существует несколько внутренних центров притяжения мигрантов: Япония, Малайзия, Тайвань, Сингапур, Южная Корея. Их привлекательность для мигрантов определяется их высоким экономическим развитием. Одновременно все они, кроме Японии, выступают экспортерами мигрантов. В основном перемещения мигрантов происходят в пределах АТР благодаря перераспределению рабочей силы. Так, местные высококвалифицированные работники стремятся работать в высокотехнологичных отраслях и, естественно, направляются в Японию, Сингапур, на Тайвань. Сектор неквалифицированного труда в сфере обслу-

живания, строительстве и т.д. остается для дешевой рабочей силы, скажем из Индонезии. Таким образом, происходит регулирование трудовой миграции. Крупнейшими импортерами временной трудовой миграции (самого распространенного вида миграции в регионе) являются Филиппины, Бангладеш и Индия. В целом, в странах-реципиентах особенно с высоким удельным весом мигрантов, таких как Малайзия (доля мигрантов в рабочей силе 16 %) и Сингапур (28 %) наблюдается тенденция зависимости от рабочих-мигрантов, особенно в секторах с высокой концентрацией мигрантов (строительство, сектор услуг и др.). В свою очередь, страны-доноры также зависят от стран-реципиентов, поскольку для первых эмиграция является элементом стратегии развития. В миграционной системе АТР отмечено усиление миграции высококвалифицированных кадров, что связано с высоким экономическим развитием Японии и новых развитых азиатских стран – Тайваня, Гонконга, Сингапура и южной Кореи. Динамика и маршруты миграций имеют вполне определенный характер.

Как отмечалось, в каждой мировой миграционной системе могут возникать свои региональные подсистемы. В Азиатско-Тихоокеанской миграционной системе зарубежные исследователи выделяют следующие подсистемы [16; С. 241].

Индокитайская подсистема имеет три центра притяжения. В Сингапуре проживают 1,8 млн иностранцев, выходцев из Индонезии и Филиппин. В Малайзии работают около 2 млн мигрантов, выходцев из 22 стран (Индонезия, Непал, Индия, Вьетнам, Бангладеш и др.). Они заняты в промышленности, строительстве и на плантациях. Третий центр притяжения – Таиланд, с примерно 2 млн иностранных рабочих. Основные страны-доноры в этой подсистеме – Индонезия и Филиппины.

В подсистеме Гонконг – Тайвань находятся два центра притяжения мигрантов. Гонконг притягивает главным образом выходцев из Филиппин для работы в качестве прислуги. На Тайване в нескольких отраслях трудятся в основном мигранты из Таи-

ланда, Индонезии, Филиппин и Вьетнама. Мелкие компании, использующие дешевую рабочую силу, переносят свое производство в КНР.

Подсистема Северо-Восточной Азии представлена такими странами притяжения как Япония и Южная Корея. Самая крупная группа мигрантов в Японии – корейцы, затем – китайцы, бразильцы и филиппинцы. Иммиграционная политика Японии по-прежнему не допускает в страну неквалифицированных рабочих. Для Южной Кореи характерны большие масштабы незаконной миграции, что явилось следствием системы стажировок, действовавшей до 2006 г.

Если следовать концепции «миграционных систем», то в рамках миграционной системы АТР, на наш взгляд, следует выделить еще одну подсистему Россия – Китай с центром притяжения в России, в частности, в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке. Возможность выделения данной самостоятельной подсистемы подтверждают, в частности, характерные для миграционной системы политические, экономические и культурные связи, существующие между Россией и Китаем на региональном уровне. Миграционные связи между Россией и Китаем имеют устойчивый характер с XIV в. В целом, миграционный поток состоит из различных категорий мигрантов: временных трудовых мигрантов, эпизодических мигрантов-«челноков», незаконных мигрантов, транзитных мигрантов, бизнес-мигрантов, студентов-мигрантов, туристов и др. Всех их объединяет то, что ими движут преимущественно экономические факторы. Вместе с тем, эта подсистема открыта, т.е. не фокусируется на связях только внутри своего региона, она имеет миграционные связи со странами, не входящими в эту систему, а также с другими миграционными системами, например, со странами СНГ. Являясь центром данной подсистемы, Россия выступает и как посылающая (правда в большей степени на Запад), и как принимающая, и как транзитная страна.

Взаимозависимость двух величайших держав в этой подсистеме прослеживается

в следующем. Для Китая геополитическое положение России определяет ее важную роль во внешнеэкономической стратегии Пекина «Идти вовне». Одна из целей этой стратегии — обеспечение прорыва Китая на мировые рынки, в том числе на международный рынок труда, и привлечение сырьевых и финансовых ресурсов других стран для целей экономического развития Китая. В реализации этой стратегии большое место отводится максимальному использованию растущей китайской миграции и деятельности китайских землячеств во всем мире.

Если говорить о России, то можно с уверенностью сказать, что она является важным сегментом Азиатско-Тихоокеанского региона, который становится одним из главных полюсов нового глобального миропорядка. Укрепляя свое экономическое присутствие в АТР, наша страна все активнее подключается к интеграционным процессам в регионе, развивая межрегиональное сотрудничество, в том числе и с Китаем. Отношения с ним крайне важны для России, особенно в контексте соци-

ально-экономического развития наших восточных регионов, которым объективно суждено играть ключевую роль в будущих российско-китайских отношениях. Уже сегодня для Дальнего Востока и Забайкалья торгово-экономические отношения с Китаем приобрели исключительно важное значение. Кроме того, следует учитывать уникальность Забайкальского края, который, в силу своего геополитического положения, может быть одновременно включен как в Азиатско-Тихоокеанскую, так и в Евразийскую миграционные системы. В условиях трансграничных все ключевые сферы жизнедеятельности края в той или иной мере детерминированы его возрастающей интеграцией в эти системы. Поэтому выявление факторов, определяющих направление, темпы, степень влияния китайского региона на Забайкальский край, представляется крайне актуальным, поскольку может способствовать выработке практических решений в обеспечении жизнедеятельности региона.

Литература

1. Аранго Х. Объяснение миграции: критический обзор // *Международный журнал социальных наук*. — 2001. — № 32. — С. 44-59.
2. Ионцев В.А. *Международная миграция населения: теория и история изучения*. — М.: МАКС-Пресс, 1999.
3. *Методология и методы изучения миграционных процессов: междисциплинарное учеб. пособие* / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля // Центр миграционных исследований. — М., 2007. — 370 с.
4. Castles S., Miller M. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. — New York: Guilford Press. — 1993.
5. Шарапов А. Согласование приоритетов миграционной политики // *Государственная служба*. — 2009. — № 1 (57). — С. 50-54.
6. Ивахнюк И.В. *Международная трудовая миграция: учеб. пособие*. — М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2005. — 286 с. — С. 76-88.
7. Kritz M., Lim L.L. and Zlotnik H., eds. *International Migration Systems: A Global Approach*. — Oxford: Clarendon Press, 1992.
8. Билсборроу Р.Е., Грэм Х., Обераи А.С. *Статистика международной миграции*. — М.: Академия, 2001.
9. Kritz M. *International Migration Policies: Conceptual Problems* // «International Migration Review». — Vol. 21. — № 4. — 1987. — P. 947-966.
10. Kritz M., Keely Ch., Tomasi S., eds. *Global Trends in Migration: Theory and Research in International Population Movements*. — New York: Center for Migration Studies, 1981.

11. Zlotnik H. International Migration 1965-96: an overview // Population and Development Review. – Vol. 24. – № 3. – 1998. – P. 429-468.

12. Zlotnik H. The Concept of International Migration as Reflected in Data Collection Systems // «International Migration Review». – Vol. 21. – № 4. – 1987. – P. 925

13. Simmons A., Piche V. (2002) Teaching Migration and Globalisation // “Genus”. – Vol. LVIII. – 2002. – P. 116.

14. Kritz M. International Migration to Multiple Destinations // “The World in the Mirror of International Migration”. Scientific series “International Migration: Russia and the Contemporary World”. – Vol. 10. – Moscow MAX Press: 2002. – P. 103, 109.

15. Migration Without Borders. UNESCO Publishing, Paris and Berghahn Books. – New York, Oxford, 2007.

Коротко об авторе _____ **Briefly about the author**

Козыкина Н.В., зав. кафедрой международного права и международных отношений, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
april-chita@mail.ru

N. Kozykina, Head of international law and international relations department, Chita State University

Научные интересы: политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития, политические аспекты миграции

Scientific interests: political problems of international relations, global and regional development

УДК 327 (510)

Котельников Алексей Анатольевич
Alexey Kotelnikov

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ КНР НА ПРИМЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

FEATURES OF FUNCTIONING OF ELECTRONIC MEDIA OF PRC ON THE EXAMPLE OF THEIR ACTIVITIES' REGULATION

Рассматриваются особенности функционирования электронных СМИ КНР на примере регулирования их деятельности, анализируется нормативно-правовая база СМИ, методы регулирования и требования, предъявляемые к содержанию и качеству публикуемой информации

Ключевые слова: средства массовой информации, Китай, Интернет, нормативно-правовая база СМИ, методы регулирования СМИ

The article discusses the features of electronic media functioning on the example of China's regulatory environment, analyzes the legal base of the media, management practices and the requirements to content and quality of published information

Key words: media, China, Internet, legal base of media, media management practices

Компьютеризация и глобализация являются основными направлениями развития современного общества. Стремительный прогресс в сфере новых цифровых и информационно-компьютерных технологий, массовое использование их достижений в общественной жизни, включая сферу коммуникации, привели к изменению традиционных средств массовой информации и способствовали возникновению нового, ранее не существовавшего канала распространения информации — сети Интернет. Интернет обладает рядом специфических технологических, коммуникационных и информационных особенностей, что вызвало появление принципиально новых СМИ, соединяющих в себе различные виды традиционных и электронных СМИ, предоставляющих пользователям интерактивно и индивидуально использовать каналы средств массовой информации и другие оригинальные услуги. Далее в статье будет использоваться термин «электронные СМИ».

Для деятельности средств массовой информации система регулирования деятельности СМИ имеет основополагающее значение, т.к. создает «правила игры» в данной области.

В соответствии с действующим российским законодательством, под средствами массовой информации понимаются газеты, журналы, теле- и радиопрограммы, кинодокументалистика, иные периодические формы публичного распространения массовой информации. Отсюда следует, что Интернет, обладая рядом характеристик, присущих СМИ, в целом не является средством массовой информации. В настоящее время не существует законодательного акта, обязывающего владельцев сетевых СМИ регистрировать их. Однако часть электронных СМИ проходят процедуру регистрации в добровольном порядке.

В Китайской Народной Республике Интернет относится к средствам массовой информации. Как и в ряде стран, в КНР на самом раннем этапе развития Интерне-

та и электронных СМИ создана нормативно-правовая база для регулирования их деятельности.

В отличие от Российской Федерации, в Китае нет закона прямого действия, регулирующего деятельность СМИ. В настоящее время в стране существует ряд законов и подзаконных актов, регулирующих деятельность каждого конкретного вида СМИ. Сложилась следующая иерархия нормативно-правовых актов: Конституция КНР, базовые законы, административные законоположения, местные законоположения, законоположения особых административных районов Сянган, Аомэнь и провинции Тайвань, отраслевые установления, международные договоры [1].

Средства массовой информации являются составной частью политической системы общества. В силу специфики политических условий в Китае средства массовой информации обладают особыми функциями – «газеты, радио, телевидение представляют собой рупор партии, правительства и народа страны» [2]. Поэтому контроль Коммунистической Партии играет важную роль в деятельности китайских СМИ.

В настоящее время в КНР существует несколько уровней регулирования деятельности электронных СМИ: правовое, административное и техническое. В данной статье вопросы технического регулирования электронных СМИ не рассматриваются.

Правовое регулирование китайских электронных СМИ направлено на защиту авторских прав в Интернете и непосредственное регламентирование деятельности данных СМИ.

Датой создания первого китайского электронного СМИ считается 12 января 1995 г., когда в сети Интернет была размещена электронная версия журнала «Китайские ученые за границей» (“China Scholars Abroad”). С начала 1996 г. электронные версии своих печатных изданий стали создавать крупные печатные СМИ и практически одновременно возникли проблемы с соблюдением авторских прав в Интернете. Чтобы противостоять нарушениям авторских прав, 15 апреля 1999 г. представители 23 китайских традиционных СМИ подписали

«Конвенцию китайских журналистских обществ об онлайн-СМИ». Участники Конвенции договорились, что все сайты, не принадлежащие организациям, ее подписавшим, при использовании информации СМИ-участников Конвенции должны сначала получить разрешение авторов и заплатить гонорары и лишь после этого получить право на распространение новостных материалов. Кроме того, в опубликованных материалах следует отмечать цитаты и давать на них соответствующие ссылки [3].

Действовавший в тот период «Закон Китайской Народной Республики об авторском праве» был принят до того, как Интернет получил широкое распространение. В тексте закона не было четко определено, что произведение в электронном виде также относится к предмету регулирования данного закона. Судебные решения по конкретным искам стали на первоначальном этапе опорой для правового регулирования в отношении соблюдения авторских прав в сети Интернет.

22 ноября 2000 г. Коллегия Верховного народного суда Китайской Народной Республики на заседании № 1144 приняла «Объяснения Верховного народного суда по некоторым вопросам законов, используемых при рассмотрении споров об авторских правах в компьютерных сетях». Статьей 2 данного «Объяснения» установлено, что «произведения, защищенные авторскими правами, включают цифровые формы разных произведений», а также что «распространение произведений посредством сетей принадлежит к одному из способов использования произведений» [1; С. 318.]

В последние годы в «Закон Китайской Народной Республики об авторском праве» были внесены поправки, а также обнародованы и стали действовать такие нормативные акты, как «Положение о защите программного обеспечения компьютеров», «Положение об осуществлении Закона об авторском праве», «Порядок применения административных наказаний за нарушение авторского права», «Положение об управлении коллективными владельцами авторского права» и др.

В Китае вопросам контроля за содер-

жанием контента в Сети уделялось большое внимание с началом развития в стране Интернет. 1 февраля 1996 г. Государственный совет опубликовал «Временный порядок управления международной объединенной сетью компьютерных информационных сетей в КНР. 20 мая 1997 г. в данный Временный порядок были внесены изменения в ст. 13, регламентирующую требования к контенту в Сети. В 2000 г. в связи с повышенным вниманием китайского государства к стремительному развитию электронных СМИ в стране появились первые законодательные акты, непосредственно регулирующие деятельность электронных СМИ, — «Порядок осуществления информационных услуг в Интернете», «Временный порядок публикации новостей на Интернет-сайтах» и «Порядок оказания услуг электронных объявлений в Интернете». Три указанных законодательных акта регулируют деятельность электронных СМИ в области регистрации, опубликования новостей и предоставления услуг электронных объявлений.

В ст. 15 «Порядок осуществления информационных услуг в Интернете» определена информация, которую поставщикам электронных услуг запрещено производить, копировать, публиковать и распространять:

1) высказывания против основных принципов, устанавливаемых Конституцией КНР;

2) нарушение государственной безопасности, разглашение государственной тайны, подрыв государственной власти, разрушение единства государства;

3) нанесение ущерба репутации и интересам государства;

4) разжигание религиозной вражды и национальной дискриминации, нарушение единства нации;

5) нарушение религиозной политики государства, пропаганда ереси и феодальных суеверий;

6) распространение слухов, нарушение социального порядка, расшатывание социальной стабильности;

7) пропаганда непристойности, пор-

нографии, азартных игр, насилия, убийств, угроз, подстрекательство других лиц к совершению преступлений;

8) оскорбление или клевета, нарушение интересов других лиц;

9) другая информация, запрещенная законодательными или административными актами [4].

Статьей 17 данного Порядка установлено, что когда поставщик информационного продукта «подает заявление о выходе на биржу или о сотрудничестве с иностранными предпринимателями, он должен сначала получить согласие управляющего органа информационной индустрии Государственного совета; причем доля иностранного капитала должна соответствовать правилам соответствующих законов и административных положений.

«Временный порядок публикации новостей на Интернет-сайтах» регулирует информационное содержание, предоставляемое Интернет-сайтами. Статья 2 Порядка дает определение понятия «публикация новостей»: это возможность «посредством Интернета опубликовывать и перепечатывать новости». Статьей 5 данного документа установлено, что только «Интернет-сайты, законно создаваемые новостными СМИ центрального уровня или органами исполнительной власти центрального уровня, новостными СМИ провинций, автономных районов имеют право публиковать новости после получения соответствующего разрешения. Остальным новостным СМИ запрещено создавать собственные новостные сайты». Они имеют право создавать только свою страницу на тех новостных сайтах, которые уже получили разрешение на создание собственных сайтов.

В отношении сайтов, не созданных новостными СМИ, но публикующих новости, Порядок устанавливает требования, предъявляемые к их учредителям (ст. 9) и источникам информации: Комплексные СМИ, публикующие новости, учрежденные не новостными СМИ, в соответствии с законодательством после получения разрешения могут заниматься опубликованием новостей (ст. 7). Разрешение касается только ново-

стей, купленных комплексными сайтами у новостных СМИ, причем сами новостные СМИ, в свою очередь, должны соответствовать определенным требованиям.

Статья 14 определяет условия работы с зарубежными источниками информации: «Новости, публикуемые со ссылками и на новостные Интернет-сайты, расположенные за рубежом, а также зарегистрированные за рубежом новостные СМИ и сайты, должны быть одобрены Пресс-канцелярией Государственного совета КНР» [5].

Таким образом, практически единственным источником новостей китайских электронных СМИ являются новостные СМИ, главным образом, традиционные, получившие разрешение на создание своих сайтов. Китайские неновостные СМИ не имеют права брать интервью или делать репортажи. У таких СМИ есть право только редактировать приобретенные материалы, не нанося ущерба оригинальному содержанию.

«Порядок оказания услуг электронных объявлений в Интернете» предписывает хозяйствующим субъектам, оказывающим информационные услуги посредством Интернета, в случае предоставления услуг по размещению электронных объявлений, при регистрации лицензии подать специальное заявление. Порядком регламентируются условия и ограничения в части содержания электронных объявлений. Статья 10 Порядка устанавливает, что «хозяйствующие субъекты, оказывающие услуги по размещению электронных объявлений, должны в установленном месте опубликовать номер лицензии или регистрационный номер, правила предоставления услуг по размещению электронных объявлений и информацию о юридической ответственности пользователей.

Статьей 14 Порядка хозяйствующим субъектам, оказывающим услуги по размещению электронных документов, предписывается хранить в течение 60 дней содержание электронного объявления, время опубликования, интернет-адрес или доменное имя. Данная информация должна предоставляться соответствующим государственным органам по их запросу [6].

В последующем юридическая база регулирования деятельности китайских электронных СМИ дополнилась рядом нормативно-правовых актов, развивающих и конкретизирующих положения, рассмотренные в названных документах.

Кроме правового регулирования, в Китае существует административный контроль за деятельностью электронных СМИ. До принятия соответствующих законодательных актов административные документы были практически единственным средством регулирования процесса функционирования электронных СМИ.

В октябре 1999 г. Государственное управление по делам радиовещания, кинематографии и телевидения КНР обратило внимание на факты несанкционированного распространения китайскими коммерческими интернет-сайтами информации, полученной из зарубежных СМИ и СМИ Особого административного района Сянган. В качестве меры реагирования было разработано и опубликовано «Извещение об укреплении управления программами радиовещания, кино и телевидения, передающими общественности посредством информационных сетей», в котором указывалось, что на территории КНР для распространения программ кино и телевидения различными информационными сетями (включая Интернет) необходимо сделать заявление Государственному управлению по делам радиовещания, кинематографии и телевидения КНР. На территории КНР информационным сетям запрещалось использовать названия «сетевая радиостанция», «сетевой центр», «сетевое телевидение» и т.д. Названные мероприятия заложили основу для разработки последующих законов [7].

С мая 1997 г. Пресс-канцелярия Государственного совета КНР стала отвечать за деятельность электронных СМИ. В апреле 2000 г. в структуре Пресс-канцелярии появилось т.н. Пятое управление, которое в китайских СМИ также именуется как «Сетевое управление», ответственное за координацию работы электронных СМИ, за планирование и строительство новостных интернет-сайтов, за работу по организации сотрудни-

чества международных новостных обменов в сети Интернет.

Кроме законодательных и административных методов регулирования деятельности электронных СМИ, в КНР существуют специальные документы, касающиеся вопросов размещения информации в Интернете, издаваемые Коммунистической партией Китая, а также установочные статьи, публикуемые, как правило, на страницах газеты «Жэньминь Жибао». Кроме того, выступления руководителей КНР по данной проблематике также играют важную роль в регулировании деятельности электронных СМИ.

Таким образом, к особенностям функционирования электронных СМИ в КНР в части регулирования их деятельности относятся:

- 1) постоянно обновляющаяся нормативно-правовая база;
- 2) решающая роль государственного и партийного контроля за деятельностью СМИ;
- 3) единые методы регулирования деятельности средств массовой информации как в отношении традиционных СМИ, так и в отношении электронных СМИ, связанные с регламентацией требований к содержанию и качеству информации.

Литература

1. Ван Цзюнь. Синьвэнь гунцзочжэ юй фалюй / пер. с кит. Ван Цзюнь. Журналисты и законы. — Пекин: Чжунян гуанбо дяньши чубаньшэ, 2001. — С. 31.
2. Тун Бин. Лилунь синьвэнь чуаньбосюэ даолунь / пер. с кит. Тун Бин. Введение в теорию коммуникативистики в сфере журналистики. — Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2000. — С. 185.
3. Ванлю чуаньбо гайлунь / пер. с кит. под ред. Ли Юэцзе. Введение в сетевую журналистскую коммуникацию. — Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ, 2001. — С. 300-301.
4. Режим доступа: <http://www.cnnic.net.cn/html/Dir/2000/09/25/0652.htm>. Загл. с экрана. (11.10.2010).
5. Режим доступа: <http://www.cnnic.net.cn/html/Dir/2000/11/07/0654.htm>. Загл. с экрана. (11.10.2010).
6. Режим доступа: <http://www.cnnic.net.cn/html/Dir/2000/10/08/0653.htm>. Загл. с экрана. (11.10.2010).
7. Цзя Лежун. Интернет и китайские онлайн-СМИ. — М., 2004. — С. 98.

Коротко об авторе

Котельников А.А., соискатель, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Дом. тел.: (3022) 44-63-83

Briefly about the author

A. Kotelnikov, post-graduate student of Chita State University

Научные интересы: средства массовой информации КНР, формирование общественного мнения, приграничное сотрудничество Забайкальского края, «гибкая власть КНР»

Scientific interests: China's media, the formation of public opinion, cross-border cooperation of Zabaikalsky Krai, «soft power» of China

УДК 342.81

Шемелин Аркадий Валерьевич
Arkady Shemelin

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РФ

PROSPECTS OF ELECTORAL RIGHT DEVELOPMENT IN RUSSIAN FEDERATION

Рассматриваются проблемы, связанные с перспективами развития политико-правового поля и избирательной системы России

The author considers variety of problems, in accordance with the prospects of further development of politician-legal field and electoral system in Russian Federation

Ключевые слова: выборы, избирательная система, ценности, избирательное право, политика

Key words: election, electoral system, value, electoral right, the policy

Тенденции развития в современной России избирательного права позволяют выделить проблемы, связанные со становлением избирательного права и процесса, и определить необходимые пути его совершенствования. Рассмотрение аксиологии избирательного права в реформируемой России связано с пониманием воспроизводства социальных ценностей, правовых убеждений и норм в целях обеспечения реализации прав граждан в современном политическом процессе.

Исследование переходного периода становления новых институтов власти, как кризисного периода развития политической системы, основано на оценке этических и политико-правовых ценностей. Ценностный аспект, влияющий на содержание политического сознания, выступает в качестве объективного актуализируемого принципа по утверждению идеального морального строя, основанного на интегральном сочетании социокультурных норм и ценностей, морали и права. Гегель утверждает: «В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука в отличие от позитивной юриспруденции, которая часто имеет дело лишь с противоре-

чиями. ... Поэтому теперь возникает особая потребность познать и постигнуть мысли, лежащие в основе права» [1].

Примат демократических ценностей повлек развитие гражданских свобод, которые выступали в условиях становления либерально-демократических ценностей мотивационным фактором для оценки изменений, происходящих в сфере политики, социума и экономики. Принцип максимизации эффективности демократических начал требовал развития гражданственности или прямого участия. «Прямая демократия требует не просто участия, а гражданской подготовки и гражданской добродетели для эффективного участия в обсуждении и принятии решений. Демократия участия, таким образом, понимается как прямое правление образованных граждан. Граждане — это не просто частные индивиды, действующие в частной сфере, а хорошо информированные общественные граждане, отдалившиеся от своих исключительно частных интересов настолько, насколько общественная сфера отдалена от частной. Демократия — это не столько правление народа или правление масс, сколько правление образованных граждан» [2]. В рассматриваемый период оценка готовности

избирателей к осмысленным действиям не производилась.

Избирательное право, основанное на международных стандартах и демократических ценностях содержало нормы, где выборы приобретали качество блага, обеспеченного правом, удовлетворяя широкий спектр интересов (от индивидуальных до групповых, общесоциальных и государственных), т.к. «организация публично-правового строя гораздо новее, и в основанном на нем поведении людей легче видеть как бы некоторый моральный придаток к природной мощи индивида» [3].

Ценность выборов как средства достижения известных целей объединялось с обновленным законодательством. Само право, как регулятор общественных отношений, становилось ценностным механизмом в цивилизационном развитии общества и государства. Избирательное право, предоставляя правовые гарантии на участие в управлении делами государства посредством выборов, принципиально меняло политическое сознание избирателя. Поскольку политические преобразования требуют поддержки и одобрения со стороны граждан, важны ценностные ориентиры политической элиты, лидеров государства. «Политика, лишённая ценностей и перспектив, неизбежно ведет к размыванию основ стабильности государства и общества, искажает социальные ориентации индивидов, лишает их уверенности в социальном и личном существовании» [4]. Политики, добивающиеся признания со стороны избирателей, включают себя в контуры государственного устройства. Ценностные ориентиры при их реализации облегчают процесс легитимации политических деятелей и обеспечивают массовую поддержку политических преобразований, которые проводятся в государстве. Становление новых нормативно-ценностных систем является важным аспектом формирования нового социально-экономического и политико-правового порядка в России.

Формирование норм избирательного права под влиянием политической элиты превращало правовые акты в неустойчивую

сферу взаимодействия. Главной особенностью российского демократического транзита являлось отсутствие долгосрочного, интенсивного и устойчивого взаимодействия между элитой, различными ее группировками и основной массой населения, а также единой ценностной системы, принимаемой как элитой, так и массовыми слоями общества [5]. Политическая элита как актор в избирательном праве была заинтересована в издании необходимых для нее актов, исходя из собственных предпочтений. Российские политики не были способны «нести ответственность за свои действия и их последствия, исправлять причиненный ущерб, если его действия инкриминируются ему с позиций гражданского права, и нести наказание, если он заслуживает этого согласно уголовному праву» [6].

Проектирование электорального сознания и поведения с помощью избирательных технологий, низкий уровень гарантированности прав избирателей, «утилитарный подход к голосованию», неустойчивость политико-мировоззренческих ценностей избирателей, авторитета политиков искажали реальную картину доверия власти и состояния политической системы РФ.

Таким образом, 1990-е гг. стали периодом разрозненных и достаточно противоречивых представлений о феномене политического сознания российского избирателя, отсутствовали попытки осуществить адекватный политический анализ происходящего. В постучредительный период избирательное право будет дополняться новыми правовыми установлениями, нацеленными на предотвращение нарушений, но в целом, это не изменит ситуацию.

Процесс формирования политического сознания избирателей в РФ был сложным не только в силу резкой смены политической ситуации, состояния социально-экономической сферы, но и потому, что политическое сознание «представляет собой освоение и организацию политической жизни. Оно отражает степень восприятия актором мира политики и особенности отношения к нему. Главным в понимании природы политического сознания является то, что оно, как и

политика в целом, включает в себя в качестве объекта своей рефлексии и «деятельности» все сферы общественной жизни» [7]. Поскольку процесс освоения политической жизни в условиях демократического транзита требовал утверждения и принятия российским избирателем всех новелл политической жизни, то ожидать быстрых сдвигов в общественном сознании не приходилось. Коммуникативные свойства политического сознания формировали различные модели электорального поведения под влиянием множественности факторов политической и социально-экономической жизни.

Кроме того, данный процесс требовал положительной динамики в обновлении политической культуры, развития социально-экономического состояния страны, но стабилизация в состоянии государственности и социально-экономической сфере началась только после 1999 г.

Проведение выборов предполагает не простой процесс их подготовки, начиная с предвыборной агитации, при этом «проблематично абсолютно все, начиная с базовой категории «предвыборная агитация» и ее формально-юридических (законодательных) определений и заканчивая воп-

росами защиты и восстановления самого важного публичного политического права граждан-избирателей — права на достоверную информацию» [8]. Качество законодательного регулирования выборов было невысоким, поэтому целевая направленность предвыборной агитации устанавливалась Верховным Судом Российской Федерации, указавшим, что вся предвыборная агитация сводится к возможному психологическому воздействию агитационных мероприятий на избирателя [9].

Поскольку в рассматриваемый период из поля зрения законодателя выпал значительный блок политико-правовых отношений, требующих правовой регламентации, современное избирательное право нуждается в обновлении.

Избирательное право РФ нуждается в качественном законодательном материале, ответственной политике, проводимой лицами, вызывающими уважение у избирателя своими действиями в политической сфере. Это будет способствовать повышению активности избирателей в избирательных кампаниях, формирующих органы народовластия, и вернет доверие россиян к власти.

Литература

1. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*: пер. с нем. // Ред. и сост. Д.А. Каримова и В.С. Нерсеянц. — М.: Мысль, 1990. (Филос. наследие). — С. 57-58.
2. Barber V. *Participatory Democracy* // *Encyclopedia of Democracy*. — New York, 1995. — Vol. 3. — P. 923.
3. Тарановский Ф.В. *Энциклопедия права*. 3-е изд. — СПб.: Лань, 2001. — С. 234.
4. Kohl H. *Der Weg zur Wende: Von der Wohlfahrtsgesellschaft zur Leitungsgemeinschaft*. *Hunsum: Geist und Politic*, 1983. — S. 27.
5. Лапкин В.В., Пантин В.И. *Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции* // *Полис*, 2000. — № 1. — С. 12-15.
6. Рикер Поль. *Герменевтика. Этика. Политика. Московские лекции и интервью*. — М.: АО «КАМ», Издательский центр «ACADEMIA», 1995. — С. 45-46.
7. Поливаева Н.П. *Политическое сознание в условиях трансформации российского общества*: автореф. дис. д-ра полит. наук. — М., 2009. — С. 20 (55 с.).
8. *О региональном семинаре «О взаимодействии избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и средств массовой информации по повышению профессиональной подготовки журналистов, освещающих избирательный процесс»* // *Вестник Центральной избирательной комиссии РФ*. — 2001. — № 6 (120). — С. 73.
9. *Решение Верховного Суда РФ от 25 марта 1996 г. по делу № ГКПИ96-17* // *Избиратель-*

ные права и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации в решениях Верховного Суда Российской Федерации (1995–2000): в 2-х т. Т. 1. – М.: НОРМА, 2001. – С. 200.

10. Веденеев Ю.А., Навальный С.В. Избирательное право: роль и место в системе права России // Вестник Центральной избирательной комиссии. – 2003. – № 2 (140). – С. 63-73.

11. Дьюи Джон. Общество и его проблемы: пер. с англ. И.И. Мюрберг, А.Б. Толстова, Е.Н. Касиловой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 160 с.

12. Иванченко А.В. Конституционные и международные основы современного российского избирательного права / Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов: материалы международной конференции // Под ред. А.В. Иванченко и А.Е. Лазарева. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 348 с. – С. 137-140.

13. Избирательное право России: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 030501 «Юриспруденция» // Избирательное право России / Под ред. В.О. Лунина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 671 с.

14. Катков Д.Б., Корчиго Е.В. Избирательное право: вопросы и ответы. – М.: Юриспруденция, 2001. – 176 с.

15. Первый электоральный цикл в России (1993-1996) / Общ. ред.: В.Я. Гельман, Г.В. Голосов, Е.Ю. Мелешкина. – М.: Весь Мир, 2000. – 248 с.

16. Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. // Российская газета (Неделя). – 2008. – № 4787. – 6 ноября.

17. Протасов В.И. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. – М.: Новый Юрист, 1999. – 240 с.

18. Сморгунов Л.В. Сети, знание, коммуникация // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). – СПб., 2006. – 50 с. – С. 5-14.

19. Указ Президента Российской Федерации «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». – 1993. – 21 сентября. № 1400 / Указ Президента Российской Федерации // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – № 39. – 27.09.1993. – Ст. 3597.

20. Честнов И.Л. Актуальные проблемы теории государства и права: диалогическая природа государства и его место в политической системе общества. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2007. – 64 с.

Коротко об авторе

Briefly about the author

Шемелин А.В., канд. юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального права, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

A. Shemelin, Candidate of Law sciences, assistant professor, professor of state and municipal right department, Chita state university

Научные интересы: выборы, избирательная система, ценность, избирательное право, политика

Scientific interests: election, electoral system, value, electoral right, the policy

Культурология

УДК 008

*Камедина Людмила Васильевна
Lyudmila Kamedina*

СТЕРЕОТИПЫ ВОСПРИЯТИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ КУЛЬТУР

STEREOTYPES OF RELIGIOUS CULTURES'S PERCEPTION

Рассматриваются религиозно-культурные стереотипы и их преодоление через диалог культур. Автор приходит к заключению, что духовная культура народа является фактором утверждения его национальной идентичности и одновременно условием гармонизации отношений между народами в едином культурном поле

Ключевые слова: стереотипы, религиозная культура, национальная самобытность, вечные истины, диалог культур

In the article the author examines the religious-cultural stereotypes and overcoming them through the dialogue of cultures. The author draws the conclusion, that spiritual culture of the people is a factor in approval of its national identity and simultaneously the condition of harmonizing relations between nations in a unified cultural field

Key words: stereotypes, religious culture, national originality, eternal truths, dialogue of cultures

Стереотип определяется как схематический, стандартизированный образ или представление о чем-то. Стереотипы бывают социальные, политические и др. В связи с мощным возрождением религий в современном мире интерес представляют религиозно-культурные стереотипы, которые зачастую приводят к напряженности, «чужое» подвергается отторжению. Подобные стереотипы, как правило, связаны с упрощенной информацией о данной культуре, с ложной интерпретацией событий или явлений в культуре, с различными ценностями в религиозном поле той или иной культуры.

Актуальной задачей в настоящее время становится разрушение предубеждений относительно религиозных культур. Особенно это важно в многоконфессиональном регионе, каким, например, является Забайкальский край. Для решения этой задачи необходим религиозно-культурный диалог; образовательная информация о религиоз-

ной культуре, как своей, так и чужой; поиск совпадений в Истине, которую проповедуют религиозные культуры. Достижение поставленной цели всегда будет зависеть от самих людей, от их умения слышать и понимать другого. Утверждая свое, подчеркивая свою духовную самобытность, каждая культура с уважением должна относиться к святыням другой культуры. Нужны точки соприкосновения, поиск общих постулатов. Для этого необходим поиск того, что объединяет народы в культуре и религии.

Диалог религиозных культур предлагается введением образовательного проекта духовно-нравственного комплекса в учебные заведения РФ. Школьники и студенты будут знакомиться с основами православной, мусульманской, буддийской, иудейской культуры, а также альтернативными курсами «Религиоведение» и «Этика». Российская Федерация – многонациональное государство, поэтому в большинстве реги-

онов будет изучаться не одна религиозная культура, а скорее всего, две-три. Подобный образовательный проект будет способствовать разрушению стереотипов восприятия религиозных культур.

Погружение в свою духовную культуру непременно должно сопровождаться сравнением с подобными элементами в другой культуре, которая соседствует с собственной. Так, на примере Забайкальского края можно проследить долгий и мирный диалог религиозных культур. В Чите на небольшом городском «пяточке» еще до революции 1917 г. были выстроены православная церковь во имя Михаила Архангела, мусульманская мечеть, синагога, католический костел святых Петра и Павла, на окраинах — буддийские дацаны. Религиозные культуры объединяют общие элементы: это духовные книги как духовный микрокосмос; это храмовая архитектура с богатыми и смысловыми элементами убранства; это живопись в самом ярком и философском ее проявлении — иконописи; это музыкальное искусство древних церковных песнопений; это этнография одежд, предметов религиозного обихода в их символических значениях; это монастырские «райские сады» — знаки Царствия Небесного на земле. Такие совпадения обнаруживаются в идее храмов, жанрах богослужения, смыслах праздников, символике цвета, форм, линий.

Основой разрушения стереотипов может стать переложение вечных истин на религиозно-культурную среду. Так, сущность каждого вероучения и сформированной на его основе духовной культуры народа составляют критерии различия добра и зла. Что считать добром и злом, каждый народ, как и отдельный человек, решает в зависимости от веры. Выбор добра строится на необходимости правды, справедливости, ответственности и долга. Эти идеи подхватывает религиозная культура, которая несет ответственность в своем учительстве не перед читателем, слушателем или зрителем, не перед партиями и группировками, а перед Творцом. Любая культурная традиция четко разграничивает земное и небесное. Созидание духовной культуры происхо-

дит от веры в добро, правду и справедливость.

Добро и зло суть категории нравственные и относятся к внутреннему миру человека, обнаруживаясь при тех или иных поступках. В религиозной культуре нет торжества зла, потому что именно добро есть основной несущий элемент не только веры и культуры, но и всего мироустройства. Добро имманентно бытию. Не будет добра, не будет и самого бытия. То же самое можно сказать о правде и справедливости. Жизнь каждого народа стремится к устройению на справедливых началах. В религиозной культуре народа можно найти сюжеты о торжестве правды, справедливости и награде за добро. Ни в одной религии нет торжества зла. **Вера** есть уверенность в торжестве справедливости, в возмездии за плохое. Вера есть надежда на добро. Основания добра, правды, справедливости проявляются в культурном поле общих знаковых событий и знаковых имен. Для русской культуры — это события-знаки: Невская битва, Куликово поле, Бородино, Великая Отечественная война. С другой стороны, это люди-символы: святой князь Александр Невский, святой князь Дмитрий Донской, фельдмаршал Кутузов, маршал Жуков. Но эти же знаковые события и эти же люди-символы являются значимыми и для народов Российской Федерации, которые объединены территорией, природой, великими событиями в общей истории и личностями. Участие разных народов в великих битвах также сближает духовные интересы и истины.

В религиозной культуре каждого народа есть свои святые, которые являют образец для подражания, идеал земного существования. Для русской культуры — это святой Нестор-Летописец, святой Сергей Радонежский, прозванный «игуменом всея Руси», старец Серафим Саровский и многие другие. Во всей их жизни — высокая Истина земной жизни без суеты, раздвоенности, болезненных сомнений. В бурятской духовной культуре — это буддийская святая, феномен нетленного тела Даши-Доржо Итигэлова, который много сделал для просвещения бурятского народа, помогал во

время русско-японской и Первой мировой войн в сборе денег, организации лазаретов. На Православную Пасху 1915 г. он послал солдатам на фронт посылки из буддийской Бурятии. Подобные духовные традиции дают образцы героического подражания для всех народов России, объединяют нацию, способствуют патриотическому воспитанию подрастающего поколения, разрушают негативные стереотипы восприятия, т.к. становятся известны недоступные ранее глубокие и высшие знания.

Поиск вечных истин мог бы привести к такой точке соприкосновения религиозных культур, как поиск Красоты. Конечно, у каждого народа представления о красоте разные, но именно это и являет интерес при знакомстве с иной культурой. Красота – ипостась Божественная, изначально присущая миру. В древнерусской культуре и народном творчестве понятие «красивый» идентифицировалось с понятием «добрый». Например, «красные девицы» и «добрые молодцы» – понятия сближенные. Этическое и эстетическое в народном сознании было совмещено. Разрыв наметился в XVII в. и с течением времени углубился настолько, что уже Н.В. Гоголь в начале XIX столетия ставил проблему полного несоответствия этих категорий.

Читинское издательство «Поиск» неоднократно переиздавало удивительную книгу о красоте Забайкальского края – «Даурское диво» [2]. Ее составитель, писатель О.А. Димов, предложил забайкальцам всех возрастов рассказы о красоте наших степей и тайги с их удивительным растительным и животным миром, о красоте гор с их водопадами, пещерами, ущельями, озерами и гейзерами. В Божественную Красоту природы гармонично вписан человек с его прошлым и настоящим. Это книга о «настоящем диве», ибо удивительна и полна чудес Забайкальская земля, красота которой принадлежит как христианской духовной культуре, так и буддийской духовности. Любая религиозно-культурная деятельность имеет своей ценностью и реализацией Красоту. Красота – это то, что человек ищет и чаёт. Разрушению стереотипов восприятия

и сближению культур в едином пространстве могло бы способствовать «томление по Красоте», ибо оно присуще каждой религиозной культуре.

Условием гармонизации отношений между разными религиозными культурами может быть и поиск смысла жизни – обязательный концепт любого верования. В течение XX в. произошло крушение ценностных ориентиров. Современный человек стоит перед проблемой духовного голода. Не все удовлетворяются идеалами материального благополучия, которые не могут быть стержневыми ни для существования народа, ни для благополучия личности. Многие ищут смысл своего бытия в вере, которая дает ответы на фундаментальные вопросы жизни. Для сохранения национальной идентичности народ, нация обращаются к своим корням. Сохранение традиционной веры предков – это область национальной самоидентификации. Если в советское время народы объединялись коммунистической идеологией для всеобщей цели и смысла жизни, то в XXI в. каждый человек ищет смысл своего бытия, своей личной цели и своего спасения, независимо от государства и общества. Религиозная культура напоминает о духовных традициях народа, о связи каждого с духом предков. Большинство духовных практик, в том числе христианская и буддийская, направлены на поиск своего личного смысла жизни, на поиск внутренней гармонии, на восприятие радости Бытия. В духовных практиках есть опыт молитвенного безмолвия, подвижничества в делах милосердия, обожения (совершенствования, приближения к образу Божьему) человеческой личности, освящения мира для гармонического существования природы и человека. Такое общее духовное делание также способствует разрушению религиозно-культурных стереотипов.

Характер отношений между религиозными культурами можно проследить в истории Забайкалья. Например, сохранились удивительные рассказы о поклонении православным иконам людей разных национальностей и конфессий [1; 5]. Описаны случаи хождения к чудотворной иргенской

иконе святой Параскевы Пятницы в 1890-х – 1917 гг. Икону обнаружили в юрте у бурята, который молился перед ней по-своему, как перед своим «бурханом», и говорил, что «бурхан» ему помогает. Когда икону поместили в православном храме, то буряты-буддисты, и шаманисты, и язычники, и эвенки-христиане приходили молиться перед святой Параскевой Пятницей и просить у нее помощи. Обстановка в миссионерском стане на озере Иргень была такой, что к «иргенским чудесам» приезжало порой до пяти тысяч человек. Архимандрит Ефрем (Кузнецов) пишет, что это были люди разных национальностей, разных конфессий [1]. Но всех их объединяло общее географическое и духовное пространство, вера, любовь к святым и благоговейное их почитание.

Среди чудотворных икон Забайкалья прославился образ Святителя Николая Чудотворца. Его почитали и русские, и буряты, и эвенки, и даже китайцы [3; 4; 6]. Буряты-ламаисты называли его Сагаан Убугун – «Белый Старец». Много часовен в честь Николая Чудотворца было поставлено на озере Байкал, по берегам которого проживает много бурят. Образ святого Николая, столь почитаемый православными русскими, крещеными хоринскими бурятами, крещеными эвенками, был Можайского образа с явно выраженными монголоидными чертами в лице, с миндалевидными глазами. Фелонь Николая Чудотворца и поле иконы украшены росписью из веточек с листьями и цветами – это более всего характерно для сибирской, в частности, забайкальской иконы. В Забайкалье известно чудо, связанное с иконой святого Николая; после свершенного чуда крестился китаец, проживающий в Чите. В 1903 г. И-фу-цай, так звали крещеного китайца, в знак чудесного спасения по молитве к «русскому Богу» построил в городском саду часовню на свои средства. Невероятную историю рассказывает русский эмигрант, певец Александр Вертинский: русские эмигранты в китайском городе Харбине повесили на железнодорожном вокзале икону Святителя Николая Чудотворца, и однажды в здание вокзала вбежал мокрый китаец, распростерся на полу перед

иконой и что-то бормотал про тонкий лед и прорубь, в которую он провалился. В воде он вспомнил, что русские просят помощи у какого-то старика на вокзале, и закричал: «Старик с вокзала, спаси меня!»; после этого тонущий потерял сознание, а очнувшись уже на берегу и бросился благодарить «старца» за чудесное спасение [4; С. 138]. Ни одна политическая идеология не смогла объединить народы, ибо все идеологи сеяли вражду. Однако в чудесное исцеление и спасение от чудотворных икон поверили и продолжают верить, независимо от национальности и вероисповедания.

В истории многоконфессионального Забайкальского края есть материалы по миссионерству. Об этом пишет, например, историк и краевед С. Кудрявцев [3; С. 374–381]. Чита, столица Забайкальского края, до революции была центром корейского Православия. Усилиями правящего архиерея, владыки Мефодия и священника Епифания Кузнецова (будущего епископа Ефрема Селенгинского, первого забайкальского новомученика, расстрелянного в Москве в 1918 г. на Ходынском поле) была открыта катехизаторская школа для корейцев. Издавался журнал «Православие» на корейском языке, редактором которого был крещеный кореец Авраам Ефремович Кузнецов. Видимо, крестник Ефрема (Кузнецова). Было выстроено миссионерское училище и создан церковный корейский приход. В церкви служил священник кореец и дьякон кореец. Как начальник Духовной миссии Ефрем (Кузнецов) определял для себя главный круг вопросов: это изучение истории христианского просвещения забайкальских инородцев с освоения края и до наших дней; это изучение бурят, эвенков, китайцев, корейцев, японцев с точки зрения способности их к принятию христианства и общеевропейской культуры; это земельная защита крещеных инородцев. В 1913 г. епископ Ефрем ездил в Монголию для открытия Православной миссии для монголов. Однако начавшаяся Первая мировая война, а затем революция 1917 г. помешали ему развернуться как талантливому миссионеру в среде монголов.

Среди важнейших направлений геополитического развития России в XXI столетии называются такие, как укрепление не только национальных, но и конфессиональных отношений внутри России; созидание православно-мусульманских отношений внутри страны и за ее пределами; достижение геостратегического союза с представителями западно-христианской цивилизации; поддержание добрососедских отношений с восточными странами буддийской цивилизации. Государство понимает, что кризисные явления во всех сферах жизни нашего общества (политической, социально-экономической, культурной, образовательной) обозначили и обострили нравственные проблемы, которые ведут к духовному опустошению как современников, так и будущих поколений.

В 2000 г. постановлением Правительства утверждена «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», где заявлено о сохранении и развитии национальных культур, о воспитании патриотов России, о формировании нравственной личности, проявляющей национальную и религиозную терпимость. Государство обратило внимание на пробел в патриотическом воспитании школьников. В ликвидации этого пробела может помочь Церковь, которая всегда призывает не забывать: какими бы разными Господь не создал людей, общее соборное дело – трудиться на благо Отчизны, нести ответственность перед Богом, который един для всех, за семью, за народ, за Родину. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации также призывает к защите культурного, духовного, нравственного и исторического наследия российского общества, к сохранению религиозно-культурного достояния всех народов России.

Русскую культуру можно назвать сердцевиной культуры, которая обозначила основные духовные параметры общей жизнедеятельности народов нашей страны. Русская духовная культура открыта для диалога, чувствительна к чужому слову,

восприимчива к чужому опыту и традиции. Русская Православная Церковь также обращает внимание на стереотипы восприятия «чужого». При этом подчеркивается, что диалог о «способах миростроительства» не всегда бывает мирным. Это свидетельствует о том, что люди продолжают жить стереотипом древности «мир создается войной». Сейчас ключевое значение приобретает способность слышать и понимать друг друга на уровне ценностных установок. Именно ценности религий могут объединить нации, конфессии, культуры в диалоге о миростроительстве.

Таким образом, именно диалог культур способствует постижению «своего» в сравнении с «чужим», выявлению общих историко-патриотических позиций, благоговейному отношению и почитанию святынь своей земли. В религиозно-культурном диалоге личность избавляется от стереотипов, навязанных разными идеологиями, и делает свободный выбор, как правило, в сторону общерелигиозных ценностей многоконфессионального сообщества людей и наций.

В области образования государство требует формирования устойчивых духовно-нравственных убеждений на основе традиционных исторических, культурных и религиозных ценностей народов России. Такое просвещение также ориентировано на разрушение религиозно-культурных стереотипов и на формирование установок межконфессионального согласия. С повышением уровня образования стереотипы исчезают. Забайкальский край может быть добрым примером осуществления таких образовательных позиций.

Наконец, такие религиозные возможности, как поиск совпадений в Истине, характер религиозных отношений, например, на уровне пересечения религиозных культур, взаимодействия в социальных проектах милосердия, борьбы со злом наркомании, алкоголизации, лудомании, могут снять напряженность, отчуждение и способствовать разрушению стереотипов в восприятии религиозных культур.

Литература

1. Архимандрит Ефрем. Иргень – место святое. – Чита, 1911. – 17 с.
2. Даурское диво. – Чита: Поиск, 2007. – 256 с.
3. Духовная летопись Забайкалья. – Чита: Читинская и Забайкальская епархия, 2009. – 456 с.
4. Непознанный мир веры. – М.: Сретенский монастырь, 2002. – 347 с.
5. Православное Забайкалье. – Чита: Экспресс-издательство, 2004. – 274 с.
6. Сибирская икона. – Омск: Иртыш-92, 1999. – 268 с.

Коротко об авторе

Камедина Л.В., канд. филол. наук, доцент, профессор кафедры литературы Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета (ЗабГГПУ)
kamedina_ludmila@mail.ru

Briefly about the author

L. Kamedina, Doctor of philology, Assistant professor, Professor of the Literature Department, Zabaykalsky State Humanitarian and Pedagogical University

Научные интересы: русская литература, русская культура

Scientific interests: Russian literature, Russian culture

Науки о Земле

УДК 553.634.12(571.55)

Маслюков Геннадий Ефимович
Gennady Maslyakov

Заслоновский Валерий Николаевич
Valery Zaslounovskiy

ВЛИЯНИЕ ГОРНОДОБЫВАЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ МОГОЧИНСКОГО РАЙОНА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ НА ЭКОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ТЕРРИТОРИИ

THE EFFECT OF MINING MOGOCHINSKY DISTRICT TRANS-BAIKAL TERRITORY ON ENVIRONMENTAL SECURITY AREA

На примере Могочинского района Забайкальского края рассматривается влияние горнодобывающей деятельности, в том числе – золотодобычи, на различные компоненты природных ресурсов в их взаимосвязи и с учетом специфических климатических и других условий обширного региона северо-восточного Забайкалья. Даются научно-практические рекомендации по ведению таких работ, позволяющие повысить экологическую безопасность соответствующих территорий

Ключевые слова: горнодобывающие предприятия, золотодобыча, природные ресурсы, экологическая безопасность

On the example Mogochinsky Area Trans-Baikal Territory the impact of mining activities, including – gold on the various components of the natural resources in their relationship and taking into account the specific climatic and other conditions of a vast region of north-eastern Transbaikalia is studied. Scientifically-practical advice on conducting such work, allowing increasing the ecological security of the territories is given

Key words: mining companies, gold mining, natural resources, environmental security

По мнению экспертов МПР России, российская экономика в первой половине XXI в. сохранит сырьевую направленность. Ожидается, что видовой состав и структура потребления сырьевых ресурсов в этот период претерпят существенные изменения за счет ввода в эксплуатацию новых месторождений полезных ископаемых. Усилится антропогенный пресс на природную среду. В этой связи важно учитывать геоэкологические особенности природопользования в регионах с суровым климатом, таких как

северные районы Восточного Забайкалья.

Могочинский район Забайкальского края характеризуется наличием многолетней мерзлоты, суровостью климата. В данном регионе повсеместно развиты мерзлотно-таежные и глубокопромерзающие болотные почвы, не обладающие способностью к самовосстановлению после механических воздействий (в том числе после прохождения гусеничных транспортных средств). Особенности региональных при-

родных условий более подробно обсуждены в публикациях (1-10).

Горнодобывающие предприятия (в основном, золотодобывающие артели) используют традиционные схемы, в результате чего легкоранимой окружающей среде наносится значительный вред.

В соответствии с рассматриваемыми вариантами технологических схем вскрытия и отработки месторождений наиболее значимыми источниками воздействия на окружающую среду являются:

- карьерные выемки;
- складированные отвалы вскрышных пород;
- технологические отстойники и пруды-осветлители;
- подъездные дороги;
- технологический транспорт и оборудование;
- площадки планового обслуживания техники и временные передвижные пункты заправки ГСМ;

– дизельные электростанции.

На рис. 1 изображена схема, демонстрирующая влияние предприятий золотодобычи на природные ресурсы.

Вредному воздействию со стороны горнодобывающих предприятий подвержены атмосферный воздух, водные объекты, земли и почвы, животный и растительный мир. В подготовительный период и во время проведения горнодобывающих работ нарушается рельеф местности, изменяется состав и режим поверхностных и подземных вод, загрязняется воздушный бассейн, изменяется продуктивность почв.

По характеру воздействия различают прямые (кратковременные) нарушения природной среды, обусловленные технологией подготовки, вскрытия, добычи и промывки песков и прекращающиеся с окончанием горных работ, а также косвенные нарушения, являющиеся следствием длительного воздействия на компоненты природной среды.

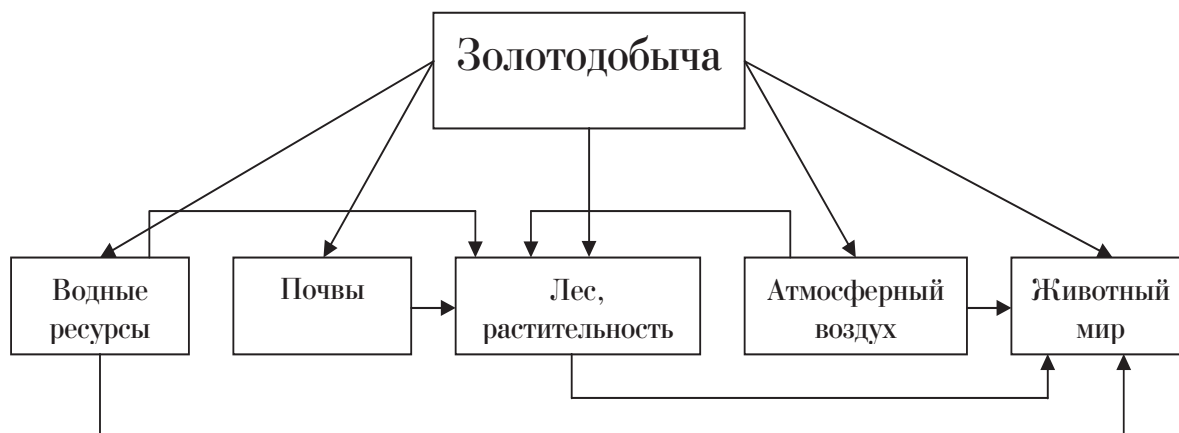

Рис. 1. Влияние россыпной золотодобычи как основного вида горных работ в северных районах Восточного Забайкалья на элементы окружающей среды

Прямое воздействие в результате строительства карьерных выемок, создания отвалов, прокладки дорог приводит к образованию техногенного ландшафта.

Косвенное воздействие из-за изменения состояния и режима грунтовых вод в связи с осушением (обводнением) месторождений, осаждения пыли и химических соединений из источников выбросов в ат-

мосферу, фильтрации загрязненных сточных вод из отстойников, выноса и осаждения продуктов эрозии нарушенных земель приводит к ухудшению состояния и плодородия земель, условий произрастания растений и обитания животных, ухудшению качества поверхностных и подземных вод.

В результате традиционных технологий ведения горных работ нарушаются эко-

логический баланс и экологические связи между компонентами окружающей среды (см. рис. 1). Как известно, загрязнение атмосферного воздуха угнетающе влияет на растительность, насыщая ее вредными веществами. Животные и птицы, потребляя такие растения, претерпевают нарушение естественного цикла пищеварения и развития организма, зачастую меняют места традиционного обитания. Загрязнение почв и водных объектов ведет к подобным нарушениям у птиц, рыб, насекомых и грызунов.

Котлованы, образовавшиеся при вскрытии торфов и добыче песков, при заполнении водой коренным образом изменяют условия залегания многолетнемерзлых пород. Нарушение теплового режима отложений приводит к необратимым изменениям их физико-механических и гидравлических свойств. Площади, нарушенные разработками, представляют собой ландшафтно-измененные поверхности. Они практически лишены почвенно-растительного покрова, что, в свою очередь, приводит на участках размещения технологических отстойников к значительному заболачиванию земель, проявляясь в изменении водного режима, загрязнении и засорении вод. Поверхности отвалов пустых пород являются источниками выбросов пыли, приводящей к угнетенности растений.

Наносится вред и традиционному природопользованию населения. При проведении вскрышных работ уничтожаются кустарники голубики, жимолости и других дикоросов. После проведения рекультивации земель они не возобновляются. Жимолость произрастает, в основном, вдоль рек, ключей, т.е. там, где возможна добыча золота. В настоящее время из-за расширения золотодобычи в Могочинском районе осталось мало территорий, где растёт жимолость.

При проведении вскрышных работ на полигоне, во время подачи песков на прибор для промывки и от отвалов вскрышных пород, происходит постоянное пыление.

На полигоне одновременно работают до 15 единиц технологического транспорта. Пыль и отходящие выхлопные газы оседают на почвы и растительность прилегающих территорий, что негативно отражается и на животных.

После проведенной рекультивации водоток заводится на отработанный полигон и формирует новое русло. По многолетним наблюдениям авторов, русла в условиях Могочинского района формируются в течение 5...7 лет после проведения рекультивации земель. Вода, вымывая почву, пески и илы, формирует русло шириной до 40 м при бывшей естественной ширине водотока 7...10 м. В результате взвешенные вещества периодически загрязняют водный объект. В течение длительного времени подобные явления наблюдались на р. Холоджикан (участок старательской артели «Амазар»), на р. Большой Урюм (старательская артель «Урюм») и др.

В период отработки полигона руслоотводная и нагорная канавы на некоторых участках под воздействием водотока (особенно в период длительных ливневых дождей) размывают грунты, увеличивая их глубину до 9 м и ширину до 30 м. В результате происходит периодическое загрязнение реки. Такие проявления отмечались на участках Кадача, Большая Могоча и др.

В процессе дражной отработки (до 30 лет) драга движется вверх по течению реки и обратно вниз. В процессе восстановления нарушенных земель происходит смешивание эфельных отвалов, отработанных песков и существовавшего маломощного гумусового слоя.

В результате, после дражной отработки месторождения золота, на «рекультивированных» землях длительные годы не восстанавливается растительность, образуется «лунный» ландшафт. Такое наблюдалось на отработках «Ксеньевского» прииска, рудника «Ключи» и др. На рис. 2 приведен пример «рекультивации» земель по окончании золотодобычи.

Рис. 2. Участок раздельной золотодобычи на р. Кадача Могочинского района

При производстве вскрышных работ на полигонах золотодобычи уничтожаются гнезда муравьев, птиц и мелких грызунов.

Под воздействием шума от работы технических средств животные вынуждены покидать обжитую территорию. В результате происходит частичное уничтожение и отселение животного мира.

Базируясь на принципах экологически безопасного природопользования, при планировании горнодобывающей деятельности в северных районах Восточного Забайкалья, в том числе – в Могочинском районе Забайкальского края, следует учитывать:

- 1) суровые климатические условия и температурные инверсии;
- 2) наличие многолетней мерзлоты;
- 3) неравномерность стока и наледи;
- 4) невысокую устойчивость растительного покрова и состояния лесов;
- 5) необходимость сохранения горных пород в зоне многолетней мерзлоты;

6) необходимость защиты оползневых массивов.

На основании данных исследований, их обобщения в серии монографий и карт разработан пакет практических рекомендаций по рациональному природопользованию в регионе, учету геоэкологических связей между компонентами природных ресурсов и сохранению экологической безопасности территорий северо-восточных районов Забайкальского края и конкретно – Могочинского района.

Основные направления рекомендаций следующие.

По охране земель, почвы, растительности

1. Для передвижения по лесу в северных районах ограничить использование гусеничного транспорта.
2. Проектировать и обустраивать подъездные автодороги золотодобывающих предприятий в соответствии с требованиями

ми к противопожарным полосам с передачей их по окончании производства работ в Гослесфонд и использованием в качестве таковых.

3. До производства подготовительных работ по золотодобыче (вырубка леса и вскрышные работы) предусмотреть перенос муравейников в близлежащий лесной массив.

4. С целью защиты леса от ветроповала при земельном отводе для добычи золота необходимо предусматривать сохранение полосы крайних деревьев.

5. Внедрить плату по нормативам за уничтожение лекарственных растений и ресурсов питания (ягоды, орех и т.д.).

По охране водных ресурсов

1. Возложить на водопользователя обязанность – до выдачи ему лицензии на добычу золота разработать паспорт водного объекта, исследовав его с целью определения максимально возможного размещения объектов и допустимого вредного воздействия на реку и её притоки при добыче золота и другой хозяйственной деятельности.

2. При проведении рекультивации нарушенных земель оставлять русла в нагорной и руслоотводной канавах, увеличив при проектировании глубину канав с учетом их постоянного использования, как устоявшегося нового русла.

3. В процессе восстановления нарушенных земель оставлять не менее 30 % существующих отстойников, поддерживая водность территории и обустроив их для обживания водоплавающей фауны и рыбой, обустраивать их как искусственные озёра.

4. Во избежание размыва плотины в местах аварийного перелива (сброса) воды из отстойника при золотодобыче необходимо аварийный перелив строить в виде деревянного шлюза.

По охране атмосферного воздуха

1. В целях сокращения выбросов загрязняющих веществ в атмосферу оснащать котельные пылегазоочистными установками эффективностью не менее 90 % очистки от загрязняющих веществ.

2. Для районов Севера специально выпускать и эксплуатировать весь передвижной автотранспорт, стационарные электростанции, сварочные и компрессорные установки для использования топлива с катализатором, а другую технику – только на этилированном бензине.

3. На котельных любой мощности в данном регионе для более полного сгорания частиц топлива строить только кирпичные дымовытяжные трубы.

По охране животного мира

Внедрить плату за причиненный ущерб животному миру, в том числе – насекомым (пчелы, осы) и певчим птицам.

По защите от шума

Установить нормативную плату за шумовые воздействия на окружающую среду.

В Могочинском районе ряд рекомендаций уже внедрен в хозяйственную деятельность.

Основные из них следующие:

1) подъездные дороги к участкам россыпной добычи золота (старательская артель «Ключи», старательская артель «Тунгир», ОАО «ЗК Урюм» и др.) спроектированы, построены и сданы в гослесфонд как противопожарные полосы;

2) при проведении рекультивации (старательская артель «Ключи», старательская артель «Тунгир», ОАО «ЗК Урюм» и др.) русла в верховье водоёмов оставлены в нагорной и руслоотводной канавах;

3) при восстановлении нарушенных земель более 30 % существующих отстойников (старательская артель «Ключи», старательская артель «Тунгир», ОАО «ЗК Урюм», ОАО «Ксеньевский прииск», ООО «Калтагай») оставлены, как искусственные озера.

На основе личных многолетних наблюдений и данных других исследователей подготовлена и опубликована серия изданий (11-15), которые включают сведения о природных ресурсах Могочинского района. Они успешно используются в производственной деятельности и образовательных учреждениях региона.

Литература

1. Недешев А.А., Быбин Ф.Ф., Котельников А.М. БАМ и освоение Забайкалья. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1979. – 159 с.
2. Некрасов И.А., Климовский И.В., Ан В.В. Учет геокриологических условий при освоении территории Удоканского ГОКа // Геокриологические условия зоны Байкало-Амурской магистрали / Ин-т мерзлотоведения СО АН СССР. – Якутск. – 1980. – С. 73-89.
3. Маслоков Г.Е., Заслоновский В.Н., Шарапов Н.М. Геоэкологические особенности формирования водотоков северных территорий Восточной Сибири и Забайкалья и их использование // «Чистая вода России». – Екатеринбург. – ФГУП РосНИИВХ, 2005. – С. 60-61.
4. Маслоков Г.Е., Заслоновский В.Н. Особенности формирования стока и использование рек Северо-Восточного Забайкалья // Водные ресурсы и водопользование / Под научн. ред. В.Н. Заслоновского. – Екатеринбург-Чита: РосНИИВХ, 2005. – С. 28-30.
5. Маслоков Г.Е., Заслоновский В.Н. Влияние природопользования на окружающую среду в Северо-Восточных районах Забайкалья // Вестник ЧитГУ. – № 38. – Чита: ЧитГУ, 2005. – С. 66-75.
6. Маслоков Г.Е. Геоэкологические особенности природопользования в северо-восточных районах Читинской области // Экономика, экология и общество России в 21-м столетии. – СПб.: СПбГПУ, 2005. – С. 48-49.
7. Маслоков Г.Е., Заслоновский В.Н., Шарапов Н.М. Основные эколого-экономические принципы природопользования в северо-восточных районах Забайкалья // Материалы международной научно-технической конференции «Экономические реформы в России» (ч. II). – СПб.: СПбГПУ, 2006. – С. 33-34.
8. Маслоков Г.Е. Практические рекомендации по природопользованию на территории северных районов Восточного Забайкалья // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Кулагинские чтения», т. 2. – Чита: ЧитГУ, 2006. – С. 108-111.
9. Маслоков Г.Е. Геоэкологические проблемы разработки россыпных месторождений золота в северо-восточных районах Читинской области // Горный информационно-аналитический бюллетень. Забайкалье. – М.: Изд-во Московского Горного университета. – 2007. – С. 67-68.
10. Маслоков Г.Е. Особенности природной среды и природопользования в северо-восточных районах Забайкальского края и их отражение в процессе экологического образования населения // Вестник ЧитГУ. – № 1 (52). – Чита: ЧитГУ. – 2009. – С. 63-69.
11. Маслоков Г.Е. Природные богатства Могочинского района. – Чита: Поиск, 2001. – 215 с.
12. Маслоков Г.Е., Кулаков В.С. География Могочинского района. – Чита: Поиск, 2003. – 149 с.
13. Маслоков Г.Е. Лекарственные и редкие растения Могочинского района. – Чита: Поиск, 2003. – 336 с.
14. Маслоков Г.Е. Речная сеть Могочинского района. – Чита: Поиск, 2006. – 32 с.
15. Маслоков Г.Е. Карта Могочинского района со специальным экологическим содержанием // ФГУП «Забайкальское аэрогеодезическое предприятие». – Чита, 2003. – М 1:200000. – 1500 экз.

Коротко об авторах _____ *Briefly about the authors*

Маслоков Г.Е., ведущий специалист-эксперт, Управление «Росприроднадзор» по Забайкальскому краю, член-корреспондент МАНЭБ
Служ. тел.: (3022) 32-45-83

G. Maslyukov, the leading expert of an expert management «Rosprirodnadzor», Trans-Baikal Territory

Научные интересы: охрана окружающего мира, природопользование

Scientific interests: world around protection, wildlife management

Заслоновский В.Н., д-р техн. наук, профессор, зав. кафедрой «Водное хозяйство и инженерная экология», Читинский государственный университет (ЧитГУ), Заслуженный мелиоратор России, член-корреспондент РАЕН
Служ. тел.: (3022) 26-42-56

V. Zaslouovskiy, Doctor of Technical Sciences, professor, Head of Department of «Water Resources and Environmental Engineering», Chita State University (ChSU)

Научные интересы: охрана окружающего мира, природопользование

Scientific interests: world around protection, wildlife management

Математика и информатика

УДК 51

Абакумов Юрий Георгиевич
Yuriy Abakimov

ГЕОМЕТРИЯ ФАЛЕСА МИЛЕТСКОГО. ПОПЫТКА РЕКОНСТРУКЦИИ

GEOMETRY OF THALES OF MILETUS. ATTEMPT OF RECONSTRUCTION

Дается обоснование следующих положений: (1) Фалес получил известность как математик не благодаря открытым им элементарным геометрическим фактам, а благодаря произведенным измерениям, в частности, высоты одной из египетских пирамид, (2) Фалес не придавал сумме открытых им геометрических фактов статус отдельной научной дисциплины

Ключевые слова: Фалес, милетская школа, математика в древней Греции

The article is devoted to substantiation of two statements: (1) Thales became famous mathematician not thanks to discovery of elementary geometric facts, but thanks to his measuring, particularly one of Egyptian pyramid height (2) Thales didn't think about his geometrical facts as separate branch of science

Key words: Thales, Miletus school, mathematic in ancient Greece

Во всех исследованиях и источниках по истории античной математики Фалес Милетский (625-547 до Р.Х.) упоминается как первый древнегреческий математик и философ. Относительно геометрических открытий Фалеса все источники единодушны. А именно, утверждается, что Фалес установил следующие геометрические факты: (1) диаметр делит круг на две равные части, (2) вертикальные углы равны, (3) углы при основании равнобедренного треугольника равны, (4) вписанный угол, опирающийся на диаметр – прямой, (5) признак равенства треугольников по стороне и прилежающим к ней углам. Думается, что более простой признак равенства треугольников, по двум сторонам и углу между ними, Фалесу тоже был известен. Известно также, что Фалес посещал Египет, где определил высоту одной из пирамид. Утверждается, кроме того, что Фалес обучался геометрии у египетских жрецов, что, на наш взгляд, весьма сомнительно (точнее сказать, сле-

дует полностью отвергнуть такую возможность, подробнее об этом будет сказано далее).

Автор великолепного исследования [1] известный математик Б.Л. Ван дер Варден выдвигает свою версию творчества Фалеса [1; С. 124-125], с которой, к сожалению, согласиться не представляется возможным. По Б.Л. Ван дер Вардену получается, что Фалес в деталях ознакомился не только с египетскими, но и с вавилонскими математическими знаниями. Его не устраивало, что эти знания состоят, по существу, из нагромождения необоснованных фактов, а также отдельные факты противоречат друг другу (так, в Месопотамии $\pi \sim 3$, а в Египте $\pi \sim 3,1605$). Фалес решил во всем этом разбираться и стал строить геометрию в виде дедуктивной системы, двигаясь от простых фактов к сложным. На наш взгляд, эта гипотеза весьма уязвима. Выходит, что Фалес, взявшись за дедуктивное построение геометрии, бросил это занятие, едва полу-

чив самые простые факты (заметим, Фалес прожил 80 лет и времени у него было достаточно). Не понятно, в связи с этим, в чем причина огромной популярности Фалеса у образованной античной публики.

Позволим себе высказать некоторые соображения на этот счет. Популярность Фалесу снискали не открытые им факты, касающиеся треугольников и кругов, а проведенные им эффектные определения длин и расстояний, не доступных непосредственному измерению. Как уже отмечалось выше, Фалес определил высоту одной из египетских пирамид. Кроме этого, он определял расстояние до корабля в море, возможно, какие-то другие величины, например, ширину реки. Открытые Фалесом геометрические факты составляют необходимый набор для решения этих задач.

Начнем с рассмотрения наиболее сложной задачи из этого перечня: задачи определения высоты пирамиды. Заметим, то, что Фалес взялся за это предприятие, говорит о том, что он не имел непосредственного общения с жрецами (по крайней мере, достоверного). Трудно представить, что жрецы не знали какова высота этой пирамиды. Маловероятно также, что они поставили Фалесу эту задачу в качестве теста на сообразительность.

Приведем цитату из [2], которая воспринимается как курьез. Речь идет о методе, которым Фалес измерил высоту пирамиды: «Этот метод до удивления прост. Вначале Фалес с помощью обычной палки установил час, когда тень и высота тела равны между собой, а затем в тот же час он измерил тень пирамиды, которая и была ее высотой» [2; С. 37]. На самом деле не все так просто, как кажется авторам [2]. Пирамида – не палка и имеет массивное квадратное основание. А для того, чтобы непосредственно измерить длину тени, надо добраться до центра этого квадрата (что сделать не возможно). Фалес мог только отметить точку, куда падает тень от вершины пирамиды. Заметим, что необходимым условием существования такой точки является то, чтобы высота пирамиды была бы больше половины стороны основания (иначе в назначенный час вся

боковая поверхность пирамиды будет освещена). Самая высокая из пирамид этому условию удовлетворяет. Когда точка, в которую попадает тень вершины (пусть это – точка A), найдена, то высота пирамиды может быть найдена в результате выполнения следующей процедуры. Найдем точку B – ближайшую к A из середин сторон основания, затем найдем точку C так, чтобы BC было перпендикулярно к этой стороне и AC было перпендикулярно BC . Фалес мог это сделать, опираясь на известные ему геометрические факты. Восстановить из точки B перпендикуляр к стороне пирамиды можно используя свойства равнобедренных треугольников.

Выберем на стороне пирамиды по разные стороны от B две точки B_1 и B_2 , так, чтобы $BB_1 = BB_2$. Возьмем веревку длиной раза в три (приблизительно) больше длины B_1B_2 . Перегнув веревку пополам, зафиксируем ее середину. Закрепим концы веревки в точках B_1 и B_2 и натянем ее за середину до упора. Середина веревки ляжет в некоторую точку C_1 , при этом BC_1 будет перпендикулярно стороне пирамиды (на которой лежит точка B). Теперь на продолжении отрезка BC_1 надо найти точку C , о которой сказано выше. Это можно сделать следующим образом. Найдем точку A_1 – середину AB и проведем окружность с центром в A_1 радиуса A_1B . Пересечение этой окружности с продолжением BC_1 и есть точка C . Обозначим O – недоступную нам точку – центр основания пирамиды. Тогда искомая длина тени, она же высота пирамиды, это – длина отрезка OA , который является гипотенузой прямоугольного треугольника OAC . Катет AC доступен, его длину можно измерить непосредственно. Длина же катета OC равна сумме длины отрезка CB и половины длины стороны основания пирамиды. Итак, по известным катетам надо определить гипотенузу. Теорему Пифагора Фалес не знал (иначе эта теорема называлась бы теоремой Фалеса). Видимо, он просто воспроизвел на свободной площадке копию треугольника OAC .

Сформулируем свою точку зрения на математическое творчество Фалеса.

Фалес располагал ограниченным набором элементарных (по сравнению с полученными позднее другими греческими учеными) геометрических фактов. При этом основной задачей Фалеса было определение длин, недоступных непосредственному измерению. Факты (теоремы) он обосновывал с помощью аргументации, которую можно отнести к разряду мысленных экспериментов. Например, он «доказывал» равенство углов при основании равнобедренного треугольника примерно так: если разрезать треугольник по биссектрисе угла при вершине, то получим два равных треугольника. Фалес был вынужден при-

бегать к теоретическим обоснованиям, так как, имея дело с недоступными расстояниями, он не мог проверить свои утверждения опытным путем. Далее, Фалес не придавал совокупности геометрических фактов статус отдельной научной дисциплины (выражаясь современным языком). Заметим в связи с этим, что его ученик Анаксимандр и ученик Анаксимандра Анаксимен вопросов геометрии не касались. Хотя аргументация Фалеса не может рассматриваться в качестве полноценного доказательства теорем, как у Евклида, но, безусловно, дедуктивное построение геометрии начинается именно с него.

Литература

1. Ван дер Варден Б.Л. Пробуждающаяся наука. Математика древнего Египта, Вавилона и Греции. – М.: Физматгиз, 1959. – 459 с.
2. Фолта Я., Новы Л. История естествознания в датах. Хронологический обзор. – М.: Прогресс, 1987. – 495 с.

Коротко об авторе

Абакумов Ю.Г., канд. физ.-мат. наук, профессор кафедры информатики, вычислительной техники и прикладной математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Тел.: (8-3022) 44-89-54

Научные интересы: функциональный анализ, теория приближений, философские вопросы математики

Briefly about the author

Yu. Abakumov, Candidate of Physics and Mathematics, Professor, Informatics, Computer Science and Applied Mathematics Department, Chita State University

Scientific interests: functional analysis, approximation theory, philosophical questions of mathematics

УДК 517

Лямина Ольга Сергеевна
Olga Lyamina

Шерстюк Татьяна Юрьевна
Tatyana Sherstuk

**НЕКОТОРЫЕ
АППРОКСИМАЦИОННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРИБЛИЖЕНИЯ
ТРИГОНОМЕТРИЧЕСКИМИ ОПЕРАТОРАМИ
БАСКАКОВА ФУНКЦИЙ КЛАССА $Lip\alpha$**

**SEVERAL APPROXIMATE CHARACTERISTICS
OF APPROACHING BY BASKAKOV
TRIGONOMETRIC OPERATORS FUNCTIONS LIKE $Lip\alpha$**

Отражены результаты характера зависимости от α констант $A_{O,\alpha}$, равномерной по k ограниченности $A_{O,\alpha}$ при $m = 1$ и любом $\alpha \in (0, 1)$, оценки разности $A_{O,\alpha} - A_{y,\alpha}$ (при $m = 1$), а также результат динамики одного параметра, определяющего $A_{y,\alpha}$

Ключевые слова: тригонометрические операторы Баскакова, аппроксимационная характеристика

The paper presents results on the nature of the dependence of the constants $\alpha A_{O,\alpha}$, of uniform boundedness of $A_{O,\alpha}$ k with $m = 1$ and any $\alpha \in (0, 1)$, the evaluation of the difference $A_{O,\alpha} - A_{y,\alpha}$ ($m = 1$), as well as the result of the dynamics of one parameter that determines the $A_{y,\alpha}$

Key words: Baskakov trigonometric operators, approximated function

1. Вводные замечания

Тригонометрическими операторами Баскакова называют (см. [1]) аппроксимирующие последовательности вида

$$M_n^{[m](k_1, \dots, k_m)}(f, x) = \frac{2^{m-1} \prod_{j=1}^m \sin^2 \frac{\pi k_j}{n}}{\pi n} \int_{-\pi}^{\pi} \frac{|t|^\alpha \sin^2 \frac{nt}{2} dt}{\sin^2 \frac{t}{2} \prod_{j=1}^m \left(\cos t - \cos \frac{2k_j \pi}{n} \right)}, \quad (1)$$

где целые параметры m, k_j не зависят от n и удовлетворяют неравенствам $m > 0, 0 < k_1 < k_2 < \dots < k_m$. Если $m = 1$, то вместо k_1 пишут k .

Известно ([1, 2]), что если $f(t) \in Lip_M \alpha$, то

$$\|M_n^{[m](k_1, \dots, k_m)}(f, x) - f(x)\| \leq M A_{O, \alpha}^{[m](k_1, \dots, k_m)} \cdot n^{-\alpha} + o(n^{-\alpha}), \quad (2)$$

где $A_{O, \alpha}^{[m](k_1, \dots, k_m)} = 2^{1+\alpha} \pi k^2 \prod_{j=1}^m k_j^2 \int_0^\infty \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2 \prod_{j=1}^m |k_j^2 \pi^2 - t^2|}$ (говорят, что $f(t)$ принадлежит

классу $Lip_M \alpha$, $M > 0, \alpha \in (0, 1]$, если $\forall t_1, t_2$ выполняется

$$|f(t_1) - f(t_2)| \leq M |t_1 - t_2|^\alpha.$$

Константа $A_{O, \alpha}^{[m](k_1, \dots, k_m)}$ в неравенстве (2) точной не является и может быть (в некоторых случаях, как установлено) улучшена.

Так, известно, что если существуют (для данных фиксированных значений параметров) константы $\lambda_1^o, \lambda_2^o, \dots, \lambda_m^o$ такие, что

$$0 < \lambda_1^o < k_1 \pi < \lambda_2^o < k_2 \pi < \dots < k_{m-1} \pi < \lambda_m^o < k_m \pi$$

и для $j = 1, 2, \dots, m$ выполняется $\int_{\lambda_j^o}^{\lambda_{j+1}^o} \frac{\sin^2 t dt}{t^2 \prod_{j=1}^m (k_j^2 \pi^2 - t^2)} = 0$, при этом полагаем

$\lambda_{m+1}^o = \infty$, то для операторов (1), если $f(t) \in Lip_M \alpha$

$$\|M_n^{[m](k_1, \dots, k_m)}(f, x) - f(x)\| \leq M A_{y, \alpha}^{[m](k_1, \dots, k_m)} \cdot n^{-\alpha} + o(n^{-\alpha}), \quad (3)$$

$$\text{где } A_{y, \alpha}^{[m](k_1, \dots, k_m)} = 2^{1+\alpha} \pi^{2m-1} \prod_{j=1}^m k_j^2 \left(\int_0^{\lambda_1^o} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2 \prod_{j=1}^m (k_j^2 \pi^2 - t^2)} + \sum_{j=1}^m \int_{\lambda_j^o}^{\lambda_{j+1}^o} \frac{|t - k_j \pi|^\alpha \sin^2 t dt}{t^2 |k_j^2 \pi^2 - t^2|} \right)$$

(см. [2]).

В [2] приведена другая форма записи этой константы, эквивалентная приведенной. Существование множеств констант $\Lambda_{[m](k_1, k_2, \dots, k_m)}^O = \{\lambda_j^o\}_{j=1}^m$, удовлетворяющих приведенным условиям, доказано в следующих частных случаях:

1) при $m = 1, 2, 3$ и любых допустимых значениях параметров k_j (см. [2, 3]), 2) при $m = 4$ и некоторых конкретных наборах параметров k_j (см. [4, 5]), 3) при $m = 5$ и $(k_1, k_2, k_3, k_4, k_5) = (1, 2, 3, 4, 5)$ (см. [6]).

2. Поведение величины $A_{O, \alpha}$ как функции от α при $\alpha \in [0, 1]$

В данном пункте константу из неравенства (2) для сокращения будем обозначать $A_{O, \alpha}$, отпуская верхние индексы.

При $\alpha = 0$, константа $A_{O, 0}$ обращается в главный член нормы $\|M_n^{[m](k_1, \dots, k_m)}\|$,

т.е. $\|M_n^{[m](k_1, \dots, k_m)}\| = A_{O,0} + (1)$.

При $\alpha = 1$, константа $A_{O,1}$ становится оценочной константой (см. [2]) в оценке приближения функций класса $Lip_M 1$.

Теорема 1. На отрезке $[0, 1]$ величина $A_{O,\alpha}$ как функция от α возрастает и выпукла вниз.

Доказательство.

Докажем сначала выпуклость вниз.

$$\frac{d^2 A_{O,\alpha}}{d\alpha^2} = 2\pi^{2m-1} \prod_{j=1}^m k_j^2 \int_0^\infty \frac{(2t)^\alpha \ln^2(2t) \sin^2 t dt}{t^2 \prod_{j=1}^m |k_j^2 \pi^2 - t^2|}. \quad (4)$$

При $\alpha \in [0, 1]$ интеграл в правой части (4) сходится и, очевидно, $\frac{d^2 A_{O,\alpha}}{d\alpha^2} > 0$.

$$\text{Далее, } \left. \frac{dA_{O,\alpha}}{d\alpha} \right|_{\alpha=0} = \lim_{\alpha \rightarrow 0^+} 2\pi^{2m-1} \prod_{j=1}^m k_j^2 \int_0^\infty \frac{((2t)^\alpha - 1) \sin^2 t dt}{\alpha t^2 \prod_{j=1}^m |k_j^2 \pi^2 - t^2|}.$$

Если мы докажем, что $\left. \frac{dA_{O,\alpha}}{d\alpha} \right|_{\alpha=0} > 0$, то теорема будет доказана.

Будем использовать тот факт, что

$$\lim_{\alpha \rightarrow 0^+} \int_0^2 \frac{((2t)^\alpha - 1) \sin^2 t dt}{\alpha t^2} \approx 0,111154 > 0. \quad (5)$$

Вычисления выполнены на MathCad.

Так как подынтегральное выражение в (5) отрицательно при $t \in \left(0, \frac{1}{2}\right)$,

положительно при $t > \frac{1}{2}$, из (5) получаем

$$\left| \lim_{\alpha \rightarrow 0^+} \int_0^{0,5} \frac{((2t)^\alpha - 1) \sin^2 t dt}{\alpha t^2} \right| < \lim_{\alpha \rightarrow 0^+} \int_{0,5}^2 \frac{((2t)^\alpha - 1) \sin^2 t dt}{\alpha t^2}.$$

Любое значение функции $\left(\prod_{j=1}^m |k_j^2 \pi^2 - t^2| \right)^{-1}$ при $t \in \left(0, \frac{1}{2}\right)$ меньше любого значения этой функции при $t \in \left(\frac{1}{2}, 2\right)$.

Отсюда получим $\lim_{\alpha \rightarrow 0^+} \int_0^2 \frac{((2t)^\alpha - 1) \sin^2 t dt}{\alpha t^2 \prod_{j=1}^m |k_j^2 \pi^2 - t^2|} > 0$. Тем более,

$$\lim_{\alpha \rightarrow 0^+} \int_0^\infty \frac{((2t)^\alpha - 1) \sin^2 t dt}{\alpha t^2 \prod_{j=1}^m |k_j^2 \pi^2 - t^2|} > 0.$$

Это значит $\left. \frac{dA_{O,\alpha}}{d\alpha} \right|_{\alpha=0} > 0$.

Теорема доказана.

3. Оценка норм операторов Баскакова при $m = 1$

В дальнейшем мы рассматриваем только случай $m=1$ и обозначаем k вместо k_1 .

В этом случае $\|M_n^{[1](k)}\| = A_{O,0} + \gamma_{k,n}$,

где $A_{O,0} = A_{O,0}(k) = 2\pi k^2 \int_0^\infty \frac{\sin^2 t dt}{t^2 |k^2 \pi^2 - t^2|}$, при любом фиксированном k имеет место

$$\gamma_{k,n} = o(1) \text{ (см. [1])}.$$

Сформулируем основной результат этого пункта.

Теорема 2. При $k \rightarrow \infty$ имеет место асимптотическое равенство

$$A_{O,0}(k) = 1 + O\left(\frac{\ln k}{k}\right).$$

Доказательство.

Заметим, из равенства $M_n^{[1](k)}(1, x) = 1$ следует $2\pi k^2 \int_0^\infty \frac{\sin^2 t dt}{t^2 (k^2 \pi^2 - t^2)} = 1$ (см.

[1]). Отсюда получаем $2\pi k^2 \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t^2 (k^2 \pi^2 - t^2)} > 1$. Это значит, что найдется $\lambda_0 < k\pi$

(λ_0 зависит от k) такое, что

$$2\pi k^2 \int_0^{\lambda_0} \frac{\sin^2 t dt}{t^2 (k^2 \pi^2 - t^2)} = 1. \tag{6}$$

Из (6) следует, в свою очередь, что

$$2\pi k^2 \int_{\lambda_0}^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t^2 (k^2 \pi^2 - t^2)} = 2\pi k^2 \int_{\lambda_0}^\infty \frac{\sin^2 t dt}{t^2 |k^2 \pi^2 - t^2|}. \tag{7}$$

Из (6) и (7) приходим к выводу, что для доказательства теоремы достаточно исследовать поведение величины $J(k) = 2\pi k^2 \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t^2 (k^2 \pi^2 - t^2)}$.

Используя равенство $\frac{1}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)} = (\pi k)^{-2} \left(\frac{1}{t^2} + \frac{1}{k^2\pi^2 - t^2} \right)$, получим

$$J(k) = \frac{2}{\pi} \left(\int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{t^2} + \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{k^2\pi^2 - t^2} \right). \quad (8)$$

Рассмотрим первое слагаемое в правой части (8).

$$\frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{t^2} = \frac{2}{\pi} \int_0^{\infty} \frac{\sin^2 t \, dt}{t^2} + O(k^{-1}) = 1 + O(k^{-1}). \quad (9)$$

Используется, что $\int_0^{\infty} \frac{\sin^2 t \, dt}{t^2} = \frac{\pi}{2}$ (см. [7], формула 859.002).

Покажем теперь, что второе слагаемое в правой части (8) имеет порядок $k^{-1} \ln k$. Раскладывая в сумму дробь $(k^2\pi^2 - t^2)^{-1}$, имеем

$$\frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{k^2\pi^2 - t^2} = \frac{1}{k\pi^2} \left(\int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{k\pi + t} + \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{k\pi - t} \right). \quad (10)$$

Относительно первого интеграла в скобках правой части (10) имеем

$$\int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{k\pi + t} < (k\pi)^{-1} \int_0^{k\pi} \sin^2 t \, dt = O(1). \quad (11)$$

Во втором интеграле делаем замену $\tau = k\pi - t$

$$\int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{k\pi - t} = \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t \, dt}{\tau} = O(\ln k). \text{ Имея в виду (7), делаем вывод, что}$$

теорема доказана.

4. Характер зависимости λ_0 от k

В предыдущем пункте мы определили $\lambda_0 = \lambda_0(k)$ как величину, удовлетворяющую уравнению (6). В дальнейшем в этом пункте мы используем равенство

$$\int_{\lambda_0}^{\infty} \frac{\sin^2 t \, dt}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)} = 0. \quad (12)$$

Теорема 3. Существуют постоянные a_0, b_0 , такие, что $0 < a_0 < b_0 < 1$ и для $\lambda_0 = \lambda_0(k)$, удовлетворяющего (12), выполняется $a_0 < \frac{\lambda_0}{k\pi} < b_0$.

Доказательство.

Фактически мы докажем более сильное утверждение, чем то, которое имеется в формулировке теоремы. А именно, что существует

$$b^\infty, \quad 0 < b^\infty < 1, \quad b^\infty = \lim_{k \rightarrow \infty} \frac{\lambda_0(k)}{k\pi}.$$

Обозначим $\lambda_0 = (1 - a_k)k\pi$, $F(t) = \frac{\sin^2 t}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)}$ и запишем (12) в виде

$$\int_{(1-a_k)k\pi}^{\infty} F(t) dt = 0.$$

Или

$$J_1 + J_2 + J_3 = \int_{(1-a_k)k\pi}^{k\pi} F(t) dt + \int_{k\pi}^{(1+a_k)k\pi} F(t) dt + \int_{(1+a_k)k\pi}^{\infty} F(t) dt = 0.$$

Заметим, $J_1 > 0$, $J_2 < 0$, $J_3 < 0$. Преобразуем J_1 , J_2 , J_3 . В J_1 и J_2 последовательно применяя подстановки $t = k\pi - u$, $u = k\pi t$ в первом случае и $t = k\pi + u$, $u = k\pi t$ во втором, получим

$$J_1 = (k\pi)^{-3} \int_0^{a_k} \frac{\sin^2 k\pi t dt}{(1-t)^2 t(2-t)}, \quad J_2 = -(k\pi)^{-3} \int_0^{a_k} \frac{\sin^2 t dt}{(1+t)^2 t(2+t)}.$$

$$\text{Складывая, получим } J_1 + J_2 = 2(k\pi)^{-3} \int_0^{a_k} \frac{(5+t^2)\sin^2 k\pi t dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)}.$$

В J_3 сделаем подстановку $t = k\pi u$ (для единообразия в результирующем выражении вместо u записываем t). Получаем $J_3 = (k\pi)^{-3} \int_{1+a_k}^{\infty} \frac{\sin^2 k\pi t dt}{t^2(1-t^2)}$.

Приходим к выводу, что a_k должно быть таково, что выполняется равенство

$$2 \int_0^{a_k} \frac{(5+t^2)\sin^2 k\pi t dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)} = \int_{1+a_k}^{\infty} \frac{\sin^2 k\pi t dt}{t^2(t^2-1)}. \quad (13)$$

Из (13) получим, что при любом $k \geq 1$ выполняются неравенства $0 < a_k < 1$.

Теорема 3 будет доказана, если мы установим, что существует предел последовательности $\{a_k\}_{k=1}^{\infty}$ и что $0 < \lim_{k \rightarrow \infty} a_k < 1$.

Обозначим a^{∞} число, удовлетворяющее равенству

$$2 \int_0^{a^{\infty}} \frac{(5+t^2) dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)} = \int_{1+a^{\infty}}^{\infty} \frac{dt}{t^2(t^2-1)}. \quad (14)$$

Непосредственными вычислениями (с использованием компьютерных средств) получаем $a^{\infty} = 0,16644$.

Подставим в (14) a^{∞} вместо a_k и выпишем обе части получающегося уравнения:

$$2 \int_0^{a^{\infty}} \frac{(5+t^2)\sin^2 k\pi t dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)} = \int_0^{a^{\infty}} \frac{(5+t^2) dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)} - \int_0^{a^{\infty}} \frac{(5+t^2)\cos 2k\pi t dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)},$$

Имея в виду (14) и то, что $\lim_{k \rightarrow \infty} \int_0^{a^\infty} \frac{(5+t^2)\cos 2k\pi t dt}{(1-t^2)^2(4-t^2)} = 0$,

$$\lim_{k \rightarrow \infty} \int_{1+a^\infty}^{\infty} \frac{\cos 2k\pi t dt}{t^2(t^2-1)} = 0.$$

Отсюда получим: $\lim_{k \rightarrow \infty} a_k = a^\infty$.

Теорема доказана.

5. Равномерная ограниченность $A_{O,\alpha}$ при каждом $\alpha \in (0, 1)$ и оценка разности $A_{O,\alpha} - A_{y,\alpha}$

Теорема 4. При любом фиксированном $\alpha \in (0, 1)$ величина

$$A_{O,\alpha}^{(k)} = 2^{1+\alpha} \pi k^2 \int_0^{\infty} \frac{t^{\alpha-2} \sin^2 t dt}{|k^2 \pi^2 - t^2|} \text{ равномерна по } k \text{ ограничена.}$$

Доказательство.

Представим $A_{O,\alpha}^{(k)}$ в виде суммы

$$A_{O,\alpha}^{(k)} = 2^{1+\alpha} \pi k^2 \int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2(k^2 \pi^2 - t^2)} + 2^{1+\alpha} \pi k^2 \int_{k\pi}^{\infty} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2(t^2 - k^2 \pi^2)} = 2^\alpha (J_1 + J_2).$$

Преобразуем J_1 :

$$J_1 = \frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} t^\alpha \left(\frac{\sin^2 t}{t^2} + \frac{\sin^2 t}{k^2 \pi^2 - t^2} \right) dt = \frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t}{t^{2-\alpha}} dt + \frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t}{k^2 \pi^2 - t^2} dt = J_{1,1} + J_{1,2}.$$

Оценивая первое слагаемое, имеем

$$J_{1,1} = \frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t}{t^{2-\alpha}} dt < \frac{2}{\pi} \int_0^{\infty} \frac{\sin^2 t}{t^{2-\alpha}} dt.$$

Последний интеграл сходится при любом $\alpha \in (0, 1)$.

Далее покажем, что $J_{1,2} = o(1)$. Действительно,

$$J_{1,2} = \frac{2}{\pi} \int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{k^2 \pi^2 - t^2} = \frac{1}{k \pi^2} \left(\int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{k\pi + t} + \int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{k\pi - t} \right) = J_{1,2,1} + J_{1,2,2}$$

$$J_{1,2,1} = \frac{1}{k \pi^2} \int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{k\pi + t} < \frac{(k\pi)^\alpha}{k^2 \pi^3} \int_0^{k\pi} \sin^2 t dt < \frac{1}{\pi} (k\pi)^{\alpha-1} = o(1).$$

$$J_{1,2,2} = \frac{1}{k \pi^2} \int_0^{k\pi} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{k\pi - t} < \frac{(k\pi)^\alpha}{k \pi^2} \int_0^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t} = O\left(\frac{\ln k}{k^{1-\alpha}}\right).$$

Осталось оценить J_2 .

$$J_2 = 2\pi k^2 \int_{k\pi}^{\infty} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2(t^2 - k^2\pi^2)} < \frac{2}{\pi} \int_{k\pi}^{\infty} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2 - k^2\pi^2}.$$

Сделаем замену $\tau = t - k\pi$, затем вновь обозначим t вместо τ

$$J_2 = 2\pi k^2 \int_0^{\infty} \frac{(t + k\pi)^\alpha \sin^2 t dt}{t(t + 2k\pi)} < \frac{2}{\pi} \int_0^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t(t + k\pi)^{1-\alpha}} < \frac{2}{\pi} \int_0^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t^{2-\alpha}}.$$

Последний интеграл сходится. Следовательно, $J_2 = O(1)$.

Итак, теорема 4 доказана.

Заметим, что $A_{O,\alpha}^{(k)}$ равномерно ограничено при каждом фиксированном $\alpha \in (0, 1)$, но не по всем α в совокупности. Известно (см., например, [2]), что $A_{O,1}^{(k)} = O(\ln k)$.

Обозначим $A_{y,\alpha}^{(k)} = 2^{1+\alpha} k^2 \pi \left(\int_0^{\lambda_0} \frac{t^\alpha \sin^2 t dt}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)} + \int_{\lambda_0}^{\infty} \frac{|t - k_j\pi|^\alpha \sin^2 t dt}{t^2|k^2\pi^2 - t^2|} \right)$, где λ_0

удовлетворяет равенству (12) (а также равенству (6)).

Теорема 5. Выполняется следующая оценка $A_{O,\alpha}^{(k)} - A_{y,\alpha}^{(k)} = O\left(\frac{\ln k}{k^{1-\alpha}}\right)$.

Доказательство.

Учитывая (6) и принимая во внимание теорему 2, получим

$$2^{1+\alpha} k^2 \pi \int_{\lambda_0}^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t^2|k^2\pi^2 - t^2|} = O\left(\frac{\ln k}{k}\right). \tag{15}$$

Оценим разность оценочных и улучшенных констант

$$A_{O,\alpha}^{(k)} - A_{y,\alpha}^{(k)} = 2^{1+\alpha} k^2 \pi \int_{\lambda_0}^{k\pi} \left(t^\alpha - |t - k\pi|^\alpha \right) \frac{\sin^2 t dt}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)} +$$

$$+ 2^{1+\alpha} k^2 \pi \int_{k\pi}^{\infty} \left(t^\alpha - (t - k\pi)^\alpha \right) \frac{\sin^2 t dt}{t^2|k^2\pi^2 - t^2|} = Q_1 + Q_2.$$

Q_1 удовлетворяет следующему двойному неравенству

$$2^\alpha \left(\lambda_0^\alpha - (k\pi - \lambda_0)^\alpha \right) 2k^2 \pi \int_{\lambda_0}^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)} < Q_1 < 2^\alpha (k\pi)^\alpha 2k^2 \pi \int_{\lambda_0}^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t^2(k^2\pi^2 - t^2)}.$$

Таким образом, Q_1 имеет точный порядок $O\left(\frac{\ln k}{k^{1-\alpha}}\right)$.

Для Q_2 выполняется оценка

$$Q_2 < 2^\alpha (k\pi)^\alpha 2k^2\pi \int_{k\pi}^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t^2 |k^2\pi^2 - t|} = O\left(\frac{\ln k}{k^{1-\alpha}}\right).$$

Теорема доказана.

Литература

1. Абакумов Ю.Г. Приближение периодических функций тригонометрическими операторами Баскакова: научное издание. – Чита: ЧитГУ, 2006. – 158 с.
2. Коган Е.С. Некоторые методы получения точных и экстремальных констант в оценках приближения линейными операторами функций классов $Lip_M \alpha$: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. – Красноярск, 2005. – 16 с.
3. Абакумов Ю.Г. Тригонометрические операторы Баскакова – уникальный пример совокупности аппроксимирующих последовательностей // Применение функционального анализа в теории приближений. – Тверь: ТвГУ, 2007. – С. 8-13.
4. Абакумов Ю.Г., Карымова Е.Ю., Коган Е.С. Об одной точной константе // Применение функционального анализа в теории приближений. – Тверь: ТвГУ, 2008. – С. 14-17.
5. Верхотурова М.А. О точной константе $A_H^{[4](1,3,4,5)}$ // Применение функционального анализа в теории приближений. – Тверь: ТвГУ, 2009. – С. 3-6.
6. Абакумов Ю.Г., Верхотурова М.А. О точной константе в одной аппроксимационной оценке // Моделирование. Системный анализ. Технологии: сб. науч. трудов. – Чита: ЗаБИЖТ, 2008. – С. 51-55.
7. Двайт Г.Б. Таблицы интегралов и другие математические формулы. – М.: Наука, 1978. – 228 с.

Коротко об авторах

Briefly about the authors

Лямина О.С., ст. преподаватель кафедры прикладной информатики и математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-73-12

O. Lyamina, Lecturer of Applied Informatics and Mathematics Department, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: исследование тригонометрических операторов Баскакова

Scientific interests: Baskakov's research of trigonometrical operators

Шерстюк Т.Ю., ст. преподаватель кафедры математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ)
Служ. тел.: (3022) 41-73-12

T. Sherstuk, Lecturer of Mathematics, Chita State University (ChSU)

Научные интересы: исследование тригонометрических операторов Баскакова

Scientific interests: Baskakov's research of trigonometrical operators

Книгоград

Эрдынеева К.Г., Коновалова Н.А., Мангушов В.В. Адаптация студентов (психолого-педагогическое исследование). Ч. I.: научное издание. – Чита: ЧитГУ, 2009. – 159 с.

В монографии рассматриваются проблемы адаптации студентов к образовательной среде. Показаны особенности педагогической и социально-психологической адаптации личности. Выявлена структура психолого-педагогической адаптации и представлены условия адаптации студентов.

Работа может представить интерес для психологов, педагогов, юристов, социологов, занимающихся проблемами адаптации

Герасимов В.М. Волокнистые полимерные материалы в геотехнологии: монография. – Чита: ЧитГУ, 2010. – 207 с.

В монографии рассмотрены физико-механические свойства и характеристики волокнистых полимерных материалов, а также пути их создания с заданными параметрами.

Представлены направления использования волокнистых полимерных материалов в грунтовых сооружениях, в фильтровальных устройствах, предназначенных для осветления сточных и оборотных вод, в основаниях штабелей при кучном выщелачивании металлов, в рекультивации земель. Теоретические и экспериментальные исследования по применению волокнистых полимерных материалов в геотехнологии выполнялись автором в течение 25 лет и легли в основу разработанных методов, способов, устройств, подтвержденных патентами.

Монография предназначена для технических работников и специалистов. Монография может быть полезной аспирантам и студентам при выполнении диссертационных работ и дипломных проектов

Содержание

Экономические науки

- Дмитриев В.Ю., Харабет В.В.
Организационно-функциональные особенности взаимосвязи образовательной и производственной систем
V. Dmitriev, V. Kharabet
Organizational-Functional Features of Educational and Industrial Systems' Interrelation 3
- Сокол-Номоконов Э.Н., Сокол-Номоконов В.Э.
Роль временного фактора в процессах реализации документов территориального планирования
E. Sokol-Nomokonov, V. Sokol-Nomokonov
The Role of Temporary Factor Inprocesses of Realization of Documents of Territorial Planning 9

Философские науки

- Морозова В.С.
Динамика культурных процессов молодого города в условиях трансформации
социокультурной реальности (на примере г. Маньчжурия, АРВМ КНР)
V. Morozova
The Dynamics of Cultural Processes of Young City in the Conditions of Transformation
the Sociocultural Reality (concerning the City of Manzhouli, the Region of Inner Mongolia, China) 17
- Шугаев А.В.
Национальные особенности системы внешней пропаганды КНР (на примере телевизионных программ)
A. Shugaev
National Specifics of China's Foreign Propaganda (on the Example of Television Programs) 24

Филологические науки

- Жамсаранова Р.Г.
Этнонимия Даурии в аспекте диахронного контактирования этносов
R. Zhamsaranova
The Ethnonymic Tribal Proper Names in the Aspect of Diachronic Contact of Ancient People of Dauria 29
- Лиханова Н.А.
Идеографическое прочтение диалектного словаря
N. Lihanova
Ideographic Perusal of the Dialect Dictionary 35
- Мальчакитова Н.Ю.
Национально-специфическое содержание концептов «Душа», «Судьба» в языковой картине мира эвенков
N. Malchakitova
The National-Specific Maintenance of Concepts «Soul», «Destiny» in a Language Picture of Evenks 40
- Титова М.П.
Концепт «Пространство» и его отражение во фразеологии национальных языков
M. Titova
Concept «Space» and its Reflection in Phraseology of National Languages 45

Юридические науки

- Дондиков Ц.С.
Содержание правовой категории «общественный порядок»
Ts. Dondikov
Contents of the Legal Category «Public Orders» 52
- Полежаев В.М.
Теоретические и прикладные проблемы развития федерализма в советской России
V. Polezhayev
Theoretical and Applied Problems of Federalism Development in The Soviet Russia 57
- Фирсов О.В.
Правовое регулирование порядка проверки достоверности сведений о доходах,
представленных федеральными государственными служащими
-
-

О. Firsov Law Regulating of Reliability Checking Order of Information about Incomes, Given by Federal State Employees	63
---	----

Педагогические науки

Абрамович С.В., Васильева П.А. Оптимизация образовательного процесса по физической культуре в условиях вуза S. Abramovich, P. Vasilieva Optimization of Educational Process for Physical Education in High School	67
--	----

Старостина С.Е. Естественнонаучное образование в высшей школе: состояние, проблемы S. Starostina Natural Sciences Education at University: Condition, Problems, Prospects	73
--	----

Политология

Козыкина Н.В. Теоретико-методологические подходы к изучению международной миграции: концепция «миграционных систем» N. Kozykina Theoretical and Methodological Approaches to the Study Of international Migration: the Concept of «Migration System»	81
---	----

Котельников А.А. Особенности функционирования электронных СМИ КНР на примере регулирования их деятельности A. Kotelnikov Features of Functioning of Electronic Media of PRC on the Example of their Activities' Regulation	87
---	----

Шемелин А.В. Перспективы развития избирательного права в РФ A. Shemelin Prospects of Electoral Right Development in Russian Federation	92
---	----

Культурология

Камедина Л.В. Стереотипы восприятия религиозных культур L. Kam Medina Stereotypes of Religious Cultures's Perception	96
---	----

Науки о Земле

Маслюков Г.Е., Заслоновский В.Н. Влияние горнодобывающих предприятий Могочинского района Забайкальского края на экологическую безопасность территории G. Maslyakov, V. Zaslonsky The Effect of Mining Mogochinsky District Trans-Baikal Territory on Environmental Security Area	102
--	-----

Математика и информатика

Абакумов Ю.Г. Геометрия Фалеса Милетского. Попытка реконструкции Yu. Abakumov Geometry of Thales of Miletus. Attempt of Reconstruction	109
---	-----

Лямина О.С., Шерстюк Т.Ю. Некоторые аппроксимационные характеристики приближения тригонометрическими операторами Баскакова функций класса $Lip\alpha$ O. Lyamina, T. Sherstuk Several Approximate Characteristics of Approaching by Baskakov Trigonometric Operators Functions Like $Lip\alpha$	112
---	-----

Книгоград	121
------------------------	-----

ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 10 (67)

2010

Научный редактор д-р социол. наук Н.П. Романова

Литерат. редактор А.А. Шалавина

Технический редактор М.А. Витовская

Подписано в печать 25.12.2010

Сдано в производство 27.12.2010

Форм. бум. 60 x 84 1/8

Печать офсетная

Уч.-изд. л. 12,6

Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2

Гарнитура Bodoni

Усл. печ. л. 12,4

Заказ № 3

ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РИК ЧитГУ

672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Раб. тел.: 41-67-18; E-mail: rik-romanova-chita@mail.ru
